КП
10
К 17
Калина-
Эйзенбух.
Рабочий
вопрос...
М, 1923

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КП
10
К17

КАЛИНА-АЙЗЕНБУХ

РАБОЧИЙ ВОПРОС В СВЕТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1923

36265/8°

5 Aug '85

КП
10
К17

331:33] (01

С. КАЛИНА-ЭЙЗЕНБУХ

РАБОЧИЙ ВОПРОС
В КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

Ш. ДВОЛАЙЦКОГО

Б... Ин... ...Профес.
36265
8°
124217

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
МОСКВА—1923

Главлит № 4016. Тираж 10.000.

Типография Г. П. У., Б. Лубянка, 18.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Изучение экономистов-классиков имеет огромное значение для всякого интересующегося теорией великого основоположника научного социализма. Маркс дал глубочайшую критику классической экономии и создал свою собственную систему. Он раздвинул рамки буржуазной ограниченности английских экономистов и поднялся до точки зрения другого, исторически восходящего класса—пролетариата. Но это отнюдь не умаляет значения его предшественников. Ибо в той неисчерпаемой сокровищнице идей, из которых аналитический и синтетический ум нашего учителя создал теорию научного коммунизма, на ряду с французским социализмом и немецкой философией едва ли не первое место принадлежит английской политической экономии.

В наше время буржуазная экономическая наука, в которой укоренились традиции, глубоко отличные от духа Смита-Рикардо, не любит вспоминать о подлинных основоположниках политической экономии. Поскольку дело идет о прошлом, она с гораздо большей охотой посвящает себя изучению разного рода блаженных Августинов и Аквинских. Представителям революционного периода буржуазной мысли она предпочитает святых и блаженных, от которых так и несет затхлым духом средневековья. Тем характернее, что марксисты остались единственными хранителями литературного наследства великих классиков политической экономии. И мы можем с уверенностью сказать, что наши потомки будут отводить им в истории социальных идей самые почетные главы.

Тов. Эйзенбух-Калина, конечно, не ставит себе целью дать в настоящей книжке всестороннее освещение разбираемых авторов. Он дает лишь связное изложение их отношения к рабочему вопросу. Тем не менее, он не просто собрал и систематизировал разбросанные в десятках томов многочисленные цитаты крупнейших экономистов второй половины XVIII и первой половины XIX веков, а поставил их в органическую связь с учениями соответствующих авторов и с исторической обстановкой. Работа эта, на наш взгляд, выполнена вполне добросовестно, и мы не сомневаемся, что она окажет неоценимую услугу и слушателю партийной школы, и студенту факультета общественных наук, и просто читателю, интересующемуся историей общественной мысли, вообще, и политической экономии, в частности. Нелишне отметить, что предлагаемые очерки написаны достаточно популярно и требуют лишь самого общего знакомства с экономической наукой.

Здесь, конечно, не место говорить о наших частных расхождениях с автором, но одно мы хотели бы поставить ему в упрек. Тов. Калина без достаточного основания причислил Мальтуса и Сэя к блестящей хотя и не многочисленной плеяде классиков. Последние отличались прежде всего оригинальностью мысли и отсутствием сознательного стремления во что бы то ни стало дать оправдание капиталистического способа производства. Сэй и Мальтус, как это документально доказано Марксом, были беззастенчивыми плагиаторами, подлинными литературными ворами. Мало того, оба они были злостными апологетами капитализма и пели ему хвалебные гимны. Сэю вообще казалось, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров и что капиталистическое общество есть тысячелетнее царство гармонии человеческих интересов. В отличие от Сэя, Мальтус видел неисчислимые бедствия рабочего класса, но он относил их не за счет несовершенства современного ему общественного строя, а за счет естественных законов, независимых от воли людей—и то и другое было попыткой оправдания капитализма.

Мы, однако, не хотим сказать, что тов. Калина поступил неправильно, включив в свою работу названных авторов; напротив того, он этим самым только оттенил отличие их позиции в области рабочего вопроса от позиции тех, кто действительно заслужил в истории политической экономии имени классиков.

Предлагаемая книжка была представлена тов. Калиной Бернскому университету в качестве докторской диссертации.

Ш. Дволайцкий.

Москва, 28 января 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Всякая социальная теория обуславливается, характеризуется и об'ясняется способом производства и соответствующими ему общественными отношениями данной эпохи. Чтобы создать себе представление о позиции классиков политической экономии в рабочем вопросе, мы должны поэтому рассмотреть экономическое, социальное и политическое состояние эпохи, в которой работали разбираемые здесь авторы. Что совокупность наших идей и наши социально-политические институты являются только выражением формы производства материальной жизни и представляют собой только надстройку над соответствующими экономическими и общественными отношениями, явствует также и из истории экономических учений.

Выдающиеся писатели классической-политической экономии Адам Смит, Томас Роберт Мальтус, Давид Рикардо, Джон Стюарт Милль и первый глашатай французского смитианства Жан Баптист Сэй были яркими представителями капиталистического способа производства крупной промышленности, возникшей на развалинах ремесла и мануфактуры, совершившей постепенно свое триумфальное шествие по всем отраслям английской промышленности и распространившейся отсюда на континент.

Главная задача классическо-политической экономии состояла в том, чтобы вскрыть внутренние связи капиталистических производственных отношений и исследовать условия, при которых они становятся благом для всех членов общества, а следовательно, и для рабочего класса.

Посмотрим, как совершалось развитие крупной промышленности в Англии и каково было фактическое положение только что возникшего промышленного пролетариата: это даст нам базис для исследования позиции, занятой классиками в рабочем вопросе.

ГЛАВА I.

РАЗВИТИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ ВО 2-ой ПОЛОВИНЕ XVIII и 1-ой ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ.

Задолго до периода великих технических изобретений, которые произвели переворот в индустрии, в Англии существовали крупные мастерские, основанные на разделении труда и кооперации. Такие предприятия назывались мануфактурами.

Господство этого способа производства продолжалось со средины XVI века до последней трети XVIII века [1]). Процесс его развития, на котором мы остановимся лишь вкратце, представляет собой длинный исторический период.

В XI и XII столетиях нидерландские ремесленники массами переселялись в Англию; на новой родине они продолжали заниматься своим старым ремеслом—производством шерстяных тканей. Дальнейшее переселение фландрских суконных ткачей в XIV веке также способствовало расширению суконного ткачества в Англии. Нечто подобное мы видим в Англии и в следующее столетие: бежавшие в середине и в конце XVI столетия от испанцев нидерландцы и спасавшиеся в конце XVII столетия из Франции гугеноты способствовали возникновению и развитию не только ткачества и прядения, но и многих других отраслей промышленности.

Необходимость удовлетворения громадного спроса на шерсть внутри страны вызывает в конце XV и начале XVI веков переворот в сельском хозяйстве Англии. Пашни превращаются в выгоны для овец, и хлебопашество в связи с этим уступает место овцеводству. Все возрастающая часть добываемой шерсти обрабатывается в самой Англии.

К вывозу предназначаются отныне не только шерсть, как это имело место в средние века, но и сукно, которое постепенно завоевывает себе более почетное место в мировой торговле [2]).

Расширение колониальных владений, улучшение дорог и быстро развившаяся в середине XVIII века сеть водных путей способствовали облегчению и развитию внутренней и внешней торговли. Мы видим в первой половине XVIII века уже целый ряд цветущих отраслей

---

[1]) Маркс, „Капитал“, т. I—325 стр.
[2]) H. v. Nostiz. „Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England“ S. 2.

промышленности, большинство которых работало на началах мануфактурного и капиталистического производства.

Однако мануфактурная система, возникшая на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности [1]), не могла удовлетворить ни колоссального рынка сбыта, с его почти неограниченно поглотительной способностью, ни охватить все отрасли производства во всем их об'еме, ни изменить во всей их глубине. Мануфактура «через ее собственный узкий технический базис стала в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства [2]). Возникла экономическая необходимость разрешить это противоречие. Нужно было создать новую производственную систему, новые средства производства для увеличения и удешевления производства товаров. Эта экономическая необходимость привела к великим техническим изобретениям во второй половине XVIII века, произведшим новый экономический переворот в общественном производстве. Этот переворот известен в истории под именем «Промышленной революции».

Фридрих Энгельс характеризует переворот следующими словами: «Промышленная революция имеет для Англии то же значение, что политическая революция для Франции и философская для Германии, и разница между Англией 1760 года и Англией 1844 г., по меньшей мере, такова же, как и разница между дореволюционной Францией и Францией после июльской революции» [3]).

Переворот в средствах труда создает исходный пункт для крупной индустрии, но этот переворот покоится на мануфактурном производстве, которое постепенно упрощает и улучшает орудия труда путем приспособления их к отдельным функциям частичного рабочего. Этим самым мануфактурный период создает «материальные предпосылки машины, которая представляет комбинацию многих простых инструментов» (Маркс, «Капитал»), он, следовательно, является базисом для новых технических изобретений. Попытка разделения труда и организация производственного процесса шерстяной промышленности, которая была господствующей отраслью индустрии в мануфактурный период, пошли на пользу и хлопчатобумажной промышленности, в которой быстро совершился решительный поворот к фабричному производству.

Уже в начале XVIII века в Манчестере существовала бумазейная промышленность, которая была организована на началах кустарного производства. Бумажная пряжа производилась ручным путем, но экономическая необходимость поставила вопрос о важности прядения «без рук», которое могло бы повысить производство.

Первым открытием в этой области была машина Дженни (1764 или 1765 г. г.); вторым и решающим прядильный станок (ватерная машина), которая и представляет собой машину в подлинном смысле

---

[1]) Маркс, „Капитал“, т. I, перевод Степанова, издание 1920 г. стр. 360.
[2]) Тоже, стр. 360.
[3]) Энгельс, „Положение рабочего класса в Англии“ пер. А—ского и В. Панченко, стр. 22.

этого слова (1771 г.), и третьим мюль-машина (1774 г.), комбинация из первых двух. Позже мюль-машина была усовершенствована в самопрялку (selfactor), (1825 г.). Но механический ткацкий станок был построен уже в 1785 г.

Таковы были главные средства труда хлопчатобумажной промышленности. Не хватало только силы, которая могла бы привести эти машины в движение. С открытием паровой силы и с улучшением Ньюкоменовской паровой машины Уаттом (1769 г.) все эти средства труда, сконцентрированные в одном фабричном здании, приобретают важнейшее значение для процесса производства и для массового изготовления товаров. Хлопчатобумажное прядение выступает, таким образом, с 1790 г. в качестве отрасли фабричной, машинной индустрии.

Благодаря этому новому способу производства начинается могущественный рост хлопчато-бумажной промышленности, а вызванный этим самым спрос на машины и уголь влечет за собой рост железной индустрии и угольных рудников. Происходит небывалый расцвет торговли и промышленности и быстрое падение цен на все мануфактурные товары. Завоевываются почти все незащищенные внешние рынки. Как результат всех этих успехов, наступает баснословный рост капитала и национального богатства.

Этот быстрый промышленный прогресс Англии можно иллюстрировать следующими цифрами.

Ценность вывезенного и переработанного хлопка составляла:

В 1770 г.	. . . . .	1	миллион	фунтов	стерлингов.
„ 1775 „	около	4	„	„	„
„ 1784 „	„	18	„	„	„
„ 1800 „	„	56	„	„	„
„ 1809 „	свыше	88	„	„	„
„ 1819 „	„	133	„	„	„
„ 1829 „	„	204	„	„	„
„ 1839 „	„	352	„	„	„
„ 1859 „	„	755	„	„	„

Число механических ткацких станков также быстро увеличивалось. Так, в 1813 г. мы находим 2.400 механических ткацких станков, а в 1833 г.—100.000. В это число не включены ручные ткацкие станки, число которых не уменьшилось.

Под'ем в железной индустрии и угольных копях характеризуется следующими двумя таблицами.

Из морских гаваней в английские же и иностранные гавани было отправлено угля (в миллионах тонн):

Годы:	из Нью-Кэстля:	из Зундерланда:	всех гаваней:
В 1801	1,3	0,6	?
„ 1819	1,8	1,0	4,4
„ 1829	2,1	1,5	6,2
„ 1849	3,0	2,2	11,0

Железо было добыто в Англии и Уэльсе:

В 1740 г.	17.000	тонн.
„ 1788 „	68.000	„

В 1802 г.	. . . . .	170.000 тонн.
„ 1806 „	. . . . .	250 000 „
„ 1825 „	. . . . .	442 000 „
„ 1830 „	. . . . .	650.000 „
„ 1835 „	. . . . .	1.000.000 „
„ 1840 „	. . . . .	1.500.000 „

Колоссально повысился за тот же период и вывоз текстильных, железных и стальных товаров.

Для характеристики этого под'ема достаточно привести несколько цифр, относящихся к текстильной индустрии.

Хлопчатобумажных товаров было вывезено:

В 1764 г.	свыше,	чем на	0,2	миллиона	фунтов	стерлингов.
„ 1790 „	„	„ „	1,5	„	„	„
„ 1800 „	приблизит.	„	5,5	„	„	„
„ 1814 „	„	„ „	20,0	„	„	„
„ 1849 „	„	„ „	26,5	„	„	„

Полную картину прогресса английского капитализма в рассматриваемую эпоху дает нам совокупная ценность экспорта и импорта. Ценность эта составляла [1]):

Для 1700 г.	до	26,5	миллионов	фунтов	стерлингов.
„ 1800 „	„	74,0	„	„	„
„ 1840 „	„	100,0	„	„	„

Развитие мануфактуры, крупное и фабричное производство не могло остаться без влияния на сельское хозяйство. В земледелии мы также наблюдаем тот же самый процесс концентрации земель в немногих руках и переход от мелкой крестьянской обработки земли к капиталистическому крупному производству. Этот процесс совершается за счет мелкого крестьянского населения и так называемых иоменов.

Процесс разрушения земельных отношений в Англии начался уже в конце XV и начале XVI столетий. С переходом от хлебопашества к овцеводству крупное землевладение начинает расширяться через огораживание общинных земель и мелких усадеб. XVIII век дает новый еще более могущественный толчок к огораживанию общинных земель.

Увеличивающийся спрос на сельско-хозяйственные продукты повышает и спрос на землю. Обогатившиеся с неслыханной быстротой купцы и фабриканты вкладывают свои миллионы в крупное землевладение, так как оно, помимо высокой прибыли, дает им более высокое социальное положение в обществе.

Способ производства в сельском хозяйстве принимает все более капиталистический характер. Чем больше капиталистический способ производства «совершенствуется, тем больше стремятся к округлению арендуемых имений, на которые разлагается крупное землевладение, и тем тягостнее ощущается вкрапление крестьянских усадеб и

---

[1]) Приведенные цифры взяты из книги H. v. Nostiz „Aufsteigen“ etc.

общинных земель. Первые, по возможности, скупаются, последние, на которых покоится крестьянское хозяйство, экспроприируются при помощи законодательства. Так, между 1777 и 1869 г.г. издается 1650 соответствующих законов, и между 1760 и 1843 г.г. 7 миллионов акров общинных земель, при содействии законодательства, становятся частной собственностью [1]).

С вторжением новых имущественных отношений в сельском хозяйстве начинают выявляться и новые социальные противоречия и условия труда. К более подробному рассмотрению этого вопроса мы еще обратимся. Здесь же, поскольку дело идет о том, чтобы показать развитие капитализма и его полнейшую победу во всех областях английского народного хозяйства, достаточно в отношении сельского хозяйства отметить следующее:

Новый капиталистический способ производства в сельском хозяйстве требовал экономии рабочей силы и рационального использования земли. Для этой же цели были применены вновь изобретенные сельско-хозяйственные машины для обработки земли. Прогресс науки и, особенно, химии, также пошел на пользу земледелия. Были введены новые способы обработки. Результатом этих новых методов обработки было неслыханное повышение урожайности. Несмотря на это, отечественное аграрное производство не могло покрыть постоянно растущую потребность в сырых материалах и жизненных припасах. Потребность эту приходилось удовлетворять путем ввоза из аграрных стран. Англия из страны, вывозящей хлеб, становится страной ввозящей. Она становится в полном смысле этого слова индустриальным государством.

Что это именно так, показывает нам могущественный рост населения и его скопление в городах—характерный признак индустриальной страны.

Численность населения Великобритании составляла в 1760 году 11 миллионов, а в 1840 г.—до 27 миллионов человек.

Число промышленного и городского населения росло при этом быстрее земледельческого и деревенского населения.

Пока население было занято земледелием и домашней промышленностью, оно оставалось сравнительно малочисленным и было разбросано по всей стране. Городов в то время было немного, а население в них было невелико [2]). В последний период мануфактуры и начала промышленного переворота численность населения, рост городов и количество городского населения меняются. Хотя значение городов и возрастает, они еще далеко не достигают той роли, какую они приобретают в период крупной индустрии и крупного производства. Только с применением паровой машины Уатта начинается новый период в жизни городов. Так как паровую машину можно перевозить и так как она в отличие от водяного колеса отнюдь не связана с деревней,

---

[1]) H. v. Nostiz. „Aufsteigen".

[2]) „Еще в конце XVII-го века Лондон был единственным городом с населением более 30.000, и помимо него здесь было только 4 города с населением более 10.000". Цитировано по Nostiz „Aufsteigen".

то она сконцентрировала в городах производство, которое раньше, благодаря водяному колесу, было рассеяно по всей стране. Одним словом, паровая машина может быть принята за действительную причину возникновения крупных и индустриальных городов.

Они росли лавинообразно, и их население достигало огромной численности. Больше всего растет население в богатых железом и углем центральных и северных областях, равно как и в благоприятной для текстильной индустрии западной области Англии.

Следующие цифры показывают быстрый рост населения в промышленных городах:

В 1801 г. в Манчестере имелось 35.000 жителей, а в 1841—350.000; Лидс—53.000 в 1801 и 152.000 в 1841; Бирмингам—в 1801 г. 73.000 и 181.000 в 1841 г.

Вновь созданные средства сообщения, которые явились результатом промышленного переворота, со своей стороны способствовали росту городов.

Рассмотренное нами изменение способа производства в индустрии и земледелии требовало переворота в средствах сообщения. Уже мануфактурному периоду, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его растущей внешней и внутренней торговлей, с его расширившимися колониальными владениями во всех частях света,—уже мануфактурному периоду не могли соответствовать средства сообщения, созданные периодом мелкого земледелия и домашней промышленности. Чтобы идти в ногу с потребностями производства, средства сообщения должны были стать на более высокую ступень. Были проведены новые шоссе и каналы и созданы новые средства транспорта на суше и воде. С под'емом в промышленности и с ее переходом к механическому фабричному производству недостаточно было созданных в мануфактурный период средств сообщения. Они были невыносимой помехой для крупной индустрии «с ее лихорадочным темпом производства, с ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую, созданными ею новыми связями, расширяющимися в мировой рынок» [1]). Чтобы доставить полную победу эре крупного капиталистического производства, нужно было устранить эти последние технические препятствия, — и это было сделано. «Не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта совершалось поэтому, при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов постепенное приспособление к крупному капиталистическому способу производства» [2]). Первое британское паровое судно вышло в 1811 г. из Клайда. С того времени началась постройка все новых и новых паровых судов, и в 1849 г. в Англии, Шотландии и Ирландии было свыше 1000 паровых судов. Первая более или менее значительная железнодорожная линия была проведена в 1830 г.

---

[1]) „Капитал", т. I, стр. 376.
[2]) Тоже стр. 375—6.

между Ливерпулем и Манчестером. С того времени все крупные города стали связываться густой сетью железных дорог.

Подобно всем другим областям хозяйственной жизни Англии, тот же переворот проделывает и торговля, принимающая совершенно иной характер. Уже в XVII-м веке колониальная морская торговля, благодаря могущественным колониальным владениям Англии, ее растущему судоходству и основанию английского банка (1694 г.), концентрируется в руках немногих заокеанских предприятий. В это время крупная торговля, создававшая громадные капиталы, которые шли на расширение мануфактуры, занимала монопольное положение и господствовала в хозяйственной жизни страны. Хотя крупная торговля в эпоху механического фабричного производства и приняла огромные размеры, но она не явилась основной движущей силой национального богатства. Этой силой является крупная индустрия, которая занимает господствующее положение во всех областях хозяйства и навязывает крупной торговле новые формы, давая ей новые пути и направления.

Мы проследили развитие английской промышленности, развитие, которому нет подобного в истории человечества. Страна с маленькими городами, с домашней мануфактурной промышленностью, с редким, главным образом, сельским населением, Англия в конце XVIII века становится богатейшей страной мира с огромными фабричными городами и торговыми центрами и с машинной индустрией, которая наводняет всевозможными товарами почти все рынки мира.

Новые экономические условия вызвали переворот в общественных отношениях нации. Дворянство (джентри) и занятая ремеслом мелкая буржуазия, которые до первой половины XVIII века являлись главными факторами хозяйственной, социально-политической жизни страны, должны быть постепенно уступать свои позиции двум вновь возникшим могущественным классам: буржуазии и пролетариату. Пролетариат, как класс, еще не играл никакой самостоятельной роли в общественной и государственной жизни. Хотя он не был еще представлен в парламенте соответственно своей численности, но с ним уже считались. Не проходило ни одной парламентской сессии, чтобы в дебатах не был затронут рабочий вопрос. Рабочий вопрос, как замечает Энгельс, со времени билля о реформе сделался национальным вопросом.

Чем больше капитал и собственность концентрировались в немногих руках, чем быстрее централизовалась индустрия в больших механических фабриках, тем скорее совершался упомянутый процесс. Правда, мы в общем и целом должны рассматривать пролетариат, как продукт крупной индустрии, однако, нам известно, что исторически индустрия только тогда и там укреплялась, где уже имелся свободный наемный рабочий, т.-е. где были налицо рабочие, вынужденные добывать себе средства существования исключительно наемным трудом. Превращение пашни в выгоны для овец и экспроприация общинных земель дворянством, уничтожение феодальной дворни, равно как изгнание свободных крестьян с их земель,—все это создало неисчерпаемый человеческий резервуар, из которого и покрывала свои потребности в рабочих сначала мануфактура, а позже и крупная индустрия.

Если предпосылкой возникновения индустрии в Англии была наличность свободных наемных рабочих, то крупная индустрия, в свою очередь, увеличила рабочий класс, так как она ускорила процесс пролетаризации широких народных масс. Крупная индустрия с ее неслыханными капиталами и сильнейшей конкуренцией совершенно разрушила ремесло и домашнюю промышленность и превратила ремесленников и большую часть мелкой буржуазии в пролетариат.

Мелкий мастер, который ручным способом прядет и ткет, не в состоянии угнаться за производительностью машины и механического двигателя. Чтобы избежать конкуренции и удержать заказы, он должен непрерывно понижать свою заработную плату и удлинять рабочее время. Несмотря на это, его заработок падает все ниже. «Всемирная история, говорит Маркс, не дает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умирали голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на 2 с половиной пенса в день» [1]).

Ту же нищету и тот же процесс пролетаризации мы наблюдаем и среди деревенского населения. С введением крупного производства и промышленной системы в сельском хозяйстве, подавляющая конкуренция крупного хозяйства вытеснила из всех позиций и мелкого крестьянина и арендатора, который был вынужден стать наемным рабочим крупного арендатора и помещика, или же уйти в ближайший город, чтобы там, в качестве фабричного рабочего, зарабатывать себе насущный хлеб.

Социальными последствиями окончательной победы машинного способа производства в промышленности и сельском хозяйстве, точно так же, как и гибели ремесленного производства и мелкого крестьянского хозяйства, были:

1) колоссальный рост городского и сельского пролетариата,
2) накопление богатства в немногих руках,
3) невиданная еще до тех пор нищета неимущих классов.

Национальный доход, значительно увеличившийся в эпоху крупного производства, распределялся неравномерно между всеми классами населения, в своей подавляющей части он захватывался буржуазией и землевладельцами.

В то время, как класс капиталистов, владеющий средствами производства, все более поднимался вверх, пролетариат, располагающий исключительно своей рабочей силой, впадал в нищету и невежество. Разница между этими двумя классами в образе жизни, в мышлении, желаниях и чувствах была столь разительная, что можно было предположить, что они принадлежат к двум совершенно различным нациям, а не к одной и той же—английской. (Ср. Энгельс, «Положение рабочего класса в Англии», стр. 143).

До расцвета мануфактурного периода рабочие вели в общем патриархальную жизнь и пользовались некоторым достатком.

---

[1]) „Капитал“ т. I, стр. 427.

Переработка сырых материалов в пряжу и ткани производилась работником на дому. Жена и дети приготовляли пряжу, а муж перерабатывал ее. Семейства ткачей жили большей частью в деревнях, и так как в ту пору не чувствовалось еще давление конкуренции на заработную плату, то она была вполне достаточна для жизни. Чрезмерная работа и эксплоатация женщин и детей не давала еще себя знать; напротив, семейства ткачей имели достаточно времени, чтобы обрабатывать мелкий участок земли, который они арендовали за счет своих сбережений. Этот образ жизни рабочей семьи изменился с возникновением капиталистических форм производства, т.-е. с того времени, когда капитал соединил в одном и том же месте большое число рабочих для производства.

Уже разделение труда в мануфактуре, которое было обусловлено усилившимся спросом, вызвало специализацию и об'единение значительного количества рабочих в одной мастерской под властью одного и того же капиталиста. Рабочее время, условия работы и порядок мастерской—все это определялось предпринимателем, и рабочему оставалось только подчиниться этому режиму. В мануфактурный период получили распространение женский и детский труд.

Итак, мы видим, что в сравнении с домашней промышленностью в мануфактурный период в образе жизни и условиях существования рабочего произошло значительное изменение. Это изменение, в известном отношении, являлось как бы началом будущих страданий пролетариата, относящихся к концу XVII и первой половине XIX столетий.

Совершенствуя старые технические методы труда мануфактурного периода, или прибегая к новым средствам производства, крупная промышленность явилась непосредственной причиной нищеты, в которую начали впадать рабочие массы. Более того, она довела начавшееся в мануфактурный период развитие «до своего высшего предела» [1]) и создала для рабочего класса условия существования, ставшие угрозой жизненным основам английской нации [2]).

Крупная промышленность, которая была построена на машинной системе, экономящая и удешевляющая рабочую силу, не только уменьшила в результате улучшения техники число занятых в ней рабочих, но дала также возможность поставить на место обученых рабочих—необученных и на место мужчин и взрослых—женщин и детей.

Уже основатель английского фабричного производства Аркрайт применял в своих механических мастерских не только женщин, но в массовом количестве и детей самого юного и нежного возраста. С ростом крупного производства быстро распространялось применение женского и детского труда.

Так, в Манчестере в 1811 г. из 20053 фабричных рабочих $^3/_5$ были моложе 18 лет. Применялся труд детей от 6 до 10 лет и даже моложе; в производстве кружев обнаружили даже 2-хлетнего ребенка.

---

[1]) Гельд. „Две книги о социальной истории Англии“, стр. 615.

[2]) Сравни Карл Маркс, „Капитал“, пер. Степанова, стр. 402; Гельд, цитированное сочинение, стр. 622.

Главным поставщиком детей для промышленности были дома бедных различных церковных приходов. Администрация приходов просто продавала их фабрикантам за содержание. Об ужасающих злоупотреблениях с этими бедными детьми подробно рассказывают официальные отчеты парламентских следственных комиссий [1]).

С перенесением фабрик в города и с изданием законов об ученичестве (Apprentice—bill) в 1802 году и фабричных законов 1818, 1825 и 1831 г.г. прекратились наиболее вопиющие злоупотребления вредной фабричной системы. В отношении труда детей произошло улучшение: эксплоатация детей в возрасте от 8 до 9 лет стала более редким явлением. Количество взрослых рабочих стало мало-по-малу увеличиваться, но подавляющую часть занятых фабричным трудом составляли все же женщины и подростки.

Так, например, в текстильной промышленности в 1839 г. было занято 420.000 фабричных рабочих, в том числе около 242.000 женщин и около 80.000 подростков моложе 18 лет; взрослые мужчины не составляли и четверти общего числа рабочих.

В результате преобладания на фабриках женщин и подростков материальное положение и духовное состояние мужского пролетариата сильно ухудшилось. Если в мануфактурный период мужчина, как работник, был главным кормильцем всей семьи, то теперь в этом отношении произошло изменение. Непрерывное усовершенствование машин и возраставшее предложение дешевого женского и детского труда были причиной усиливавшейся конкуренции между рабочими. Эта конкуренция сломила силу сопротивления взрослого мужского пролетариата и заставляла его соглашаться на любые условия работы, которые ставил капиталист, даже на самые тяжелые.

Очень часто, как это видно из приведенных цифр, взрослый рабочий, не находя себе занятий, должен был расчитывать на работу жены и членов семьи. Мужчина оставался дома и занимался домашним хозяйством. Такое ненормальное положение вещей изменило отношения между мужем и женой, родителями и детьми.

---

[1]) Francis Horner в 1815 г. в Нижней Палате сообщил о положении фабричных детей следующее: „Несомненно, установлено, что вместе с ценностями одного банкрота была назначена к продаже с публичного торга и действительно продана, как часть имущества, банда фабричных детей, если позволительно употребить это выражение. 2 года тому назад (в 1813 г.) один возмутительный случай разбирался перед Kings Bench („судом королевской скамьи“ высшее судебное учреждение). Дело шло о нескольких мальчиках. Один Лондонский приход передал их какому-то фабриканту, тот в свою очередь передал их другому. В конце концов несколько филантропов нашли их в состоянии полного истощения от голода. С другим случаем, еще более отвратительным, он познакомился, как член парламентской анкетной комиссии. Несколько лет тому назад один лондонский приход заключил договор с ланкаширским фабрикантом, причем последний обязался в закупаемых им детских партиях принимать на 20 здоровых детей одного идиота“. (Цитировано по „Капиталу“ Маркса, пер. под редакцией В. Базарова и И. Степанова, стр 783—4, прим. 295. О положении фабричных детей сравните дальше Childrens Employment Report II, 1843, стр. 195. В немецком переводе А. Гельда „Две книги“ и т. д. стр. 714—719).

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Следует.
5	9 снизу	класическо-политической	классической политической
8	6 сверху	неограниченно	неограниченной
9	3 снизу	железо	железа
10	23 „	мануфактуры,	мануфактуры в
11	8 „	и начала	и в начале
12	12 сверху	350 000	353.000
13	21 снизу	быть	были
22	11 сверху	непрерывной и	непрерывной
23	9 „	желание	желания
23	7 снизу	вмешательство,	вмешательство в
24	7 сверху	они защищают	он защищает
24	21 снизу	вопросы	вопрос
25	12 сверху	ценность	ценности
26	17 снизу	Если	„Есть
26	13 „	прибавляется	прибавляет
26	7 сверху	ценность производства общество	ценность, производство и общество
27	2 „	хозяина	хозяйства
29	24 „	прогрессе	регрессе
29	15 снизу	которой	который
29	14 „	служит	служит для
30	10 сверху	доказательством о	доказательством
30	14 „	процесс	прогресс
31	21 „	хозяйств возможность	хозяйство и возможности
32	10 снизу	Смит не рассматривал	Смит рассматривал
36	2 „	государство,	государство и
41	2 „	Ergand	Ergang
51	9 „	увеличением	увеличению
53	4 „	Fehrig	Gehrig
55	18 „	промышленников,	промышленников; они
59	10 „	плалты	платы
67	17 „	порождать	порождают
82	2 „	их	ее

Даже если все работоспособные члены семьи находили работу, то получаемый ими заработной платы не хватало все же для содержания всей семьи. Голод и нищета господствовали в рабочей семье.

Кроме того, с введением машин в новые отрасли промышленности остались без работы новые категории рабочих. Избыточное предложение рабочей силы, увеличенное к тому же притоком сельского населения в промышленность, росло повсюду. Возникла еще невиданная по своим размерам до тех пор резервная промышленная армия, которая во время периодически повторяющихся хозяйственных и торговых кризисов еще более возрастала.

Все эти факторы, с одной стороны, и жажда прибыли капиталистов—с другой, вызвали ужасающее падение заработной платы наемного рабочего, которая была доведена до голодной нормы. Этим рабочие вынуждались обращаться за поддержкой к различным частным и общественным благотворительным учреждениям, которые, однако, очень мало могли улучшить бедственное положение пролетариата, ибо причины нищеты последнего коренились не во временных хаотических отношениях нового способа производства, а в существе вновь возникшей системы.

Низкий уровень заработной платы заставлял рабочего удлинять свое рабочее время. Предприниматели, со своей стороны, стремились к всемерному удлинению рабочего дня не только потому, что они желали скорее и лучше использовать капитал, вложенный в строение, машины и инструменты, но с целью увеличения прибавочной ценности, создаваемой живой рабочей силой. Механическое крупное производство давало им эту возможность, которой они основательно и бессовестно пользовались. Говоря словами Маркса, «машина давала возможность капиталисту удлинять рабочий день сверх всякой естественной границы». Что это было именно так, красноречиво свидетельствует продолжительность рабочего времени до и после введения законного 12-тичасового рабочего дня. Не только взрослые мужчины, но и слабые женщины, подростки и дети работали по 18, 16, 14 часов в день в закрытых помещениях без достаточного количества воздуха и света. Длина рабочего дня становилась еще более невыносимой вследствие системы ночного труда. Были такие фабриканты, которые заставляли своих рабочих работать непрерывно по 30 — 40 и даже больше часов в неделю. Рабочий инспектор Сандерс в своем отчете за 1844 г. рассказывает о работе женщин следующее: среди работниц есть женщины, которые в течение многих недель кряду, за исключением лишь немногих дней, работают с 6-ти час. утра до 12 час. ночи, с перерывом менее 2-х часов на обед, так что в течение 5-ти дней в неделю у них остается каждые сутки всего по 6 часов на проход туда и обратно и на отдых в постели [1]). Подростки и дети, даже не достигшие и школьного возраста, также работали на фабриках до полного истощения, до глубокой ночи.

---

[1]) Маркс. „Капитал“, т. I, стр. 396, прим. 154.

Если мы еще примем во внимание варварскую фабричную дисциплину и бесчеловечно жестокое обращение, которому подвергались рабочие со стороны надсмотрщика и очень часто со стороны фабрикантов, то мы поймем положение рабочего класса во время возникновения и расширения крупной промышленности в Англии, а также и то отрицательное влияние, которое подобные условия труда должны были оказывать на физическое, моральное и духовное состояние промышленного пролетариата.

Фабричная система создала невыносимые антигигиенические условия для здоровья рабочего класса. Не говоря об увечьях и высокой смертности среди детей и о физическом вырождении вследствие чрезмерной работы, перенапряжении нервной системы, однообразии и монотонности процесса труда,—невозможные жилищные условия пролетариата создали благоприятную почву для развития различных эпидемических острых и хронических заболеваний. Большое скопление в фабричных и промышленных центрах создало ужасный недостаток в жилищах. В то время, как фабричная и торговая плутократия занимала великолепные здания в лучших частях города, рабочий люд должен был ютиться в тесных, специально для него построенных улицах и дворах, без воздуха и света, без элементарных гигиенических условий,—в жилищах полных сырости, грязи и паразитов. Увеличению различных болезней среди рабочих масс способствовали также недостаточное питание и отсутствие одежды, обусловленные низкой заработной платой.

Совершенно ясно, что господствовавшие в Англии в период возникновения и развития крупной промышленности жилищные и продовольственные условия не могли способствовать нравственному прогрессу рабочего класса. И в самом деле, среди рабочих можно было наблюдать полный нравственный упадок и одичание. Вовлечение детей в фабричную работу, вдали от родных, без присмотра, подготовляло их к преждевременному усвоению скверных и грубых привычек взрослых рабочих. Неестественные семейные отношения и отупляющая продолжительная работа в темных и душных фабричных помещениях, со своей стороны, деморализующе влияли на рабочих. Старые патриархальные семейные и родственные отношения распались; дети должны были оставлять родителей и уходить на сторону. Недостаток разумных развлечений толкал рабочего к пьянству. В широких рабочих массах распространялось пьянство, которое угрожало окончательно уничтожить сохранившееся еще у рабочих физическое здоровье и духовные черты. Насколько велико было в этот период моральное и духовное огрубение рабочих показывает следующий факт: были фабричные дети и подростки, которые никогда не слышали имени апостолов Петра и Павла; сам Христос был для многих из них совершенно неизвестным существом в то время, как геройские подвиги некоего Дика Турпина, уличного грабителя, были им хорошо известны. (Энгельс, «Положение» и т. д. стр. 130).

Моральному запущению, кроме всего этого, очень способствовал недостаток школьного образования. Даже там, где существовали, так

называемые, воскресные школы, рабочие в смысле образования и воспитания все же получали очень мало, как вследствие неподготовленности учительского персонала, так и в силу целого ряда других обстоятельств, на которых мы здесь останавливаться не можем.

Мы видели, на какую глубокую нищету обрекло рабочий класс [1]) победоносное шествие фабричной системы по всем отраслям английского хозяйства. Вновь возникшая общественная форма рано стала вынуждать пролетариат к оппозиции против капиталистического способа производства. Он искал средств, при помощи которых он мог бы освободиться от этого нового рабства, и эти средства нашли свое непосредственное выражение в актах отчаяния, как, например, в разрушении машин и в единичных актах насилия над фабрикантами.

Рабочий еще не был в состоянии оценить тот прогресс общественного способа производства, который был связан с возникновением машины. Наоборот, находясь под гнетом убогой действительности и следуя инстинкту, он должен был смотреть на машины, как на самого опасного своего врага, который, как ему казалось, и привел к столь невыносимым условиям жизни. Он сопротивлялся введению машин не только посредством просьб и требований к властям, но уже с самого начала хозяйственного переворота, прибегал к насильственным актам. Уже Аркрайт был преследуем рабочими, а установленные им в фабричных зданиях машины были разрушены. Разрушение машин в то время приняло такие широкие размеры, что для их защиты пришлось издать целый ряд драконовских законов. Несмотря на это до 30-х годов XIX столетия имели место насильственное уничтожение машин и жестокие нападения на предпринимателей.

Со временем рабочие убедились, что подобные разрозненные действия против капиталистической системы эксплоатации остаются без всякого влияния на изменение условий их жизни. Машины, порожденные экономической необходимостью, будучи уничтожены в одном месте, тем быстрее возникали в другом. Поэтому рабочие должны были искать других способов борьбы, и они нашли их в стачке.

Но этот способ борьбы рабочие могли с успехом применить только при условии изменения всего их образа мыслей и чувств. До тех пор, пока они позволяли рассматривать себя, как товар, который можно купить и продать, до тех пор, пока у них не развилось чувство солидарности,—они неминуемо должны были подчиниться всем жестоким условиям предпринимателей. Однако, крупное производство, сконцентрировавшее огромные массы рабочих под властью одного и того же капиталиста, уже само по себе заботилось об изменении образа мыслей рабочего. Фабричная система, доведшая рабочего до положения вещи и придатка к машине, в то же время разбудила в нем, в процессе общей борьбы и страданий, чувство человечности и солидарности и тесно сомкнула ряды пролетариев несмотря на различие происхождения взглядов,

[1]) Мы не останавливались специально на рассмотрении положения горного и земледельческого пролетариата, так как оно в существенном не отличалось от положения городского промышленного пролетариата Сравни Энгельс „Положение" и т. д., стр. 279—292 и до 307 стр.

пола и возраста. Только это дало рабочим возможность впервые выступить совместно против капитала. Для этой цели рабочие начали создавать свои ассоциации.

Ко времени исключительных законов против английского рабочего класса (1796—1824 г.г.), во многих промышленных центрах организовывались тайные рабочие об'единения, руководившие забастовочным движением. В 1812 г. в Глазго разразилась общая стачка ткачей, вызванная нелегальной рабочей организацией. Однако рабочие ассоциации еще не могли превратиться в мощные организации, в виду конспиративного положения, которое, понятно, мешало их борьбе за улучшение материального положения.

Лишь после уничтожения жестоких законов против рабочих коалиций пролетариат мог об'единиться на более широкой и свободной основе. Профессиональные союзы (Trade-Unions), начавшие выступать как организованная сила пролетариата в вопросах стачечной борьбы между трудом и капиталом, широко распространялись во всех отраслях английской промышленности. Средства борьбы, применявшиеся трэд-юнионами в борьбе за улучшение положения рабочего класса, носили мирный характер, поскольку предприниматель принимал требования союзов. В противном случае об'являлась стачка.

Мы не можем более подробно останавливаться на дальнейшем развитии и борьбе трэд-юнионизма. Тем не менее необходимо отметить, что трэд-юнионы очень много сделали для улучшения условий работы в жизни пролетариата.

Политические моменты также оказали косвенное влияние на улучшение положения рабочего класса. Идеи французской революции не могли остаться без влияния на социальную борьбу в Англии. Буржуазия, как класс, имела еще много поводов быть недовольной старым порядком, так как государственное регулирование и ограничение хозяйственной жизни, восходившие к эпохе полицейского государства и меркантилизма, стали невыносимым препятствием для нового способа производства. Она вела поэтому, хотя и мирным путем, ожесточенную борьбу, которой добилась победы, благодаря об'ективной необходимости и поддержке рабочего класса. «Между 1794 и 1814 г.г. было отменено все законодательство Елизаветы и его последствия: в 1794 г. закон о праве оседлости; в 1799—закон о крепостной зависимости шотландских горняков; в 1813 и 1814 г.г.—Положение об ученичестве и административном регулировании заработной платы [1]). Позже велась также успешная борьба и против монополий и покровительственных пошлин, против олигархии и привиллегий, за хозяйственную свободу и индивидуальную конкуренцию.

На-ряду с борьбой промышленной буржуазии за хозяйственную и личную свободу, в Англии начинает развиваться самостоятельное политическое рабочее движение. Об этом в достаточной мере свидетельствует быстрое распространение различных социально-критических учений, как учение Godwin'a, Pain'a и Spens'a равно как возникновение

---

[1]) M. Beer «Geschichte», стр. 28.

политических обществ (London Corresponding Society), а позже, в 30-х и 40-х годах XIX-го столетия великое чартистское движение.

Если политическая и профессиональная борьба пролетариата и вызывала со стороны правительства и буржуазии исключительные законы и репрессии, то она все же заставила господствующий класс из боязни перед пролетариатом улучшать рабочее законодательство и смягчать условия работы. Кроме улучшения материального положения, эта борьба способствовала выяснению классовых интересов пролетариата и вырабатывала в рабочем классе убеждение, что как улучшение его положения, так и полное освобождение от капиталистической системы может быть достигнуто единственно лишь через самостоятельную и сознательную классовую борьбу.

ГЛАВА II.

АДАМ СМИТ.

Труд Адама Смита «Богатство Народов» появился в 1776 г., т.-е. в то время, когда мануфактурный период английской промышленности доживал свои последние дни, а новый способ производства современного капитализма, который мы описали в I-й главе, едва стал проявлять первые признаки жизни. Другими словами, Адам Смит жил и работал в переходное время народного хозяйства Англии, что достаточно видно из содержания его труда, неопределенности его понятий и недостаточной отчетливости в отношении к различным вопросам экономического и социально-политического характера.

Почти все позднейшие школы политической экономии, обусловленные непрерывной и социальной дифференциацией общества, нашли в смитовском «Богатстве Народов» основу для построения своих теорий.

Соглашаясь с одной стороны, с Марксовой характеристикой Смита, как экономиста, давшего целостное отображение мануфактурного периода, мы, с другой стороны, должны признать «Богатство Народов» основным трудом политической экономии и первым идеологическим об'яснением нарождающегося капиталистического общества.

Так как в то время решение новой проблемы производства стояло на первом плане и было гораздо важнее и настоятельнее, чем исследование распределения благ и образующихся общественных классов, в частности пролетариата, то вполне понятно, что наш автор гораздо больше труда посвятил первым, чем вторым.

Хотя, таким образом, распределение благ и рабочий вопрос не занимали господствующего места в системе Смита, мы все же находим у него глубокую симпатию к страданиям широких народных масс и, несомненно, дружественное отношение к интересам рабочего класса, что сделало его надолго авторитетом для критиков капиталистического строя.

Симпатии Смита к рабочему классу тесно связаны со всей его системой и базируются на следующем:

1) Смит не только освободился от меркантилистских и отчасти физиократических традиций, но ведет даже в своем труде ожесточенную борьбу с этими предрассудками в области экономической политики. Все члены общества и их интересы, страдающие от этих предрассудков, находят в нем, как отмечает Беер, стоящего во всеоружии науки страстного защитника. Он направляет свою острую критику против всех

оставшихся ограничений и распорядков меркантильной эпохи и полицейского государства, когда рабочие, труд которых он хотел видеть свободным, были угнетены и бесправны.

Эти чувства к рабочим Смит питал не только из этических оснований, они вытекали из всего его понимания экономического порядка. Он рассматривает «экономический мир, как обширную мастерскую, созданную, разделением труда; феномены богатства, сведенные к высшему единству, в силу необходимого психологического двигателя: желание людей улучшить свое экономическое положение» [1]) стр. 23. Если стремление каждой отдельной личности к улучшению своего экономического положения не будут ставиться никакие законодательные препятствия, то свободная деятельность каждого будет служить не только ее собственным интересам, но интересам нации, или, другими словами, основанный на самодеятельности экономический порядок, поддерживаемый личным интересом и лучше всего прогрессирующий при экономической свободе, приносит с собой всеобщее благосостояние и счастье для всех, следовательно, и для рабочего класса, члены которого представляют собой свободных самодеятельных индивидов общества.

2) «Б. Н.» представляет в общем и целом защитительную речь в пользу экономической свободы, хотя, разумеется, для Смита невмешательство государства является больше общим принципом, чем абсолютным правилом, которого нужно придерживаться всегда и при всех условиях.

Бывают моменты, когда правительства на благо общества должны вмешаться в хозяйственную деятельность индивидов. Так, например, Смит стоит за установление государственной таксы в тех отраслях промышленности, где, благодаря цеховым или другим привиллегиям, предприниматели занимают монопольное положение по отношению к потребителям. Вообще же он борется против частных монополий не только из-за принципа свободной конкуренции, но исходя из того, что они приносят вред обществу.

Смит защищает также регулирование выпуска банкнот и высказывается при этом, вообще, за государственное вмешательство следующим образом: «В некотором отношении подобные законы должны рассматриваться, как посягательство на естественную свободу; однако такие проявления естественной свободы некоторых индивидов, которые могут нарушить безопасность всего общества, запрещаются и должны запрещаться законами всех стран от самых свободных до самых деспотических. Предлагаемые здесь постановления, касающиеся банковского дела, представляют собой такое же вмешательство, естественную свободу, как обязательство воздвигать брандмауеры, препятствующие огню перекидываться с одного дома на другой. (Смит, цит. соч., т. I, стр. 344).

Исходя из этого, он выставляет дальнейшее положение, что законодательство должно быть всегда свободно от бесцеремонных претензий частных интересов и должно всегда иметь в виду одну лишь широкую перспективу общего блага.

---

[1]) Ш. Жид и Рист. „История экономических учений“.

Итак, мы видим что Смит, как социальный мыслитель и человек, не имеет ничего общего с эпигонами, особенно манчестерцами, единственная цель и задача которых состояла в защите и оправдании капиталистической собственности против притязаний рабочего класса. Смит нигде не защищает частных интересов; напротив, он ищет пути и средства, которые могли бы привести к национальному обогащению и благосостоянию всех членов общества Когда они защищают экономическую свободу, то это еще не означает для него отдачу неимущего населения и специально рабочего класса на произвол капиталистов, частные интересы которых, согласно смитовскому пониманию, не могут длительно совпадать с требованиями общего благосостояния. Ибо, согласно его учению о прибыли, доход по естественным причинам низок в богатых и высок в бедных странах и всегда выше всего в тех странах, которые быстрее всего идут навстречу гибели. С прогрессом благосостояния всего общества совпадают скорее интересы землевладельцев и рабочего класса, ибо с развитием общественного благосостояния и с увеличением производительных сил, повышается, по Смиту, рента и заработная плата. Что касается специально рабочего класса, Смит добавляет следующее: «Интересы второго сословия, которое живет заработной платой, также совпадают с общими интересами, как и «интересы первого»—крупных землевладельцев.

Поэтому Смит ни в коем случае не рассматривает рабочий класс только, как материальный базис производства, как средство производства; напротив того, он считает его полноправной частью общества, интересы которой совпадают с интересами остальных частей.

А. Смит защищает улучшение материального и духовного положения рабочего класса из чисто государственных интересов. Он поднимает вопросы о том, выгодна ли для общества высокая или низкая заработная плата, и приходит к следующему выводу. Ответ уже представляется мне с первого же взгляда в высшей степени простым. Всякого рода прислуга, работники и ремесленники составляют громадное большинство всякого значительного государства. Но то, что ведет к улучшению жизни громадного большинства, никогда не может рассматриваться, как ущерб для общества в целом. «Совершенно ясно, что никакое государство не может почитаться цветущим и счастливым, если подавляющее число его граждан пребывает в бедности и нужде».

В другом месте, где Смит яркими словами рисует вред развития разделения труда и его влияние на духовное и физическое состояние рабочего класса, он показывает, что рабочий класс, который всю свою жизнь выполняет несколько несложных движений, не имеет никакой возможности упражнять свои умственные способности. Это делает его неспособным судить не только о задачах и обязанностях повседневной жизни, но и о «важных и широких интересах его отечества».

«Столь же мало способен он защищать свое отечество во время войны, если только его не принуждают к этому особыми мерами. Однообразная жизнь такого рабочего убивает его мужество и заставляет его с ужасом взирать на беспорядочную, полную риска и приключений, жизнь войны. Даже физические его способности терпят ущерб, и такой

рабочий уже неспособен к продолжительному и усиленному занятию каким-либо другим трудом, кроме привычного. Таким образом, он как будто бы приобретает навык в своем собственном ремесле за счет своих духовных, гражданских и военных способностей». (Смит, цит. соч. т. 2, стр. 292—293).

Как средство против зла, которое принесло обществу и государству разделение труда, Смит предлагает образование общеобразовательных школ в общинах и воинские упражения для широких народных масс.

4) В качестве последнего решающего момента, определяющего симпатии Смита к рабочему классу, следует рассматривать его теорию ценности, которая, если оставить в стороне ее неясности и непоследовательность определений, сводит меновую ценность всех благ к количеству заключающегося в них труда.

В главе, излагающей «естественную и номинальную ценность» товаров Смит говорит о масштабе ценности следующее: «Человек бывает богат или беден, смотря по средствам, которыми он обладает для доставления себе предметов необходимости и удовольствия. Но с тех пор, как повсюду установилось разделение труда, человек своим непосредственным трудом может удовлетворить лишь весьма ничтожную часть этих потребностей. Большую же часть всего необходимого он получает от труда других людей; таким образом, богатство или бедность его будут зависить от того количества труда, которым он может распоряжаться, или который он может купить. Таким образом, ценность товара для его обладателя, поскольку он не предполагает использовать его для личного потребления, равна количеству труда, которое он может на него купить. Следовательно, труд есть действительная мера меновой ценности всех благ [1]) стр. 26.

«Естественная» цена товара является по Смиту «усилием и трудом», который должен быть применен для его производства. При обмене продуктов на деньги или на другие товары предполагается, что предметы обмена содержат в себе одинаковое количество труда. «Труд был первой ценностью, первоначальной монетой, которой платили за все. Не золотом и не серебром, а трудом приобреталось первоначально всякого рода богатство; а ценность последнего для его обладателя желающего обменять его на какие-либо новые произведения, в точности равна тому количеству труда, которое он может купить, или получить в свое распоряжение».

После того, как Смит выясняет, почему ценность обмениваемого блага в обращении не может быть измерена количеством содержащегося в ней труда и после того, как он устанавливает причины колебания ценности золота и серебра и их непригодность в качестве «точного масштаба» ценности товаров, он приходит к тому выводу, что только труд, собственная ценность которого никогда не меняется, может быть последним и истинным мерилом, которым всегда и всюду можно определить и сравнить ценности различных благ.

---

[1]) А. Смит. Цит. соч. т. I, стр. 30—31.

Из приведенных цитат, равно как из его понимания производительного труда [1]), единственного создателя новой ценности и его взгляда на богатство, которое состоит в «ежегодном доходе от земли и труда», должно, очевидно, вытекать, что он положил принцип труда в основание всей своей системы и не поставил все производство общества на материальный фундамент производительного труда.

Эти взгляды на рабочую силу, ценность производства общества должны были склонить его симпатии на сторону рабочего класса, ибо он глубоко убежден, что труд является единственным фактором, создающим ценность, и что все, способствующее интересам рабочих и экономической свободе, будет способствовать обогащению наций и благосостоянию всей страны. Имея в виду общее отношение Смита к рабочему классу, перейдем теперь к отдельным проблемам и, в первую очередь, к проблеме заработной платы. Смит признавал в принципе, что рабочему принадлежит полный продукт труда, как естественная плата. В то время, когда не знали ни собственности на землю, ни накопления капитала, рабочий ни с кем не делил продукты своего труда. «Но это первоначальное положение вещей, при котором рабочий сам пользовался полным продуктом своего труда, не могло длиться дальше момента появления собственности на землю и капиталистического накопления». Ибо с возникновением частной собственности на землю и другие средства производства, рабочий был лишен возможности обеспечить себе полный доход своего труда. Он был вынужден уступить часть его в форме прибавочной ценности, ренты и прибыли классам, обладающим средствами производства [2]).

Что касается влияния прибыли, то Смит говорит, что «в каждом ремесле, в каждой отрасли промышленности, работник большей частью ищет хозяина, который авансировал бы ему материалы для труда и средства существования до полного окончания работы. Хозяин удерживает за собой часть продуктов его труда или той ценности, которую труд присоединяет к обработанному им сырью. Эта часть составляет его прибыль». (Смит, цит. соч., т. I, стр. 70).

---

1) Смит (цит. соч. т. I, стр. 340—341) дает следующее определение производительного и непроизводительного труда: Есть вид труда, который повышает ценность перерабатываемого предмета и есть труд, который не дает такого результата. Первый мы можем назвать производительным, так как он создает ценность, а второй непроизводительным. Так, труд фабричного рабочего прибавляется к ценности перерабатываемого сырья, ценность собственного содержания и предпринимательской прибыли; напротив того труд, слуги не прибавляет ни к чему новой ценности. Хотя фабричный рабочий получает в виде аванса заработную плату от своего хозяина, однако в действительности он не причиняет последнему никаких расходов, ибо, как правило, возвращает ему в форме повышенной ценности переработанного сырья эти расходы плюс некоторую прибыль. Наоборот, содержание слуги никогда не возмещается. Человек богатеет, давая занятия большему числу фабричных рабочих, содержание же большого числа слуг разорительно».

2) Лишь только земля стала частной собственностью,—говорит Смит,—землевладелец стал требовать себе часть всех тех продуктов, которые рабочий мог произвести, или собрать на его земле, эта рента образует первый вычет из продукта труда, примененного к земле. (Смит. цит., соч. т. I стр. 69).

Смит, таким образом, правильно понимает образование прибавочной ценности и покоящегося на ней частного хозяина. Несмотря на это, он не выступает как противник частной собственности, а, наоборот, удовлетворяется существующим порядком. Он считает бесцельным расшатывать этот порядок, который он, с точки зрения прогресса производства, рассматривает, как единственный, в принципе правильный.

Конечно, во времена Смита еще не было тех отрицательных сопутствующих явлений нового экономического, общественного строя, которые впоследствии явились причиной классовых противоречий и классовой борьбы; они не могли еще оказать влияния на образование его теоретической системы. В отношении развития богатства и народного благосостояния, новая форма производства означала для Смита, по сравнению со старой, значительный прогресс. Поэтому он направляет все свое внимание на перспективы развития этого строя, мало замечая едва видимые, отрицательные, сопутствующие явления, вытекающие из порядка, основанного на частной собственности и несправедливом распределении.

Итак, если Смит примиряется с данным правопорядком, основанным на собственности, то как в этих условиях должна складываться заработная плата? Какие факторы влияют на повышение или понижение ее, и какую позицию занимает Смит по отношению к этим явлениям.

Он констатирует три фактора, которые влияют на образование заработной платы:

а) свободный договор между работодателем и рабочим;

б) регулирование заработной платы необходимым жизненным минимумом рабочей семьи;

в) определение заработной платы наличным рыночным отношением между предложением и спросом на труд.

В отношение первого фактора Смит говорит, что обычная заработная плата повсюду зависит от договора, который заключают между собой обе стороны. Но так как между рабочим и нанимателем не существует никакой общности интересов и их экономический удельный вес в вопросе регулирования найма не одинаков, то рабочий при заключении договора остается в накладе. «Не трудно предвидеть, говорит Смит, на чьей стороне обыкновенно остается перевес и кто из них предписывает другим свои условия. Хозяевам, в виду меньшего числа их, гораздо легче об'единиться; к тому же закон разрешает им, или по крайней мере, не запрещает им об'единений, имеющих целью понижение заработной платы, тогда как он строго преследует стачки рабочих. Наконец, в борьбе такого рода хозяева могут продержаться дольше». (Цит. соч., т. I, стр. 70—71).

Мы видим, таким образом, что согласие в вопросе найма между предпринимателем и рабочим классом на основе «свободного договора», как это потом изображалось манчестерцами, отвергается Смитом из этических оснований.

Отдельный рабочий и неорганизованная масса рабочих, как слабейшая сторона, неизбежно должны уступить при договоре о найме:

экономические условия заставляют их подчиниться условиям капитала. Равенство при заключении договора только тогда может быть до известной степени восстановлено, когда рабочие будут пользоваться полной свободой, коалиций и выступят против предпринимателей, как сплоченное и сознательное целое. Во время А. Смита не существовало ни того, ни другого. Пролетариат, как мы это видели в первой главе, находился еще в стадии возникновения и был лишен в Англии свободы коалиции; поэтому он не был еще в состоянии найти правильные методы борьбы для улучшения своего материального положения; рабочие терпели поражение в столкновениях с предпринимателями, которые выступали сплоченно против рабочих, прибегая к тайным «соглашениям», или легальным об'единениям не только для согласования выступления, но и для того, чтобы понизить заработную плату ниже обычного уровня.

Когда, однако же, рабочие хотели об'единиться для улучшения условий труда, работодатели поднимали «отчаянный крик» и всеми силами требовали вмешательства правительственной власти, и самого строго исполнения суровых законов против стачек рабочих, прислуги и поденщиков. Как об'ективный исследователь, Смит не мог одобрить такого положения вещей, при конфликтах между трудом и капиталом. Он должен был выступить в пользу некоторого равновесия в борьбе между двумя неодинаково вооруженными сторонами. Смит не высказывается открыто за право коалиции; однако, на основании приведенных цитат, мы можем допустить, что он и не был противником этого права.

Если, с одной стороны, Смита нельзя причислять к противникам права коалиции, то, с другой стороны, нужно отметить, что он, благодаря тогдашнему состоянию производства и рабочего движения, не придавал большого значения ни предпринимательским, ни рабочим союзам при улаживании конфликтов и, в частности, при установлении заработной платы. Таким образом мы переходим ко второму фактору, влияющему на определение заработной платы.

«Существует граница,—говорит Смит,—далее которой невозможно понизить на сколько нибудь продолжительное время, обыкновенную заработную плату, даже самого низшего рода труда». «Этот определенный уровень заработной платы, ниже которой рабочий не может продать свою рабочую силу, должен быть, по меньшей мере, достаточен, чтобы его содержать». Мало того, рабочий должен зарабатывать еще несколько больше, в противном случае рабочему нельзя будет иметь семьи и тогда род его ограничился бы одним поколением [1]).

Независимо от повышения и понижения денежной платы, которая не всегда и не везде связана с ценой средств существования, а скорее зависит от спроса на рабочую силу, реальная плата взрослого рабочего или обоих работоспособных супругов не должна быть меньше, чем это безусловно необходимо для жизненного минимума всей рабочей семьи.

---

[1]) Смит. Цит. соч., т. I, стр. 71—73.

Этот минимум содержания понимается Смитом, как относительная величина, которая определяется потребностями данной эпохи и привычными условиями жизни в стране.

Третий фактор—спрос и предложение рабочей силы—по Смиту больше всего влияет на заработную плату и есть главная основа ее повышения и понижения. Состояние спроса на рабочую силу есть, с одной стороны, барометр прогресса или упадка национального производства и богатства, а, с другой стороны, оно само определяется этим прогрессом или упадком. «Когда в какой либо стране постоянно возрастает потребность в людях, живущих заработной платой, то рабочим не нужно никаких коалиций для повышения заработной платы, ибо, недостаток рук вызывает конкуренцию между хозяевами» [1]), подрывает их тайные или явные соглашения относительного предельного уровня заработной платы и вынуждает их, не обращая внимания друг на друга, предлагать наперебой повышенную заработную плату и лучшие условия труда. Такое положение на рынке труда, непрерывно улучшающее жизнь рабочих, зависит исключительно от роста производительных сил, который прямо пропорционален устойчивому возрастанию национального богатства.

Чем длительнее период возрастания спроса на рабочую силу со стороны функционирующего капитала, тем меньше конкуренция между рабочими, тем выше их заработная плата, тем продолжительнее их благосостояние.

При остановке или прогрессе производства выступают противоположные явления; подобное состояние производства и его влияние на положение рабочего класса мы подробнее рассмотрим в дальнейшем. Здесь же необходимо отметить, что, по Смиту, заработная плата в такие критические периоды, обусловленные остановкой роста или убылью капитала и уменьшающимся спросом на рабочие руки, понижается до голодной нормы.

Из этих соображений вытекает, что Смит убежден, что высота существующей заработной платы, зависит не от величины наличного фонда [2]) заработной платы, которой, согласно взглядам сторонников теории фонда заработной платы, служит поддержания производительных сил страны и не от предложения на рынке труда, а от состояния производства и совокупного капитала.

Рассмотрев взгляды Смита на образование заработной платы, мы можем их формулировать следующим определением: заработная плата, независимо от того, выражена ли она в деньгах или средствах существования, составляет в капиталистическом строе только часть ценно-

---

[1]) Смит. Цит. соч., т. 1, стр. 73.

[2]) Смита, по нашему мнению, нельзя рассматривать, как основателя теории фонда заработной платы. Фонд заработной платы у Смита, это неопределенная и изменяющаяся величина. Ср. Brentano, Die Lehre fon den Lohnsteigerungen mit besonderer Rücksicht auf die englischen Wirtschaftslehren. Iahrb. für Nationalökonomie und Statistik, 1871, m. XVI стр. 259 и Lipowski „Die Frage der Arbeitslosigkeit", стр. 11.

сти [1]), которую труд человека прибавляет к сырью. Величина этой части определяется состоянием производства и капиталом данной страны, общественно-необходимым минимумом существования рабочей семьи и, наконец, договором найма, содержание которого является выражением экономической и политической мощи предпринимателя и рабочего. Смит констатирует, что заработная плата регулируется, так сказать, естественным образом, но он думает все же, что размер заработной платы зависит также от поведения предпринимателей по отношению к рабочим. Он везде выступает за высокую заработную плату. Он обращается к предпринимателям с доказательством о необходимости ее не только в интересах производства и общества, но и в собственных интересах [2]).

Чем выше заработная плата, тем больше усердие и производительность рабочих, тем больше процесс разделения труда и техники.

Кроме того,—говорит Смит,—простая справедливость требует, чтобы те, кто снабжает все государство пищей, одеждой и жилищами, получали достаточную часть произведений своего труда и сами были достаточно снабжены пищей, одеждой и жилищами. На возражение предпринимателей, что после повышения заработной платы повышаются цены товаров, что затрудняет сбыт, Смит отвечает, что под'ем цен гораздо легче может быть вызван высокой прибылью, чем высокой заработной платой. «Часть цены товара, идущая на заработную плату, на протяжении всех стадий мануфактурного производства поднимается в арифметической прогрессии к этому повышению заработной платы, между тем как часть товарных цен, идущая на прибыль на протяжении различных ступеней индустрии, поднимается, соответственно повышению прибыли, в геометрической прогрессии. Повышение заработной платы повышает товарные цены также, как простые проценты увеличивают долг. Повышение прибыли действует, как сложные проценты» (Цит. соч. т. I, стр. 105).

«Наши купцы и фабриканты,—говорит Смит,—жалуются, что высокая заработная плата поднимает цены на товары, но они молчат о других последствиях высокой прибыли, они не говорят ни слова

---

[1]) Кроме приведенных цитат из „Богатства Нар." касательно теории ценности, прибавочной ценности и заработной платы, приведем еще следующее место, где Смит особенно ясно говорит о неоплаченном труде, создающем прибыль фабриканта на стр. 156, нем. перевод т. II „Богат. Нар.", мы читаем: „Наши крупные фабриканты извлекают прибыль не из продажи своего труда, а из товара, изготовленного ткачами".

[2]) „Щедрое вознаграждение за труд усиливает трудолюбие низших классов народа.

Трудолюбие поощряется заработной платой и подобно прочим качествам человека, совершенствуется в зависимости от поощрения. Обильная пища укрепляет физические силы работника, а утешительная надежда улучшить свое положение и окончить дни свои, быть может, среди довольства и спокойствия, побуждает его к наибольшему напряжению сил. Впрочем там, где заработная плата высока, мы встречаем более деятельных, прилежных и расторопных работников, чем в тех местах, где эта плата низка". (Смит. Цит. соч. т. I, стр. 87).

о гибельных последствиях их собственных барышей и жалуются только на других». (Ibidem).

Занимаясь подробно вопросом о заработной плате, Смит гораздо меньше внимания уделяет безработице. С одной стороны, это связано с тем, что новый капиталистический способ хозяйства обнаружил анархический характер товарного производства только спустя 2—3 десятилетия после опубликования главного труда Смита, ведь только при анархическом производстве сменяющие друг друга периоды расцвета и кризисов делаются постоянным источником экономического и морального обнищания рабочих. С другой же стороны, это связано с теми формами, в которых выступала тогда безработица. Смиту, как было указано, не хватало тогда материального основания для глубокого исследования печальных явлений, сопутствующих капиталистической системе.

Ремесло и мануфактура играли еще выдающуюся роль в хозяйственной жизни. Возникавшая фабричная система была еще в состоянии поглотить относительно небольшой приток рабочих сил из мануфактуры и сельского хозяйства. Если кое-где и появлялась безработица, то Смит находил причины ее не в растущем новом способе производства, который, как он констатировал, расширил народное хозяйств возможности приложения труда, но прежде всего в стеснениях, которые создавались устарелыми распоряжениями и регламентами полицейского государства. Меркантильная политика вообще, цеховое регулирование в особенности и закон Елизаветы об ученичестве препятствовали расширению производства и капитала, что уменьшало возможность приложения труда.

Так, Смит пишет: «Европейские правительства, ограничивая конкуренцию в некоторых промыслах меньшим числом лиц, чем то, которое при других условиях обратилось бы к этой отрасли, порождают существенное неравенство в общей сумме выгод или невыгод при различном приложении труда и капитала». (Цит. соч. т. I, стр. 89).

Наступавшие нередко в то время неурожаи, по мнению Смита, также уменьшали возможность приложения труда, одновременно увеличивая его предложение. Удорожая средства существования, неурожаи уменьшали фонд заработной платы и побуждали предпринимателя скорее уменьшать, чем увеличивать число его рабочих. Число безработных еще более увеличивалось, благодаря приливу в другие отрасли промышленности самостоятельных ремесленников, которые в результате плохого урожая теряли свое независимое положение вынуждены были поддерживать свое существование поденщиной. Отсюда следует, что людей, желавших работы, было больше числа свободных мест, а это вело к ухудшению условий труда.

Значительная безработица, по мнению Смита, может иметь место, за исключением случаев неурожая, также в период стационарного и особенно падающего производства. Во время затишья в производстве господствует постоянный недостаток в работе и рабочие бывают вынуждены конкурировать друг с другом, чтобы получить работу и довольствоваться любой заработной платой. Положение рабочего класса

становится еще хуже в период недостаточного производства. При непрерывном уменьшении капитала «потребность в работниках и прислуге в различных отраслях уменьшается». Безработица растет во всех отраслях индустрии. Так называемая резервная армия растет изо дня в день и увеличивается благодаря притоку деклассированных элементов в ряды безработных. Конкуренция между рабочими достигает высшей степени и «понижает заработную плату до нищенских размеров, самого скудного существования. Для многих из этих несчастных не находится работы даже на таких тяжелых условиях, они должны умирать с голоду или снискивать себе пропитание нищенством и преступлением. Нищета, голод и смертность вскоре вызовут опустошение в этом классе и это будет продолжаться, пока народонаселение в стране не будет приведено к такому числу, какое может быть прокормлено количеством остающихся доходов и капиталов» [1]).

На первый взгляд это суждение напоминает Мальтуса, тем не менее тенденция возрастания населения, по Смиту, отнюдь не может рассматриваться, как причина безработицы. Ибо он понимал, что спрос на людей, как и на всякий другой товар, определяет их производство, ускоряет его, когда оно идет медленно, и приостанавливает его, когда он двигается слишком быстро [2]).

Возрастание населения только тогда могло бы быть рассматриваемо, как причина безработицы, если оно происходит при неблагоприятных экономических условиях. В период же прогресса общества, когда последнее продолжает приобретать новые богатства, возрастание населения, по Смиту, является вовсе не причиной общего обнищания, а общественного благосостояния.

Остается еще рассмотреть взгляд Смита на вопрос о том влиянии, которое оказывают машины и вообще методы, сберегающие труд, на рынок труда и на положение рабочего класса. Хотя он придает технике большое значение в экономической жизни и везде защищает методы, сберегающие труд, тем не менее он не исследует их влияния на рабочий класс. Это может быть об'яснено только тем, что Смит еще не знал ни фабричного крупного производства, ни еще его роковых последствий для рабочего класса, которые возникают благодаря замещению живого труда машиной. Смит не рассматривал введение машин только с точки зрения их значения для увеличения производства и капитала. В этом смысле он не относился отрицательно к новой форме производства, ибо это стояло бы в противоречии со всей его экономической системой. Что касается вытеснения рабочих машинами, то Смит полагал, что при полной экономической свободе капитал сам создает новые и еще более выгодные возможности приложения труда для вытесненных машиной рабочих. Это тем более верно, «что мы открываем здесь заложенный в самой природе обращения фактор регулирующий производство, фактор, который в своем действии стремится при-

---

[1]) Цит. соч. т. I, стр. 78.

[2]) Ibid. стр. 86.

способить труд и потребление общества к его нуждам и богатству» [1]). Кроме этого, машины способствуют улучшению положения рабочего класса, как потребителя, благодаря удешевлению всех продуктов [2]).

Приведенные рассуждения показывают, что Смит еще не знал безработицы в современном смысле этого слова. Главную причину недостатка занятий в свою эпоху он видит в стеснении производительных сил и во всем том, что уменьшает средства к поддержке производительного труда. Поэтому он вполне последовательно выступает против таких податей, которые уменьшают фонд заработной платы и непосредственно на нее падают. Такие обложения «должны иметь своим следствием или повышение цен товаров или уменьшение спроса на труд». Так как предприниматель считает, что он «вправе и к тому же вынужден» извлечь из цены товара авансированную им прибавку на уплату налога на заработную плату, плюс известная прибыль, то обложение заработной платы должно повлечь за собой повышение товарных цен. Об уменьшении спроса на труд, которое возникает в результате налога на заработную плату, Смит говорит следующее: «Упадок промышленности, уменьшение возможности приложения труда для бедных, уменьшение годового продукта земли и труда в стране— были обычными последствиями такого рода налога» [3]).

С уничтожением ограничений для капитала и рабочей силы будут устранены все искусственные причины недостатка работы. Что же касается неурожаев и застоя или упадка производства, как причины безработицы, то Смит и здесь придерживался того мнения, что, с отменой хлебных пошлин, монополий и прочих проявлений государственного вмешательства, эти причины постепенно будут сведены до минимума, если не исчезнут совершенно.

Смит был убежден, что свободное соревнование индивидуальных сил создаст наибольшие возможности приложения труда. Поэтому в «Богатстве Народов» остается почти без ответа вопрос о средствах борьбы против уже разразившейся безработицы. В этом отношении его предшественник Петти ушел гораздо дальше. Несмотря на то, что Петти не признавал никакого права на труд, он рекомендует оказывать помощь безработным применением их для постройки дорог, общественных зданий, копей и тому подобных работ. Смит не предлагает таких

---

[1]) W. Neurath. Nationalökonomiscbe Vorträge. Стр. 101. Ср. также Смит, цит. соч., т. I, стр. 391 – 396.

[2]) „Постепенное понижение действительной цены есть естественное следствие прогресса. Действительная цена промышленного труда падает, пожалуй, во всех отраслях промышленности без исключения. Благодаря лучшим машинам, лучшей выучке и более целесообразному разделению труда,— этим естественным следствиям прогресса,—выполнение каждой отдельной части работы требует затраты гораздо меньшего количества труда, чем раньше; и хотя действительная цена труда под влиянием цветущих общественных условий значительно поднимается, однако значительное уменьшение количества труда,—как общее правило,—более чем компенсирует самое большое повышение цены труда". (Цит. соч., т. I. стр. 264).

[3]) Смит. Цит. соч., т. II, стр. 381.

Институт Красной Профессуры

средств помощи, но мы находим у него провозглашенное уже физиократами droit de travailler (право трудиться), т. е. право как на беспрепятственный выбор профессии и свободу промысла, так и на свободу передвижения.

Попытка интерпретировать понимание Смитом «droit de travailler», как права на труд, была бы несовместима с основными положениями его системы. С другой сторны, Смит не может считаться и противником поддержки безработных, ибо это стояло бы в противоречии с его отношением к рабочему классу.

Мы уже видели, как Смит вообще смотрел на право коалиций и, в частности, на право рабочих коалиций. Что касается права стачек, то в этом отношении А. Смит ограничился лишь описанием причин, хода и отрицательных результатов забастовок для рабочего класса, не высказывая общего отрицательного или положительного мнения о праве стачек. Тем не менее, как из этого описания, так и из его отношения к поведению предпринимателей в их борьбе с голодными рабочими в течении стачки, можно установить, что в глубине души Смит был на стороне бастующих. По его мнению, рабочие прибегают к забастовке, чтобы защитить себя от открытых и тайных поползновений работодателей уменьшить заработную плату, или чтобы при вздорожании жизни собственной инициативой достигнуть соответствующего повышения заработка. «Будет ли стачка их иметь наступательный характер или оборонительный, она всегда сопровождается шумом. Стараясь достигнуть результатов как можно скорее, работники прибегают к громкому ропоту, а иногда решаются даже на насилие и буйство» [1]). К подобным мерам рабочие прибегали только потому, что они в то время в борьбе были и в экономическом и правовом отношениях слабейшей стороной, и это вынуждало их воздействовать на работодателей страхом, дабы заставить их немедленно выполнить выставляемые требования.

Известно, что с установлением свободы союзов и права стачек насилия со стороны рабочих над фабрикантами мало-по-малу прекратились, и забастовки в большинстве случаев начали принимать мирный характер. В эпоху Смита и в ближайшие десятилетия после появления его сочинения, стачки должны были по указанным причинам носить бурный характер,—тем более, что в конфликтах между трудом и капиталом политическая власть всегда поддерживала последний. Смит настойчиво подчеркивает, что вследствие вмешательства властей и лучшей организации работодателей, равно как вследствие недостатка чувства солидарности у бастовавших рабочих, они в большинстве забастовок вынуждены были подчиниться предпринимателям. Он говорит: «Редко случается, чтобы работники могли облегчить хоть сколько-нибудь свою участь этими насильственными и мятежными попытками, которые, как по причине вмешательства власти, так и по причине большей стойкости хозяев и необходимости для рабочих уступить, чтобы не умереть с голоду, оканчиваются обыкновенно только наказанием и

---

[1]) Смит. Цит. соч. ч. I, стр. 72.

разорением зачинщиков восстания» [1]). Но Смит верил, что с уничтожением всех пережитков меркантилизма и с введением индивидуальной и хозяйственной свободы рабочий вопрос разрешится естественным путем без забастовок и без вмешательства государства в пользу какой бы то ни было стороны.

Остается еще рассмотреть позицию Смита в вопросе о женском и детском труде, о продолжительности рабочего дня и о рабочем законодательстве. Но эти вопросы остались у автора «Богатства Народов» едва затронутыми в виду его общей концепции современных ему производственных отношений и созданной им теории процветания народного хозяйства.

Хотя женщины и дети уже работали в ремесле и мануфактуре, но они не играли никакой самостоятельной роли в процессе производства.

Их работа в ремесле и мануфактуре имела больше вспомогательный характер и представляла собой род помощи взрослому рабочему. Вообще применение женского и детского труда в ту хозяйственную эпоху имело место в гораздо меньшей степени, чем в эпоху крупной промышленности. Быстро выросшая впоследствии эксплоатация детского и женского труда ко времени появления «Богатства Народов» едва давала себя чувствовать, так что в этом вопросе Смит вообще не мог занять никакой позиции. Отсюда понятно, почему он не выступил за ограничение женского и детского труда. По тем же причинам понятно, почему в «Богатстве Народов» не обсуждено подробно учение о максимальном рабочем дне. Все же Смит никогда не забывал, что рабочие—люди, а не только «руки», которые можно использовать безгранично. Поэтому он и обращается к предпринимателям, считая, что последние должны обратить внимание на телесное и духовное состояние рабочих не только из соображений гуманности, но и по экономическим основаниям. «Если бы хозяева,—говорит Смит,—чаще внимали голосу рассудка и человечности, то им приходилось бы гораздо чаще умерять, чем возбуждать рвение к труду своих рабочих... В каждом роде занятий мы видим, что тот, кто работает настолько умеренно, что может работать непрерывно, не только сохраняет тим самым надолго свое здоровье, но в продолжение целого года доставляет наибольшее количество труда» [2]).

Мы видим отсюда, что Смит высказывается за рациональное использование производительной рабочей силы. По этой причине он был против поштучной платы. Некоторое удивление может вызвать и то обстоятельство, что Смит не высказывался в пользу государственного регулирования рабочего времени и прочих условий труда, а обращался со своими соображениями на этот счет к предпринимателям, своекорыстие и жажду наживы которых он сам же клеймит во многих местах своего сочинения.

---

[1]) Смит. Цит. соч., т. I, стр. 72.
[2]) Смит. Цит. соч., стр. 88—89.

Однако, как эта, так и другие непоследовательности в его книге об'ясняются переходным характером той эпохи развития народного хозяйства, в которую жил Смит, и современным ему пониманием задач и целей государства, исключавшими возможность решения целого ряда социально-политических вопросов [1]).

Если Смит и считал, что в отношении нормирования рабочего времени вмешательство государства будет неблагоприятно для рабочего класса, то отсюда вовсе не следует, что он вообще был против рабочего законодательства. Он высказывается за закон, запрещающий truck system, более того, он хочет, чтобы рабочие приняли активное и полноправное участие в создании рабочего законодательства. Он жалуется, что во всех случаях, когда законодатель пытается сгладить несогласия между предпринимателями и рабочими, его советниками всегда оказываются предприниматели.

Подобного рода законодательство является, по Смиту, по большей части пристрастным. Если его постановления идут на пользу рабочего класса, то оно всегда законно и справедливо; но если оно выпадает в пользу хозяев, то можно быть уверенным в противоположном.

Это об'ективно описанное Смитом положение законодательства продолжалось для английского рабочего класса до 50—60 годов XIX столетия, и не аристократическо-буржуазное правительство, у которого Смит просил справедливости для рабочих, обеспечило пролетариату право влиять на рабочее законодательство Это право, точно так же, как и право участия в общем законодательстве и политике страны, английский пролетариат сам завоевал себе в долгой и тяжелой борьбе.

Ограниченный рамками хозяйственных и социальных отношений своей эпохи, Смит рассматривал рабочий класс, как важный элемент нации и как ту ее часть, которая создает ценности; он признавал, что предприниматели и общество во многом несправедливы по отношению к пролетариату.

---

[1]) В. Нейрат следующим образом формулирует взгляды А. Смита на государство и право: „Понимание государства и права Смита и многих мыслителей его времени, боровшихся за свободу,—понимание, которое оставалось господствующим до последних десятилетий нашего времени, об'ясняется теми задачами, которые ждали своего решения от эпохи революции. Было необходимо, с одной стороны, совершенно уничтожить устаревшие и сделавшиеся негодными институты средневековья и освободить скованные силы для нового органического порядка; с другой стороны, построить на месте абсолютистского бюрократического аппарата современное государство с парламентским законодательством, при участии самых широких народных масс в законодательстве, контроле и управлении. Эта историческая задача господствовала над умами мыслителей, сочувствовавших прогрессу, и приводила их к весьма пренебрежительному взгляду на государство, на социальные образования". Neurath. Цит. соч., том III.

ГЛАВА III.

ТОМАС РОБЕРТ МАЛЬТУС.

Томас Роберт Мальтус занимает в рабочем вопросе ясно выраженную пристрастную позицию. В этом отношении у него не встречается никаких двусмысленностей и колебаний. Взгляды Мальтуса по интересующему нас вопросу отличаются твердостью и ясностью и ставят его в ряды усердных защитников тогдашнего экономического, социального и политического порядка. Он считает господствовавшую в его время общественную форму не только правильной, но и наиболее совершенной и единственно возможной. Институт частной собственности—истинная основа всякой свободы. Без этого института человеку не были бы гарантированы его средства существования. В общественном строе, лишенном частной собственности, существовала бы вечная борьба, и никто не имел бы ни времени, ни охоты упражнять свои духовные силы и увеличивать свои знания. Экономический мотив, который побуждает создавать все материальные и идеальные блага при частно-хозяйственном порядке, должен был бы исчезнуть при равенстве всех членов общества. Только благодаря экономическому неравенству человечество вышло из полудикого состояния, и лишь деление общества на имущих и неимущих представляет базис и твердую гарантию экономического и культурного расцвета и прогресса человечества. Мальтус формулирует это следующими словами: «Всеми благороднейшими стремлениями человеческого духа, всем тем, что отличает цивилизацию от варварства, мы обязаны праву частной собственности, брачному праву и тому якобы бессердечному принципу личной выгоды, который побуждает каждого в отдельности напрягать усилия, чтобы улучшить свое положение» [1]).

Этот взгляд на частную собственность, как на **вечный институт** [2]) и как на единственную побудительную силу человеческого социального прогресса, неизбежно привел Мальтуса в восхвалению существующего порядка и к полному отрицанию возможности создать другой, более справедливый общественный строй. Поэтому, по Мальтусу, все стремления вождей рабочего класса и радикальной интеллигенции к изменению социального порядка должны в лучшем случае рассматри-

---

[1]) Malthus. Bevölkerungsgesetz, т. II, стр. 385—386. цит. по нем. изд.

[2]) „Здание человеческого общества, вероятно, останется неизменным в своих основах. Мы имеем все причины думать, что оно всегда будет состоять из имущего класса и класса рабочих". Мальтус. Цит. соч., т. II, 386.

ваться, как невыполнимая мечта, вводящая в заблуждение широкие массы. Мальтус, однако, не оспаривает, что положение пролетариата в его время было невыносимо, но он приходит к выводу, что улучшение его участи может быть произведено только в рамках частнохозяйственного порядка, и только каждым рабочим в отдельности. Ни общество, ни государство не могут здесь ничего поделать.

К тому убеждению, что судьба рабочих зависит от их собственного разума и от их нравственного поведения, Мальтус пришел через формулированный им закон народонаселения и через теорию убывающего плодородия земли. Поскольку эти две теории касаются нашей темы, они будут рассмотрены впоследствии; здесь же мы прежде всего должны поставить вопрос о том, какие материальные и социальные основания побудили Мальтуса стать на защиту частно-хозяйственного порядка и построить свое учение о рабочем классе. Некоторое представление об этом дает состояние английской промышленности и английского общества, обрисованное в первой главе. Остановимся сейчас лишь на том, что характерно для эпохи Мальтуса.

Его деятельность падает на время быстрого развития английского народного хозяйства, особенно фабричной промышленности. Рука об руку с распространением крупной индустрии и с небывалым ростом благосостояния имущих классов шло быстрое возрастание социальных бедствий и обнищание рабочего класса. Заработная плата в это время опустилась до самого низкого уровня. Вместе с падением заработной платы безработица стала постоянным явлением. Эти два факта привели к ужасающему росту пауперизма среди большинства английского населения. Пособия бедным, которые в 1601 году, в силу закона королевы Елизаветы, были возложены на приходы, никогда ранее не достигали таких размеров, как в первое десятилетие нового способа производства. Налог в пользу бедных, возросший ко времени выхода в свет «Богатства Народов» до 1.912.241 фунт. стерлингов, ко времени второго издания главного труда Мальтуса достиг цифры в 4.077.881 фунт. стерлингов [1]). И все-таки эти большие для того времени пособия бедным не могли смягчить нужды населения, так как причины пауперизма коренились не в преходящих обстоятельствах новой формы производства, а в новой капиталистической фабричной системе в целом, в свойственных ей противоречиях.

Под давлением ужасающей нужды и резких контрастов между бедными и богатыми в широких народных массах и в особенности в рабочем классе возникло недовольство существующим общественным строем, которое нашло себе выражение в различных экономических и политических выступлениях, обрисованных нами в первой главе.

Господствующая олигархия, находившаяся под влиянием промышленной буржуазии, не обращала никакого внимания на жалобы и нужды рабочих, но направила все свои усилия на то, чтобы сохранять необходимые ей спокойствие и порядок среди недовольных народных масс. Тем не менее страх имущих классов перед революцией

---

[1]) Ср. M. Beer. „Geschichte des Socalismus in England“, стр. 41.

был весьма велик. Эти опасения были еще усилены быстрым распространением в Англии идей французской революции, которая уничтожила старый порядок, создала новый политический строй и установила господство народа в государстве.

Совершенно понятно, что Мальтус при таких политических и социальных условиях занялся вопросом о причинах нищеты рабочих масс и их недовольства. Однако, непосредственный повод к его учению о народонаселении дало ему «Political justice» Годвина, который видел главную причину нищеты народных масс в существующем общественном строе и в частной собственности. Только с полным ее уничтожением, думал Годвин, может быть создан естественный социальный строй, в котором люди жили бы в равенстве и счастьи.

В своем главном труде о законе народонаселения, который вышел анонимно в 1798 году, Мальтус ставит себе задачу опровергнуть это опасное для существующего социального порядка учение. Он в резких выражениях нападает на все революционные теории и направляет все свои умственные силы на то, чтобы «освободить господствующий общественный строй от обвинения, будто бы он является источником лишений и страданий народных масс и главнейшим тормазом прогрессивного развития общества» [1]). Анонимное издание его труда дает основание предположить, что Мальтус хотел подождать с оглашением своего имени, чтобы увидеть, какое впечатление произведет открытый им закон народонаселения на общественное мнение и на борющиеся друг против друга политические и экономические организации.

Воздействие этого труда на общественное мнение не заставило себя долго ждать. Если первоначально его главная цель состояла в защите интересов аграриев, то позднее поднимающаяся промышленная буржуазия с восхищением восприняла учение Мальтуса, как самое подходящее оружие в борьбе против всякого государственного вмешательства в экономическую жизнь и против растущего возмущения пролетариата существующим социальным порядком. Учение Мальтуса о народонаселении, прибавив к так называемому экономическому мотиву еще вечный и неизменный человеческий инстинкт размножения, поставило индивидуалистический принцип в хозяйственной жизни на солидный теоретический фундамент и дало, таким образом, имущим классам возможность переложить ответственность за те бедствия, которые испытывал пролетариат, со своих плеч на закон природы [2]). Кроме того, учение Мальтуса давало буржуазии желанное доказательство бесполезности и даже вредности каких бы то ни было государственных и общественных мероприятий, направленных к смягчению бедствий рабочего класса.

Из приведенных основных положений теории Мальтуса ясно, почему представители классической политической экономии постоянно ссылаются на его учение о народонаселении, лишь только заходит речь об улучшении положения рабочего класса.

---

[1]) M. Reichesberg,—Wesen und Bedeutung des Malthusianismus, стр. 4.
[2]) Ср. Reichesberg, цит. соч., стр. 22.

Мальтус, между прочим, выставляет положение, что каждый человек—кузнец своего собственного счастья. Ему очень хочется, чтобы эта вытекающая из закона народонаселения «истина» была распространена в рабочем классе. Ибо он полагает, что распространение этого принципа, равно как и всех остальных его идей, много способствовало бы тому, что каждый рабочий «был бы более склонен терпеливо переносить нужду, в которую он может впасть, не ропща на свою нищету, не возмущаясь правительством и высшими классами и не прибегая к неповиновению и бунту» [1]). Он убежден, что если бы его учение постепенно приобрело известность среди широких рабочих масс, то «низшие классы населения, как партия, были бы настроены более мирно и покорно; в периоды нужды они были бы менее склонны к беспорядкам и менее доступны влиянию разжигающих и бунтовщических сочинений, ибо они знали бы, как мало цена труда и средства существования семьи зависят от революции» (ibidem).

Мы видим, следовательно, что Мальтус приписывал социальной педагогике большую практическую ценность и думал, что соответствующее просвещение масс насчет отношения между законом народонаселения и средствами пропитания много способствовало бы благосостоянию народа и, в особенности, рабочего класса. «Каждый человек,—говорит Мальтус, — с должным терпением переносит бедствия, относительно коих он убежден, что они проистекают из законов природы. Ибо причина, вызывающая неравномерное распределение, состоит в непрестанном стремлении всех живых существ размножаться за пределы имеющихся в наличности средств потребления» [2]). В то время, как прирост населения совершается в геометрической прогрессии, средства пропитания для возросшего таким образом населения могут за тот же промежуток времени увеличиться только в арифметической прогрессии.

На основе тогдашнего агрономического опыта Мальтус полагал подкрепить закон о несоответствии между населением и необходимыми средствами пропитания учением об убывающем плодородии почвы, согласно которому для получения данного количества средств пропитания нужно после некоторого определенного периода всякий раз затрачивать большее количество труда и капитала, чем раньше. Опираясь на эту теорию, Мальтус приходит к выводу, что если производительность почвы может быть поднята при помощи улучшенных методов труда, то это увеличенное количество продукта при всем напряжении физических и умственных сил земледельцев может быть в лучшем случае выражено вышеуказанной арифметической прогрессией.

Анализируя несоответствие, существующее между ростом населения и средствами существования, Мальтус сделал из этого закона вывод, что единственный источник и причину существующей нищеты и страданий народных масс и, в особенности, рабочего класса следует искать в непрерывном и безграничном приросте населения. Ни государство, ни общество, как сказано выше, не могут ровно ничего сделать

---

[1]) Мальтус. „Закон народонаселения“, т. II, стр. 383.
[2]) Мальтус, цит. соч., т. I, стр. 14.

для смягчения этого закона природы. Нужда и нищета, обусловленные законом народонаселения, должны, по Мальтусу, господствовать в рядах пролетариата, ибо, если рост населения самой природой ограничивается предупредительными и разрушительными препятствиями, то он все же стремится стать безграничным. «Это постоянное стремление имеет также тенденцию ввергать в нищету низшие классы общества и препятствовать всякому сколько-нибудь значительному и продолжительному улучшению их положения» [1]).

Под давлением восстающих рабочих масс, которые не желали повиноваться открытому Мальтусом закону народонаселения,—тем более, что он им не обещал никаких перспектив улучшения их положения, а, напротив того, осуждал их на вечную нужду и страдания, так что они, опираясь на его учение, имели еще более оснований быть недовольными существующим общественным строем (что, очевидно, не входило в задачу его труда),—Мальтус во втором издании (1803 г.) своей книги смягчил наиболее резкие места своего закона народонаселения [2]). Это изменение состояло в том, что он к так называемым естественным предупредительным и разрушающим препятствиям для роста населения прибавил нравственное воздержание разумного человека, которое дает возможность обуздать инстинкт размножения.

Рекомендуя воздержание от вступления в брак, и тем самым от рождения детей, Мальтус считал разрешенными социальный вопрос и проблему нищеты не только для своей эпохи, но и на вечные времена. В остальном он оставил свою теорию неизменной. Рабочий страдает от голода и нужды только потому, что он неосмотрительно вступает в брак и рождает слишком много детей, для воспитания которых он не обладает достаточными средствами. Следствием этого является то, что рабочий вынужден обращаться к общественной помощи. Мы еще вернемся к взглядам Мальтуса на существовавший в Англии институт помощи бедным. Здесь мы лишь отметим, что он рассматривает пособие бедным, как премию за деторождение и увеличение населения, которые ему представляются главной причиной нищеты рабочего класса, ибо он придерживался того взгляда, что с уменьшением народонаселения может быть разрешен социальный вопрос.

Высказываясь в общем повсюду против вмешательства государства в экономическую жизнь и в дело материального улучшения положения рабочего класса, он все же считает желательным издание закона о вступлении в брак, размножении и помощи бедным,—закона, по которому священникам вменялось бы в обязанность после каждого оглашения прочитывать рабочим напутствие. В этом напутствии священник должен стараться «запечатлеть глубоко в сознании низших классов населения недопустимость, более того, безнравственность вступления в брак [3]), когда нет возможности содержать детей, пагубность для самих бедняков попытки найти у общественных учреждений помощь в испол-

---

[1]) Мальтус. Цит. соч., I, стр. 28.

[2]) Ср. Reichesberg, цит. соч., стр. 24.

[3]) Ср. Karl Ergand. „Untersuchungen zum Maschinenproblem in der Volkswirtschaffslehre", стр. 54.

нении долга, который должен лежать исключительно на родителях, абсолютную необходимость уничтожения всех подобных учреждений, приносящих результаты обратные тем, которых желали достигнуть». Эта проповедь священника должна, очевидно, служить рабочему предупреждением и напоминанием, что он не имеет права «требовать от общества хотя бы на ничтожный кусок больше того, что может дать его труд» (Мальтус, цит. соч., т. II, стр. 296—298).

Мы видим, таким образом, что по Мальтусу рабочий не имеет ни морального, ни материального права на поддержку со стороны общества или государства. Это заявление Мальтуса стоит в тесной связи с его учением о прибыли и его теорией ценности, согласно которой рабочий получает полный продукт своего труда и не создает никакой прибавочной ценности, выражающейся в различных формах, как, напр., в форме прибыли.

Прибыль, по Мальтусу, представляет собой разницу между издержками производства продукта и ценой, которую получают при его продаже. Если это так и если рабочие хотят улучшить свое положение, они не должны бороться против капиталистической системы, которая, по Мальтусу, не заключает в себе ничего несправедливого в отношении рабочих, но должны понять, что «без увеличения их собственного старания и их предусмотрительности» их положение не может быть улучшено. Вина за тяжелое положение пролетариата ложится, таким образом, на закон природы, который выражается в несоответствии между средствами существования и количеством потребителей, однако, каждый рабочий, по Мальтусу, в силах до некоторой степени сгладить это несоответствие.

Этот закон природы, который, по Мальтусу, сохраняет свою силу для всех времен и народов, образует, как мы видели, исходный пункт его социальной философии; это основа, на которой он строит свое отношение к рабочему классу.

Мальтус определяет заработную плату, как вознаграждение, которое рабочий получает за свои усилия. Она может выступать, как номинальная и как реальная заработная плата.

Величина номинальной или денежной заработной платы зависит от цены средств потребления, необходимых для поддержания существования нормальной рабочей семьи. Однако, это отношение не является постоянной величиной. Часто случается, говорит Мальтус, что в то время, как цена труда падает на одну треть или более, цены предметов потребления не падают в той же пропорции, но, наоборот, поднимаются на половину или на треть. Эти колебания денежной заработной платы зависят от цены денег и от предложения рабочей силы. Если известная денежная единица может быть куплена на меньшее количество труда, то денежная заработная плата поднимается. В противоположном случае, или когда предложение труда возрастает, денежная заработная плата должна падать. Во всяком случае, полагает Мальтус, независимо от цены денег и средств потребления и независимо от повышенного предложения труда, денежная заработная плата имеет тенденцию совпадать с так называемым минимумом средств существования рабочей

семьи. Ибо денежная заработная плата, спустившаяся ниже того уровня, который необходим для скудного существования нормальной семьи рабочего, имела бы то действие, что рабочее население не возрастало бы, а, наоборот, уменьшилось бы ниже того числа, которое необходимо для производства.

Чтобы получить точную картину уровня заработной платы и обусловленной им степени благосостояния рабочего класса, надо, по Мальтусу, брать в расчет не денежную, но реальную заработную плату, т.-е. сумму средств продовольствия и других предметов, которые рабочий может фактически получить за проданную им рабочую силу. Если же мы будем брать более продолжительный период, то реальная заработная плата явится единственно возможным масштабом заработной платы.

Реальная заработная плата и заработная плата вообще определяются, по Мальтусу, главным образом, двумя моментами: фондом заработной платы и предложением труда. Иными словами, заработная плата складывается сообразно имеющемуся в данное время налицо количеству средств существования и численности населения, которое получает средства к жизни непосредственным приложением труда. Верный смыслу своей теории о несоответствии между ростом населения и максимально возможным увеличением средств существования, Мальтус полагает, что высказать верные соображения о спросе и предложении труда, равно как об общем положении рабочих,—можно лишь в том случае, если принять во внимание средства существования, которые служат для поддержания труда. Здесь имеет значение (хотя и не исключительное) именно возрастание этого фонда, а отнюдь не общее повышение народного богатства, как учил Смит. Правда, заявляет Мальтус, увеличение богатства воздействует благоприятно на положение рабочих, однако, это воздействие модифицируется другими обстоятельствами, между прочим, умственным и моральным уровнем рабочего класса и культурно-политическим состоянием страны.

Решающее значение для высоты той части оборотного капитала, которая циркулирует, как общественный фонд заработной платы, имеет не столько его сумма, сколько его общая ценность, т. е. ценностный эквивалент наличных средств существования рабочего класса, подлежащих распределению между его сочленами. Однако, положение рабочего класса зависит не исключительно от увеличения ценности фонда заработной платы. Хотя последнее и образует, по Мальтусу, весьма важный и определяющий момент общего положения рабочего класса, но главной причиной, оказывающей длительное влияние на заработную плату и на улучшение положения рабочего класса, является, по словам Мальтуса, «поведение и мудрая предусмотрительность самих индивидов; она поэтому не связана непосредственно с увеличением средств существования». Поэтому предложение труда также играет столь значительную роль в мальтусовской теории заработной платы и в проблеме безработицы.

Таким образом, количества средств существования, которые зарабатывает отдельный рабочий, различны в периоды повышающегося и

падающего предложения труда. Если «число рабочих больше, чем рыночный спрос на труд, то цена труда должна иметь тенденцию к падению, в то время, как цена средств существования может иметь тенденцию к повышению. Поэтому, чтобы заработать то же самое, рабочий должен трудиться больше, чем раньше». Тем не менее рабочие должны испытывать жестокую нужду все то время, пока длится избыточное предложение труда. Так как в подобные тяжелые времена, с одной стороны, с особенной силой выступают предупредительные и разрушающие препятствия к размножению населения, а, с другой стороны, высокие цены средств существования и дешевизна рабочих рук побуждают землевладельцев и арендаторов «прилагать к земле больше труда, переходить к обработке новых земель, удобрять и основательнее обрабатывать уже культивируемые земли», то после некоторого более или менее продолжительного периода наступает равновесие между численностью населения и количеством необходимых для этого средств существования. Если бы этих препятствий к росту населения, в частности рабочего класса, вовсе не существовало, то фонды, служащие для поддержания труда, должны были бы возрастать с большей скоростью, чем это позволяло данное состояние промышленности и сельского хозяйства, чтобы «дать работу всему тому подрастающему населению, которое достигло зрелого возраста». Однако, согласно всему учению Мальтуса и, в особенности, его теории убывающего плодородия почвы, это никогда не может иметь места. Если количество продукта и может быть увеличено, то фонд заработной платы остается во всяком случае ограниченным, а заработная плата, в частности, реальная заработная плата, определяется, по Мальтусу, исключительно этим фондом и количеством находящейся на рынке рабочей силы.

Таким образом, заработная плата, по Мальтусу, регулируется естественным способом. Исходя из индивидуалистической формы хозяйства, Мальтус признавал моментами, определяющими заработную плату, исключительно только спрос и предложение. Всякое вмешательство органов государства в эту область, по его мнению, не только представляет собой насилие над принципом хозяйственной свободы, но прямо-таки пагубно для социальной и экономической жизни страны. Он поэтому резко выступает против регулирования заработной платы мировыми судьями и против обычных, в его время, в Англии приплат из касс помощи бедным. Эти меры, по Мальтусу, ведут исключительно только к повышению цен на средства существования и способствуют увеличению численности неимущих классов. «Цена труда,—говорит Мальтус,—когда она достигает своего естественного уровня, является в высшей степени важным общественным барометром, показывающим среднее отношение между запасом средств существования и спросом на них, между тем количеством их, которое имеется налицо, и числом потребителей; далее, средняя цена труда, установленная независимо от случайных обстоятельств, показывает кроме того, каковы потребности общества сравнительно с количеством населения в данное время; независимо от того, какое бы ни приходилось число детей на каждую

семью для поддержания численности населения на данном уровне, заработная плата может быть достаточна, превосходить, или оказаться недостаточной для воспитания их, смотря по тому, будут ли запасы, предназначенные для оплаты труда, находиться в неподвижном состоянии, будут ли они постепенно уменьшаться, или увеличиваться». (Мальтус, цит. соч., т. II, стр. 67—68).

Мальтуса можно, таким образом, рассматривать, как типичного представителя классической политической экономии: ибо он, правда, принимает во внимание и другие моменты, определяющие величину заработной платы и, соответственно этому, общее положение рабочего класса, но главными факторами он считает величину фонда заработной платы и численность населения. Если он и признает, что новый способ производства создал ужасающую нищету в рядах пролетариата, то он, тем не менее, выступает за крупную промышленность. Он только возражает против слишком быстрого развития индустриализма, так как подобное состояние производства, по его мнению, неблагоприятно влияет на народное хозяйство и тем самым на положение рабочего класса.

По Мальтусу, положение рабочего класса будет лучше всего в том случае, если наряду с расцветом и прогрессом торговли и индустрии будет одинаково развиваться и сельское хозяйство. Такое состояние хозяйства более всего способствует развитию внутренней и внешней торговли, постепенному увеличению капитала, постепенному увеличению ценности фонда заработной платы; все это ведет к повышению спроса на труд и к повышению реальной заработной платы. Правда, при таком состоянии хозяйства цены на предметы потребления поднимаются, благодаря непрерывному улучшению машинной техники и возрастанию вложенных в индустрию капиталов, но в то же время эта хозяйственная ситуация воздействует на улучшение привычного образа жизни и на расширение требований рабочих, давая им возможность обменять любую часть реальной заработной платы «на некоторое, сравнительно большое количество туземных или иностранных средств потребления и предметов роскоши». Только в эпохи подобного экономического равновесия и повышенных личных требований со стороны рабочих, увеличение заработной платы имеет некоторое значение для пролетариата. Ибо только в этом случае, повышенная заработная плата не влияет на размножение населения. При другой констеляции хозяйственной жизни и при уменьшении личной предусмотрительности и воздержания от заключения браков и деторождения со стороны рабочих, заработная плата неизбежно должна понизиться, а положение рабочего класса ухудшиться. Совершенно невозможно, чтобы в подобную эпоху реальная заработная плата могла повышаться. Если даже сделать попытку каким-нибудь образом повысить во время под'ема индустрии заработную плату за счет уменьшения сельско-хозяйственного производства, то она не оказала бы никакого влияния на улучшение материального положения рабочего класса и только повысила бы цену средств существования, благодаря уменьшившейся производительности почвы. Несмотря на повышенную заработную плату, рабочие не могли бы вы-

держать конкуренцию экономически более сильных потребителей и должны были бы «во всяком случае удовольствоваться худшим питанием и в наименьшем количестве».

Мы, таким образом, снова приходим к основному взгляду Мальтуса, что положение рабочего класса и его средства существования зависят не от величины заработной платы и не от вмешательства государства, а от соотношения между численностью населения и имеющимся налицо количеством средств пропитания. Поэтому Мальтус и не выступает, подобно Смиту, защитником высокой заработной платы. В противоположность Смиту, который обращался к предпринимателям, указывая на необходимость повышения заработной платы, Мальтус пускает в ход всю свою моральную и умственную силу, чтобы убедить рабочих, что они сами виновники низкой заработной платы и своего печального положения. Если оставить в стороне пару мало говорящих общих мест, которые не согласуются с его общей системой, то он выступает всецело в качестве ярого противника повышения заработной платы. «Единственная выгода повышения заработной платы состоит в том, что вызываемое им повышение цен на средства существования способствует усилению ввоза. Но если не принимать в расчет ввоз, которому может помешать война или другие обстоятельства, то общее повышение заработной платы по отношению к ценам на средства существования... имело бы своим результатом то, что весь урожай, расчитанный на 12 месяцев, был бы с'еден в течение девяти; мы имели бы в таком случае голод». (Ibid, т. II, стр. 69—70). Кроме того, Мальтус видит в низкой заработной плате средство поощрить энергию и старания рабочего. Ошибочно,—заявляет он,—думать, что народ тем лучше будет снабжен средствами потребления всякого рода, чем легче он может удовлетворить свою потребность в предметах питания. (Мальтус и Сэй. Переписка. Нем. изд. Рау, стр. 14).

Рабочие коалиции, которые ставят себе задачу удерживать заработную плату на высоком уровне и которые хотят, чтобы работа производилась при определенных условиях, не только «противозаконны, но и неразумны и недействительны. Ибо всякое насильственное удержание заработной платы на известном уровне неизбежно должно повлечь за собой увольнение такого числа рабочих, стоимость содержания которых равняется выгоде, получаемой другими от повышения заработной платы. Последнее для всей массы рабочих поэтому совершенно иллюзорно». (Мальтус. Цит. соч., т. II, стр. 96—97).

Отрицательное отношение Мальтуса к праву коалиций вполне последовательно приводит его к суровому осуждению всякой стачки рабочих, направленной к улучшению материального положения и к достижению лучших условий труда. Положение пролетариата может быть улучшено не через союзы и не через стачки; это может быть достигнуто только при помощи социальной педагогики: нужно об'яснять рабочим истинную природу и причину их положения и указывать им, что лучшие условия труда могут наступить единственно только благодаря сокращению предложения труда и, что «только они сами, как обладатели этого товара (рабочей силы), имеют возможность это сде-

лать». (Ibid, т. I, стр. 256). Кроме воздержания от легкомысленного вступления в брак, Мальтус рекомендует рабочим, как дальнейшее средство непосредственного улучшения материального положения,— бережливость, которую они должны соблюдать как до, так и после вступления в брак. Однако, этот совет дается только рабочим, но не имущим классам и не так называемым непродуктивным потребителям, обильное потребление которых, по мнению Мальтуса, способствует накоплению капиталов и фонда заработной платы.

Переходя к вопросу о том, как представлял себе Мальтус безработицу, ее причины и борьбу с ней, нужно прежде всего указать, что те естественные причины, которые мы уже упоминали при изложении его теории заработной платы и которые оказывают сильное влияние на заработную плату, сохраняют полное свое значение и здесь. Хотя Мальтус и считал главной причиной безработицы перенаселение, однако нужно констатировать, что, исследуя экономический и социальный базис частно-хозяйственного способа производства, он и в нем отчасти открыл причину колебания спроса на труд. Мы уже видим, какую роль играет у Мальтуса правильное соотношение между промышленностью и сельским хозяйством в установлении условий труда и в спросе на труд. При наступлении неблагоприятной кон'юнктуры народного хозяйства, все равно—носит ли она экономический или социально-политический характер, на рынке труда, по мнению Мальтуса, должно возникать несоответствие между предложением и спросом.

Дальнейшую причину безработицы Мальтус видит в сложности индустриальной системы, в постоянных колебаниях на мировом рынке, которые проистекают от смены моды, а также по торгово-политическим и другим причинам.

Подобно недостатку капитала, избыток его может влиять в смысле увеличения безработицы. Избыток капитала может наступить в случае слишком интенсивного сбережения, другими словами, в случае слишком быстрого накопления всего совокупного капитала, что, по Мальтусу, должно приводить к перепроизводству и к вытекающему из него кризису. Недостаток капитала, который также должен влечь за собой кризис производства, может быть результатом неравномерного распределения (Мальтус, как и другие представители классической политической экономии, говорит, конечно, о распределении между двумя высшими классами) и недостатка рынков сбыта. Этим об'ясняется, почему Мальтус, в противоположность другим экономическим классикам, осуждал бережливость имущих и непроизводительных классов: по его мнению, слишком большая бережливость этих классов должна была бы приводить к значительной безработице. По тем же основаниям Мальтус высказывается против слишком быстрого уменьшения государственных долгов и против понижения налогов.

В этих воззрениях Мальтус, очевидно, представляет интересы класса землевладельцев и их придатка—государственного и церковного чиновничества, существование которых он рассматривал, в противоположность Рикардо, между прочим, как стимул к производству.

(Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, нем. изд., стр. 49, 50 и 57).

Мы уже видели, что цветущая внутренняя и внешняя торговля составляют, по Мальтусу, существенное условие для увеличения спроса на труд и для улучшения положения рабочего класса. Однако, эти выгоды для производства и для рабочего класса имеются на лицо, кроме вышеупомянутых моментов, лишь в том случае, когда меновая ценность туземных товаров, равно как и иностранных товаров, поднимается. Если этого не происходит, если меновая ценность не поднимается, то это, по Мальтусу, влечет за собой уменьшение национального дохода, так же, как уменьшение спроса на труд.

Вышеприведенные моменты мы можем обозначить, как экономические и социально-политические причины безработицы. Что касается чисто политических и правовых моментов, вызывающих недостаток спроса на труд, то таковыми являются хозяйственная и индивидуальная несвобода и, в частности, законодательство о бедных, вред которого для производства и для рабочего класса Мальтус часто и энергично подчеркивает в своей работе о законе народонаселения.

Остается еще исследовать взгляд Мальтуса на введение машин и значение, которое они оказали на рынок труда и на положение пролетариата. Прежде всего Мальтус констатирует, что машины, как и все другие технические изобретения, вызываются реальными потребностями общества и редко опережают эти последние. Однако, полное использование их для увеличения народного богатства какой-либо страны может иметь место только при соответствующем расширении рынков сбыта и, в особенности, внешней торговли. В этом отношении введение машин, согласно Мальтусу, идет на пользу рабочему классу, удешевляя товары путем экономии труда, увеличивая спрос на продукты и способствуя, таким образом, расширению рынка труда. Если же, однако, наступает несоответствие между введением машин и рынком сбыта, то неизбежно должно наступить переполнение рынка продуктами, что обычно влечет за собой падение товарных цен и более или менее значительное увольнение рабочих. Если во время подобной депрессии и сберегается, благодаря удешевлению товаров, большая часть оборотного капитала, которая может быть использована для помещения в других, более выгодных отраслях промышленности, то Мальтус все же приходит к выводу, что свободное перемещение капитала представляет большую или меньшую потерю для национального богатства. При таких перемещениях капиталов, с точки зрения Мальтуса, еще спорно, смогут ли производители достаточно легко приспособиться к новым отраслям промышленности.

Мы видим, таким образом, что Мальтус ставит введение машин в зависимость от рынков сбыта. Если машины применяются в отрасли индустрии с ограниченным сбытом, то их успех не будет так значителен, как в случае применения машинного способа производства в такой отрасли, более дешевые продукты которой могут расчитывать на расширенное потребление.

В общем и целом Мальтус никоим образом не выступает врагом машинного способа производства; он не видит в нем сокращения возможностей для приложения рабочей силы. Безработица, которая иногда и возникает по выше приведенным причинам, происходит, по Мальтусу, не столько от введения машин, сколько от понижения меновой ценности товаров.

Указанное вредное последствие распространения машин сглаживается для рабочих потребителей теми выгодами, которые они получают благодаря возможности превратить любую часть своей заработной платы в большее, чем раньше, количество продуктов. Если, кроме того, возрастают и нравственная предусмотрительность и чувство ответственности пролетариев, то положение рабочего класса значительно улучшается, ибо он приобретает возможность лучше одеваться и пользоваться большими удобствами жизни [1]).

Из сказанного следует, что, по Мальтусу, единственно пригодное средство для борьбы с безработицей заключается в установлении равновесия между индустрией и сельским хозяйством, в увеличении богатства и в моральном под'еме рабочего класса. Все другие средства со стороны ли государства, или общества совершенно бесполезны. Только индивидуальная самопомощь может принести некоторую пользу при начавшейся безработице. Если и это не поможет, то рабочих надо просвещать и ободрять к тому, «чтобы они терпеливо сносили неизбежное бремя», ибо Мальтус рассматривает безработицу, как естественную необходимость. Пособия безработным из касс помощи бедным и попытки специальной организации государственных и коммунальных работных домов могут, по мнению Мальтуса, только увеличить число безработных.

Помощь из касс для бедных ослабляет, по Мальтусу, чувство независимости и чувство ответственности рабочих и косвенным образом толкает их к непредусмотрительному заключению браков и к рождению детей. Если помощь безработным должна иметь место, то она должна производиться в порядке частной филантропии. Но и благотворительность, унижающая чувство человеческого достоинства безработных, рекомендуется Мальтусом только в весьма ограниченных рамках. Безработные «ни в коем случае не должны быть поставлены в такое положение, при котором они для удовлетворения своих насущных потребностей получали бы столько же, сколько дает обыкновенному рабочему его заработок» (Мальтус, ibid., т. II, стр. 325).

Что касается государственных и коммунальных работных домов, то Мальтус заявляет, что попытки дать безработным занятия на фабриках в крупном масштабе совершенно не удались, и что эта система в тех общинах, где она сохранилась, имела то действие, что многие ремесленники остались без заработка, благодаря конкуренции этих учреждений.

Мы видим, таким образом, что Мальтус отказывает безработным в праве на поддержку и на труд. И все это на основании «истин», выте-

---

[1]) Ср. Karl Ergang,—„Untersuchungen zum Maschinenproblem in der Volkswirtschaftslehre", стр. 54.

кающих из его закона народонаселения. Этот закон, полагает Мальтус, показывает ясно, что общество не обладает ни властью, ни средствами, чтобы предоставить безработным какое-нибудь занятие или какую-нибудь поддержку. Рабочие, по самой природе вещей, не имеют никакого права требовать ни того, ни другого.

Если Мальтус, таким образом, не признает за безработными во время кризиса никакого права на труд и на поддержку, так что же предлагает он в таком случае лишившемуся заработка? Как сын своего века и типичный представитель господствующих классов, он хотел бы применить здесь правило laisser aller—laisser faire. Чтобы однако хоть до некоторой степени смягчить неизбежное зло, он из оппортунистических соображений рекомендует эмиграцию и общественные работы.

Эмиграция, по Мальтусу, может до некоторой степени помочь против безработицы. Эмиграция, однако, должна быть предоставлена своему естественному ходу, ибо Мальтус не желает в этом отношении возлагать каких-либо обязанностей на государство. Одновременно он одобряет мероприятия, направленные к тому, чтобы несколько затруднить ввоз новых рабочих рук во время переполнения рынка труда.

Руководящим принципом при организации общественных работ должно быть стремление выбирать, по возможности, такие виды труда, результаты которых не вредили бы вложенным в другие отрасли капиталам и не составляли бы конкуренцию нормально занятым рабочим. Сюда относятся, по Мальтусу, постройка и улучшение шоссейных дорог, мостов, железных дорог, каналов и т. д. В качестве временного и весьма полезного для сельского хозяйства мероприятия, он рекомендует применение безработных при мелиорационных и другого рода полевых работах, которые могут производиться на средства, собранные путем общественной подписки. Заработная плата при общественных работах должна стоять ниже нормального уровня, ибо Мальтус опасается, что сила сопротивления и самодеятельность рабочего класса будет понижена благодаря заботам общества, направленным на доставление им работы во время кризиса.

Если Мальтус и соглашается, что было бы желательно оказывать помощь безработным в форме общественных работ, то он делает это из чисто социально-педагогических соображений, «чтобы избежать дурных моральных последствий бездеятельности и плохих привычек, которые могут появиться, если они (безработные) продолжительное время будут существовать за счет подачек» (Мальтус, ibid, т. II, стр. 87). Нетрудно видеть, что Мальтус ожидает разрешения рабочего вопроса главным образом от просвещения народных масс. Поэтому он высказывается также против всяких социально-политических мероприятий в области охраны труда. Оставаясь в рамках общественного политического строя своего времени, он принимает только уже проводимые государством и осуществленные мероприятия, направленные к охране живой рабочей силы. Несмотря на его собственное признание, что рабочий «плохо живет, плохо одевается и должен ежедневно работать по 12 часов», он все же думает, что не следует предпринимать никаких новых шагов в области социальной политики и охраны труда. Хотя он и говорит по-

стоянно о перепроизводстве и переполнении рынка труда, однако он нигде не рекомендует в качестве меры против этого зла сокращение рабочего дня и уничтожение сдельщины. Наоборот, в периоды под'ема производства он считает длинный рабочий день и систему сдельщины лучшими средствами для поднятия материального положения пролетариата.

Мальтус не сторонник законодательного ограничения женского и детского труда. Он не занимается вопросом о том, насколько распространение женского и детского труда понижает заработную плату мужчин и влияет на распространение безработицы и нужды среди пролетариата. Мальтус рассматривает применение женской и детской рабочей силы во времена промышленного под'ема, как средство наверстать потерянное за время кризисов, которые рабочий класс должен периодически переживать. Конечно, он высказывает сожаление по поводу физического и морального состояния фабричных детей. Чтобы иллюстрировать их печальное положение, Мальтус цитирует сочинение Айкина—однако не с целью побудить общественное мнение и правительство вмешаться в это зло, но, как выражается Маркс, чтобы продемонстрировать неизбежность нищеты рабочего класса (Маркс. «Теории приб. цен.», т. III, стр. 57, нем. изд.).

Эта нищета, по мнению Мальтуса, должна существовать до тех пор, пока существует несоответствие между средствами существования и численностью населения. Но так как это несоответствие покоится на естественном законе, то нищета рабочих, по его мнению, должна существовать вечно. Правда, рабочий класс может до некоторой степени смягчить ее благодаря нравственному под'ему увеличением старания и энергии отдельного рабочего. Улучшение положения рабочих могло бы еще произойти вследствие роста средних классов и вследствие того, что пролетариат, как часть населения, возрастая абсолютно, уменьшается относительно. Но так как Мальтус сам называет эту надежду утопией, то рабочий класс осужден им на жалкое и беспросветное существование. Он в целом, как социальное единство, не имеет, по мнению Мальтуса, ни права, ни возможности изменить свои условия жизни и те причины, которые их создали.

ГЛАВА IV.

ДАВИД РИКАРДО.

Давид Рикардо является одним из величайших и наиболее глубоких представителей классической политической экономии. Его понятия и определения капитала, ренты, ценности, труда и прибыли приобрели права гражданства в политической экономии. Некоторые из них сохранили свое значение до настоящего времени. Этого нельзя утверждать о его взглядах в области экономической политики и о его социальных воззрениях, которые он изложил в своем основном труде «Начала политической экономии», появившемся в 1817 году. Но если принять во внимание идеи, господствовавшие ко времени Рикардо, и задачу, которую последний себе поставил, то общенаучные результаты, которых он достиг, могут быть названы положительными.

Едва ли существует другой более оспариваемый писатель, чем Рикардо. Его труд еще при его жизни подвергался неправильным толкованиям и уже тогда пробовали приписать ему эгоистические цели при об'яснении экономических явлений.

Такое непонимание произведения Рикардо мы находим позже, во второй половине прошлого столетия, и в немецкой экономической литературе. Кроме критики учения и метода Рикардо, данной Теодором Бернгарди и Адольфом Гельдом, «Начала» недооценивались и критиковались огромным числом немецких ученых вплоть до новейшего времени. Причину отрицательного отношения к Рикардо и его произведению надо искать в состоянии способов производства тогдашней Германии и в новых воззрениях о природе и цели государства в области народного хозяйства и социальной политики.

Только в трудах К. Маркса и К. Диля можно найти непредвзятую историческую оценку и критику учения Рикардо [1]). В то время как Диль видит недостатки его метода в «изолирующей абстракции» и требует в этом отношении отхода от Рикардо; Маркс находит, что ошибка

---

[1]) К. Маркс. „Теории прибавочной ценности", т. II, в 2 частях. и труд Диля „Sozialwisenschaftliche Erläuterungen zu David Ricardos Grundgesezen der Volkswirtschaft und Besteurrung" появились в одном и том же 1905 г. Но нужно сказать, что труд Маркса, составляющий часть его обширных рукописей, был написан уже в 1863 г., но появился только в 1905 г. Ср. предисловие Каутского к „Теории и т. д"., т. II, ч I.

Маркс делает предметом своего исследования о Рикардо главным образом его „Начала". Диль использовал всю переписку Рикардо, которая много дала для „спасения чести" нашего мыслителя.

метода Рикардо состоит главным образом в том, что он не идет достаточно далеко в своей верной абстракции и потому сбивается на абстракцию неправильную [1]).

Мы могли бы указать еще на новейшую оценку метода Рикардо Гёригом и Беером. Гёриг говорит, что метод Рикардо можно определить негативно, как принципиально стоящий вне этики и политики [2]), в то время как Беер определяет Рикардо и его научный метод следующим образом: «среди теоретиков политической экономии мы не встретили ни одного, у кого столь же малое количество априорных положений было бы изложено менее дедуктивно или было бы более обосновано опытом и индукцией, чем у Рикардо. В его сочинениях струится поток современной ему экономической и политической жизни... Плод его наблюдений и их переработка заключается в его сочинениях, немногочисленных, но богатых по содержанию,—в сочинениях, которых хватило на то, чтобы дать духовную пищу двум поколениям англичан, французов и немцев. Они действовали как откровение, ибо они раскрывали сущность хозяйственной жизни эпохи. Некоторые считали их за вечные истины, другие стремились опровергнуть отдельные частности или извлечь новые выводы. Однако лишь десятилетиями позже проложила себе дорогу вызванная к жизни идеями эволюции и познанная теорией истина, что Рикардо об'яснил лишь одну определенную фазу истории» [3]).

По нашему мнению наиболее правильна та характеристика Рикардо, как теоретика, и его метода, которую дал Беер. Нужно только прибавить, что Рикардо был идеологическим представителем поднимающегося индустриализма в лучшем смысле этого слова. Он в своем труде не защищал, как думают Гельд и другие критики, «цинический материализм»—или «мобильный капитал», но он защищал индустриализм против землевладения, так как он был того мнения, что будущее принадлежит первому, а не последнему. В этом отношении его учение при всех его недостатках было в то время прогрессивным, в противоположность учению Мальтуса, которое защищало старые общественные связи и потому было консервативным. Как об'ективный исследователь, Рикардо имел в виду только тенденцию и условия быстрого развития производительных сил, а не интересы какой-нибудь общественной группы или класса. Поэтому ему было безразлично, «убьют ли развитие производительных сил земельную собственность или рабочего» [4]). Если его учение представляло в общем и целом интересы индустриальной буржуазии, то только потому, что, по его мнению, интересы последней совпадали с непрерывным развитием национального богатства и человеческого труда. Где это было не так, он боролся «также беспощадно против буржуазии», как прежде против земельной аристократии и рабочего класса.

---

1) К. Маркс. Теории, т. II, ч. I, стр. 166 нем. изд.
2) Fanrig. Die Begründung des Prinzips der Sozialreform, стр. 41.
3) M. Beer. Geschichte, стр. 163.
4) К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 310 нем. изд.

С этой точки зрения исторически понятна его общая позиция по отношению к пролетариату. Для Рикардо не существовало никакого рабочего вопроса. Этот вопрос в лучшем случае сводится им или к проблеме заработной платы или к проблеме бедности. Принимая без возражения закон народонаселения Мальтуса, Рикардо видит в уменьшении народонаселения лучшее средство для разрешения проблемы бедности и рабочего вопроса. Чтобы составить себе правильное понятие об отношении Рикардо к рабочему классу, мы должны дать картину тогдашнего состояния народного хозяйства и общественных отношений Англии и сжато изложить его учение. При этом следует заметить, что дело идет здесь главным образом, о решающих моментах производства и о социальных силах, которые имели определяющее значение при создании его теории.

Хозяйственная жизнь Англии переживала в то время тяжелый внутренний кризис. Во время наполеоновских войн и континентальной блокады, английское народное хозяйство быстро применилось к изменившимся условиям и процветало не хуже, чем в мирное время. Промышленность работала главным образом для военных потребностей, и промышленники клали при этом в карман немалую прибыль. Блокада препятствовала ввозу заграничного хлеба и направляла внимание класса землевладельцев на развитие зернового хозяйства, а не на производство сырья как это делалось раньше, так как хлебопашество стало более прибыльным. Так как землевладельцу теперь нечего было бояться конкуренции заграничного хлеба, то они могли поднимать хлебные цены до любого уровня. Положение рабочего класса в общем было тоже не плохим.

Эта картина изменилась с окончанием войны и со снятием блокады. Индустрия, работавшая на войну, не могла быстро приспособиться к новой кон'юнктуре и стояла чуть ли не перед крахом. Еще одно обстоятельство ухудшило отношения производства в Англии. Во время войны и континентальной блокады многое вырабатывалось про запас, в надежде выбросить выработанную массу товаров на международный рынок с большой прибылью по открытии границ. Это не удалось. Перед войной Англия господствовала на мировом рынке: она стояла вне конкуренции, так как могла доставлять более дешевые товары, благодаря сокращению издержек, обусловленному тем, что она раньше других ввела новые способы производства.

Конец наполеоновских войн совпал с двумя неблагоприятными для английской промышленности обстоятельствами. Во-первых, ослабела покупательная способность Европы после долголетних войн; во-вторых, в различных странах континента, которые раньше служили для английской промышленности рынками сбыта, возникла туземная национальная промышленность, которая захватила внутренний рынок своей страны и старалась всеми средствами вытеснить английские продукты. Вследствие этого в хозяйственной жизни Англии возник кризис. Многие фабрики должны были закрыться, и число безработных непомерно возросло.

Многие исследователи искали причин этого явления и средств борьбы с ним. Большинство, стоявшее на почве нового способа производства, видело ослабление возможности конкуренции Англии на мировом рынке в высоких ценах на хлеб, так как высокая цена на хлеб повышала заработную плату. Хотя машинный способ производства был уже высоко развит в Англии, но человеческий труд играл все еще большую роль в производстве и потому заработная плата составляла большую часть издержек производства. Но чтобы сделать английскую промышленность способной к конкуренции нужно было уменьшить издержки производства. Это уменьшение издержек производства могло быть проведено лишь за счет сокращения заработной платы. Однако, последнее было возможно лишь в случае удешевления средств существования. Землевладельцы всеми средствами боролись против понижения цены на хлеб. Так как политическая власть была издавна в руках землевладельцев, то они тем легче могли принять меры против домогательств промышленников. Если европейский хлеб после снятия блокады мог формально свободно проникать в Англию, то землевладельцам удалось воспрепятствовать ввозу хлеба проведением в парламенте так называемых «хлебных законов» и держать отечественные цены на хлеб вдвое выше, чем на континенте. Промышленники пытались бороться против вредных для них хлебных законов. Однако, они вскоре поняли, что они до тех пор не справятся с аристократией, пока не захватят в свои руки политической и законодательной власти в стране. Промышленники развили поэтому сильную агитацию за парламентскую реформу и старались привлечь рабочий класс на свою сторону в борьбе против аристократии. Их представители об'ясняли возникшую нищету рабочих и низкую заработную плату высокими ценами на хлеб. Землевладельцы со своей стороны старались влиять на рабочих и использовать их в борьбе против промышленников, говорили им, что рабочему безразлично, высока или низка цена на хлеб, так как он получает заработную плату по так называемому прожиточному минимуму, независимо от цены на продукты питания [1]). Эта упорная классовая борьба промышленной буржуазии и землевладельцев продолжалась долгое время и, наконец, как мы показали в первой главе, была решена в пользу буржуазии в силу исторической необходимости и поддержки рабочего класса. Таково было действительное положение общественных отношений и социальной борьбы в Англии, на почве которых возник знаменитый труд Рикардо.

Хотя Рикардо в своих «Началах» преследовал только теоретические цели, но этот труд был использован в качестве духовного оружия для промышленной буржуазии против аристократии и землевладельцев и, таким образом, помог победе и утверждению индустриализма. Особенно хорошо соответствовало новому способу производства учение о земель-

---

[1]) Относительно обрисованного состояния производства и социальных отношений в Англии в эпоху Рикардо, срв. Reichesberg. Entwicklung der volkswirtschaftlichen Auschauungen im Rahmen des modernen Kapitalismus, стр. 82.

ной ренте, ценности и прибыли, что и сделало бессмертным имя Рикардо в истории политической экономии.

Земельной рентой до Рикардо занимались различные экономисты, например, А. Смит, Андерсон и Мальтус. В то время, как Смит установил понятие, так называемой абсолютной ренты и всякую ренту рассматривал, как подарок природы владельцу земли и лицу ее обрабатывающему, Мальтус использовал теорию ренты Андерсона для подкрепления своего закона народонаселения, чтобы этим с одной стороны доказать, что нищета рабочих масс есть вечная естественная необходимость, с другой стороны, чтобы оправдать господство землевладельцев и полезность непродуктивных потребителей (К. Маркс. «Теории прибавочн. ценности», т. II, ч. I, стр. 305).

Учение о ренте Рикардо имеет много общего с учением Андерсона. Но Рикардо не знал, как указывает Маркс, сочинения Андерсона и придал учению о ренте совершенно новое научное значение, связав его с важнейшими проблемами политической экономии: с проблемой ценности, прибыли, заработной платы (Ср. К. Маркс. Теории приб. ценности, т. II, ч. I стр. 306, и Reichesberg. Entwicklung etc, стр. 83). Андерсон об'ясняет свою дифференциальную ренту «из относительного неплодородия» почвы, которая не приносит или приносит очень малую ренту по сравнению с почвой, приносящей ренту или большую ренту. Что же представляет из себя земельная рента по Рикардо?

«Рента,—говорит Рикардо,—это доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы» (Д. Рикардо, «Начала», стр. 34, перевод под ред. Рязанова, СПБ. 1908). Однако не всегда и не всякая земля приносит ренту. Там, где имеется достаточно хорошей земли и где на нее мало охотников, там она не приносит ренты, потому что никто не станет платить за право пользования землей, имеющейся в изобилии и свободной для каждого.

Только с развитием права частной собственности на землю и с ростом народонаселения возникает рента, ибо в это время уже не хватает достаточного количества земли одинакового плодородия, необходимой для пропитания возросшего населения. На этом основании переходят к обработке земли «худшего качества или расположенной менее удобно» (Рикардо, «Начала», стр. 36). Когда при возрастании населения принимаются за обработку земель второстепенного плодородия, немедленно возникает рента для земель первостепенного плодородия, и размер ее зависит от различия в качестве земель этих двух категорий. Когда с ростом народонаселения (а Рикардо, как и Мальтус, был того мнения, что население растет безостановочно) приходится переходить к обработке земли третьего, четвертого.....класса, то все классы (за исключением последнего, который возмещает только издержки производства) начинают приносить ренту и при том дифференциальную ренту, т.-е. избыток над ценностью продукта, полученного с земли худшего качества,—избыток, возрастающий в зависимости от плодородия почвы; этот избыток, по мнению Рикардо, благодаря постоянному росту населения, имеет естественную тенденцию все время повышаться. Согласс-

но Рикардо, рента, получаемая землевладельцем, есть несправедливый и незаслуженный доход и возникает исключительно благодаря росту населения, а не благодаря повышению ценности продуктов земли, ибо ценность и меновая ценность каждого блага, а следовательно, и произведений почвы, «определяется не наименьшим количеством труда, необходимого для их производства при очень благоприятных условиях, составляющих исключительный удел тех, кто пользуется особенными удобствами, напротив она регулируется наибольшим количеством труда, необходимо затрачиваемого на их производство теми, кто не пользуется такими удобствами, теми, кто продолжает производить при самых неблагоприятных условиях», что, как известно, не имеет места при земельной ренте.

Хотя Рикардо считается теоретиком трудовой ценности,—так как он видит источник всякого богатства в труде и об'ясняет ценность каждого продукта содержащимся в нем количеством труда, а потому отказывает землевладельцам в праве получения прибавочной ценности в форме ренты,—однако, он не делает дальнейших выводов из своей теории ценности. Логически отсюда должно было бы следовать, что прибавочный продукт, который промышленная буржуазия получает в форме прибыли или процента с капитала, проистекает из неоплаченного живого труда. Он не делает этого вывода. Наоборот, как можно усмотреть из его «Начал», он оправдывает прибыль с капитала и уделяет мало вниманиия интересам рабочего класса, ибо последние естественным образом регулируются законами заработной платы и законом народонаселения. Это явление при общей об'ективности, присущей Рикардо, об'ясняется следующими двумя основаниями. Первое состоит в том, что он рассматривает предпринимателей, как элемент, созидающий ценность: они с его точки зрения руководят промышленностью и предоставляют капитал для производства, чем увеличивают и развивают богатство и благосостояние народа данной страны. Второе основание состоит в том, что Рикардо, как уже упомянуто, исследует главным образом об'ективные возможности прогресса производства. Он думает способствовать этому последнему, выдвигая интересы индустрии в противовес интересам землевладения. Хотя он и отмечает противоположность между заработной платой и прибылью с капитала, тем не менее он не видит классового противоречия между капиталистами и рабочими, ибо он не рассматривает их, как противников. Он констатирует острый антагонизм между интересами промышленников и землевладельцев. И так как Рикардо отожествлял интересы капиталистов с интересами всей страны в целом, то он и усматривает особенно острое противоречие между классом землевладельцев и всеми остальными частями населения. Говоря словами Рикардо, «интересы землевладельцев всегда противоположны интересам потребителей и фабрикантов» (Рикардо. «Начала», стр. 226).

Так как землевладельцы не создают никакого нового богатства и присваивают себе в форме повышающейся ренты все более и более увеличивающуюся часть национального дохода, то производителям, созидающим ценность, остается для распределения между собой лишь малая

часть общественного дохода. Эта последняя распределяется между предпринимателями и рабочими в форме прибыли и заработной платы. Рикардо повторяет постоянно: чем выше заработная плата, которая должна все время повышаться, благодаря вздорожанию средств существования, тем ниже предпринимательская прибыль, и наоборот. Однако, он нигде не выступает в пользу прибыли за счет низкой заработной платы. Наоборот, он думает, что прибыль никогда не может подняться так высоко, «что остатка не хватило бы для снабжения рабочих предметами абсолютной необходимости» (Рикардо. «Начала», стр. 67). Более того, в некоторых случаях он считает даже возможной заработную плату, которая поднимается выше уровня необходимых средств существования.

Рикардо рассматривает живую рабочую силу, как товар, цена которого сообразно этому определяется так же, как и цены «всех других вещей, которые продаются и покупаются и количество которых может быть увеличиваемо и уменьшаемо». Как всякий другой товар, который выносится на рынок для продажи, рабочая сила имеет естественную и рыночную цену. Естественная цена рабочей силы образуется так же, как цена всех продуктов. Естественная цена товара определяется количеством труда, необходимого для его производства, а «естественной ценой труда [1]) является та, которая необходима, чтобы рабочие имели средства к существованию и к продолжению своего рода, без увеличения или уменьшения их числа» (Рикардо. «Начала», стр. 52). Другими словами, естественная заработная плата равняется тому необходимому минимуму средств существования, который каждый рабочий должен получить, чтобы иметь возможность содержать себя и свою семью. Ибо при более низком уровне естественной заработной платы было бы невозможно сохранить рабочий класс в той численности, которая необходима для народного хозяйства, так как он должен был бы быстро сокращаться вследствие лишения минимальных средств существования. Под естественной ценой труда Рикардо понимает реальную заработную плату, «вещественную заработную плату», т.-е. «количество пищи, предметов необходимости и комфорта» (Рикардо. «Начала», стр. 52), которые требуются для содержания рабочей семьи. Эта реальная заработная плата не является по Рикардо постоянной, строго определенной величиной, но меняется сообразно месту, времени и социальному прогрессу общества. «Она изменяется в разные времена в одной и той же стране и очень существенно различается в различных странах. Она, главным образом, зависит от нравов и обычаев народа» (Рикардо. «Начала», стр. 54). Многие из вновь возникших потребностей и претензий рабочего класса, которые в эпоху Рикардо стали неотъемлемыми условиями жизни английского пролетариата, «считались бы,—думает Рикардо,—роскошью в более ранний период нашей истории» (Рикардо. «Начала», стр. 55). Однако естественная заработная плата не всегда

[1]) Рикардо не различал рабочей силы от труда, в силу этого он и писал о ценности труда, тогда как Маркс учил, что „труд есть субстанция и имманентная мера ценности, но сам ценности не имеет". („Капитал", т. I, ч. XVII).

соответствует фактическому вознаграждению за проданную рабочую силу. Заработная плата подвержена колебаниям, зависящим от рынка, которые определяют ее величину и ее покупательную силу. Рикардо считает однако естественную цену труда, так сказать, идеальным уровнем заработной платы, «железным» законом заработной платы, вокруг которого колеблется рыночная цена труда.

Действительная заработная плата, которую рабочий получает фактически, определяется рыночной ценой труда.

Последняя определяется «естественным влиянием отношения спроса к предложению» на рынке труда. Рыночная цена труда регулируется, как и цена всякого другого товара, и подвержена тем же отклонениям, как и цены всех других поступающих на рынок продуктов. Если предложение труда велико, то рыночная цена его падает; она дорожает, когда предложение труда понижается.

Таким образом, мы видим, что Рикардо наравне с Мальтусом приписывает очень важное и даже решающее значение предложению труда при определении заработной платы. Когда предложение труда не превышает спроса, то рыночная цена труда повышается выше естественной платы и «рабочий достигает цветущего и счастливого положения, он располагает большим количеством предметов необходимости и житейского комфорта и может, поэтому, вскормить здоровое и многочисленное потомство» (Рикардо. «Начала», стр. 53). Благодаря этому повышению заработной платы в рабочем классе более или менее продолжительное время царит достаток. Рикардо, однако, не рассматривает подобное благосостояние, как неизменное, ибо в такие периоды население быстро возрастает, и, рано или поздно, это возрастание начинает давить на предложение труда и действует неизбежно в сторону уменьшения рыночной цены труда. Заработная плата опускается тогда до своего естественного уровня, а часто и ниже последнего. Положение рабочего класса в подобную эпоху «в значительной степени ухудшается: бедность лишает их тогда тех предметов житейского удобства, которые привычка делает абсолютно необходимыми» (Рикардо. «Начала», стр. 53). Только при наступлении равновесия между предложением и спросом на труд, которое возникает благодаря уменьшению числа рабочих рук или благодаря увеличению капитала, может снова улучшиться положение пролетариата, при чем рыночная заработная плата начинает постепенно приближаться к естественной цене труда. Только тогда «рабочий будет пользоваться умеренным комфортом, который доставляет ему естественная норма заработной плалты» (Рикардо. «Начала», стр. 53). Если мы, таким образом, примем во внимание исключительно влияние предложения труда на уровень заработной платы и отвлечемся от всех других причин, влияющих на размер цены труда, то мы сможем по Рикардо охватить естественные свойства рыночной цены труда следующей формулой. Она стремится естественно к своему центру тяжести, к естественной заработной плате, если она удаляется от него, повышаясь или падая, благодаря увеличению или уменьшению населения, то подобное отклонение должно рассматриваться, как преходящее, ибо эти колебания сами из себя порождают естественные силы,

их устраняющие и восстанавливающие после определенного промежутка времени прежнее равновесие между предложением и спросом на труд». «В силу закона народонаселения,—говорит Рикардо,—и возрастания рода человеческого, заработная плата самого низшего разряда никогда не может долго держаться значительно выше уровня, который диктуется для содержания рабочего как природой, так и обычаем» (Рикардо. «Начала», стр. 99).

Как же влияет спрос на труд на уровень заработной платы, и, что понимает Рикардо под спросом на труд?

Под спросом на труд Рикардо понимает иногда фонд заработной платы. «Если бы фонды на содержание труда удвоились, утроились или учетверились, то было бы нетрудно найти требуемое количество рук, которые могли бы быть использованы с помощью этих фондов» (Рикардо. «Начала», стр. 191). Это, однако, думает Рикардо, не всегда может наступить, так как «благодаря возрастающей трудности постоянно увеличивать количество пищевых продуктов в стране, фонды, имеющие ту же стоимость, вероятно уже не будут достаточны для содержания того же количества труда» (Рикардо. «Начала», стр. 191). Если бы была возможность «постоянно и легко» увеличивать фонд заработной платы, то независимо от состояния накопления капиталов мы не имели бы продолжительных колебаний заработной платы или прибыли. Хотя Рикардо высказывается, таким образом, о значении фонда заработной платы для спроса на труд и уровня заработной платы, однако, его никоим образом нельзя рассматривать, как представителя теории фонда заработной платы. Согласно Рикардо, в общем и целом спрос на труд и величина заработной платы в каждый данный период времени зависят от имеющегося на лицо капитала который дает возможность с успехом вести далее народное хозяйство [1]). С каждым увеличением капитала увеличивается также спрос на труд, более того, капитал и спрос находятся в отношениях прямой пропорциональности.

Рикардо различает два вида увеличения капитала и соответственно этому—двоякого рода влияния на уровень реальной заработной платы, хотя в одних случаях спрос на труд и рыночная цена труда повышаются [2]).

1. Количество капитала и его меновая ценность увеличивается одновременно. В подобные периоды хозяйственной жизни естественная заработная плата также поднимается; однако, положение рабочего класса в общем не очень улучшается, ибо с ростом меновой ценности всех продуктов повышаются равным образом цены на средства существования и цены всех остальных средств потребления, необходимых рабочему, что должно «поглотить значительную часть заработной платы, хотя бы она была выше прежней». В этих условиях, полагает Рикардо, достаточно небольшого прироста населения, т. е. незначительного уве-

[1]) Под капиталом Рикардо понимает „ту часть богатства страны, которая употребляется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и проч., необходимых, чтобы труд мог произвести свое действие“ (Рикардо. „Начала“, стр. 53).

[2]) Ср. Diehl. „Sozialwissenschaftliche Erläuterungen“, т. I, ч. 2, стр. 8—9.

личения предложения труда, чтобы уравнять рыночную цену труда с естественной заработной платой.

Если, следовательно, возрастает меновая ценность капитала, то рабочий класс получает от этого ту выгоду, что его сочлены легче находят себе заработок. Однако, их материальное положение, как это видно из вышеприведенных оснований, не должно безусловно улучшиться [1]).

2. Количество капитала увеличивается в то время, как его меновая ценность возрастает или падает. Так как количество капитала увеличивается, при чем его меновая ценность остается той же самой или сокращается, другими словами, так как для создания увеличенного капитала требуются равные или меньшие количества труда, то естественно заработная плата останется неизменной или упадет. При увеличении капитала, происходящем таким образом, вновь установившийся уровень заработной платы не ухудшает положение рабочего класса. Наоборот, оно складывается много лучше, чем в первом случае увеличения капитала, ибо, вследствие уменьшения издержек производства, средств существования и других продуктов, рабочие получают возможность потреблять меньшую часть заработной платы. Только слишком большое увеличение населения, т. е. быстрый рост предложения труда может в этом случае ухудшить положение рабочих, выравнивая разницу между рыночной ценой труда и естественной его ценою.

Мы видим, таким образом, что Рикардо придерживался того взгляда, что всякое увеличение капитала идет на пользу пролетариату, так как оно приносит с собой повышение заработной платы. Влечет ли за собой это повышение заработной платы фактически значительное улучшение положения рабочих, это по существу зависит от движения народонаселения и от числа имеющихся на рынке рабочих рук. Но так как по Рикардо каждое увеличение капитала, обусловленное законом народонаселения, дает толчок к увеличению народонаселения и тем самым создает повышенную конкуренцию среди рабочих, то заработная плата должна спускаться до своего естественного и часто до самого низкого уровня.

Временное исключение из этого общего правила образования заработной платы при быстром росте капитала может по Рикардо иметь место лишь тогда и там, где при редком населении имеется избыток годной для обработки плодородной земли. В эти периоды накопление капитала происходит гораздо быстрее, чем прирост рабочей силы. Поэтому заработная плата имела бы в этом случае тенденцию подниматься в течение продолжительного времени, так как спрос на труд идет здесь впереди предложения.

---

[1]) Здесь уместно поставить вопрос, кто получает вновь созданную прибавочную ценность при накоплении капитала и при расширяющемся производстве, если она, как это признает сам Рикардо, не достается рабочим. Однако, ответ на этот вопрос лежит вне нашей темы, и рассмотрение его завлекло бы нас слишком далеко. По Рикардо, большую часть этого неоплаченного труда присваивают себе землевладельцы. Предпринимательскую прибыль, как это было упомянуто, он рассматривает совсем с другой точки зрения.

Однако, в силу естественного развития капиталистического общества это исключительное состояние рано или поздно должно окончиться, ибо причина, породившая повышенный спрос на труд, должна постепенно слабеть по мере того, как с ростом населения и с вытекающим отсюда повышенным спросом на средства питания возникает необходимость переходить к обработке участков земли худшего качества или затрачивать больше капитала и труда на старые участки при падающей производительности последующих затрат.

Так как в то же время увеличение рабочего населения совершается быстрее, чем рост капитала, необходимого для того, чтобы дать занятие этому населению, то отсюда следует, что заработная плата, поскольку она обусловливается спросом и предложением, обнаруживает в капиталистическом обществе тенденцию к понижению (Рикардо. «Начала», стр. 57).

Высота заработной платы и общее положение пролетариата по Рикардо определяются ценою тех благ, на которые расходуется заработная плата. Но так как при растущей культуре и при росте населения цены на средства существования возрастают, то соответственно этому поднимается и денежная заработная плата рабочего, ибо иначе он будет лишен необходимых средств к жизни. Заработная плата, однако, не поднимается никогда столь высоко, чтобы дать рабочему возможность вести то же существование, что и до повышения цен на продовольствие, ибо при новых условиях рабочие получают от предпринимателя уменьшенную «хлебную заработную плату», хотя последний и платит ему повышенную денежную плату. Поскольку, следовательно, рабочие зависят от цен на средства существования, их положение в данном случае складывается неблагоприятно. Рикардо говорит об этом следующее: «если раньше его (рабочего) заработная плата составляла 24 фунта стерлингов в год, или 6 квартеров пшеницы при цене квартера в 4 фунта стерл., то он, вероятно, будет получать только стоимость 5 квартеров, тогда как цена квартера хлеба поднимается до 5 фун. за квартер. Но 5 кв. будут стоить 25 ф. с. Следовательно, он получит прибавку к своей денежной заработной плате, хотя и с этой прибавкой ему нельзя будет иметь столько же хлеба и других товаров, сколько он и его семья потребляли прежде» (Рикардо. «Начала», стр. 58).

Кто же получает выгоду из вновь создавшейся ситуации. По Рикардо, это, очевидно, не рабочие, ибо они получают благодаря вздорожанию средств существования пониженную реальную заработную плату. Это, очевидно, также и не предприниматели, ибо они вынуждаются платить рабочему повышенную денежную плату, не имея при этом возможности,—как это следует из учения Рикардо об образовании прибыли и цен,—компенсировать себя повышением цен на товары. Единственно кто извлекает выгоду из вздорожания средств существования,—это землевладелец. Даже, если не принимать во внимание теории заработной платы Рикардо, здесь становится понятно, почему он рассматривал интересы землевладения, как препятствие к развитию богатства и благосостояния народа, ибо непрерывное повышение ренты действует, с одной стороны, как фактор ухудшающий положение рабочего

класса, с другой же стороны,—как фактор улучшающий положение землевладельцев [1]).

Однако, вредное влияние постоянного повышения ренты с прогрессом буржуазного общества парализуется: ибо так как цена мануфактурных товаров постоянно падает, а сырых произведений столь же постоянно повышается, то в конце концов создается такое несоответствие между относительной стоимостью этих различных товаров, что в богатых странах рабочий, пожертвовав лишь небольшим количеством своей пищи, может с избытком покрыть все прочие нужды (Рикардо. «Начала», стр. 55).

На основании этого наблюдения и тех естественных законов, которые определяют заработную плату, Рикардо приходил к выводу, что «подобно всем другим договорам, заработная плата должна быть предоставлена нормальной и свободной рыночной конкуренции и никогда не должна контролироваться вмешательством законодательного учреждения» (Рикардо. «Начала», стр. 60—61). Что при этой системе господствует большая нищета, этого Рикардо не отрицает, он полагает лишь, что последняя будет постепенно уменьшаться с развитием всех экономических сил и, наконец, исчезнет вовсе. Если этого не случится, то и государство в этом отношении немногого сможет достигнуть, ибо Рикардо думает, что в каждом обществе существуют такие бедствия, которым нельзя помочь путем законодательства. Если же по каким бы то ни было основаниям желательно сделать попытку устранения законодательным путем этих бедствий, то нужно наперед наметить границы законодательного вмешательства, чтобы не причинить обществу еще большего зла. Как на пример подобных неудачных предприятий, Рикардо указывает на законодательство о бедных, вообще, и на прибавки к заработной плате из общественных средств, в частности.

Законодательство о бедных, по мнению Рикардо, поощряет косвенным образом непредусмотрительность и легкомыслие рабочих в отношении вступления в брак и рождения детей, увеличивает предложение труда и становится тем самым источником нищеты рабочего класса.

Прибавки к заработной плате точно также, по мнению Рикардо, влияют в неблагоприятном смысле на положение рабочего класса. Они ведут исключительно к повышению цен на средства существования и к обогащению землевладельцев за счет предпринимателей.

---

[1]) „. . . . . Между ростом ренты и ростом заработной платы есть существенная разница. Повышение денежной стоимости ренты сопровождается увеличением ее доли в продукте; не только денежная рента землевладельца, но становится больше и его хлебная рента; он получает больше хлеба, и каждая единица меры этого хлеба будет обмениваться на большее количество всех других товаров, стоимость которых не повысилась. Судьба рабочего будет менее счастливой; правда, он будет получать большую денежную плату, но его хлебная плата сократится. Но он не только сможет распоряжаться теперь меньшим количеством хлеба, ухудшится также и его общее положение, потому что ему труднее будет поддерживать рыночную норму заработной платы выше ее естественной нормы". (Рикардо. „Начала", стр. 58).

Заработная плата может лишь в том случае подняться над естественным уровнем, когда она возрастает естественным образом, т. е. когда «увеличение богатства и капитала увеличивает спрос на труд», или когда уменьшается предложение труда. Но так как увеличение населения в культурных государствах, как сказано выше, совершается быстрее, чем возрастание капитала, то возможность повышения заработной платы лежит, главным образом, в руках самих рабочих. «Нужно постоянно подчеркивать, писал некогда Рикардо Мальтусу, что самое действительное средство против недостаточности заработной платы лежит в руках самих рабочих» (Цитировано по Дилю: Diehl. «Sozialwissenschaftliche Erläuterungen», т. III, ч. 2, стр. 14). Для того, чтобы рабочий мог удержать заработную плату на достигнутом уровне, в нем нужно воспитывать повышенные требования к жизни и призывать к предусмотрительности в отношении брака и рождения детей. Все прочие мероприятия, стремящиеся поднять заработную плату, по мнению Рикардо, не достигают цели. «Друзья человечества, говорит Рикардо, могут только желать, чтобы во всех странах рабочие классы развивали в себе потребность к комфорту и развлечениям и были поощряемы в своих усилиях добиться их всеми законными средствами. Трудно найти лучшую гарантию против перенаселения. В тех странах, где рабочие классы имеют самые малые нужды и довольствуются самой дешевой пищей, население подвержено величайшим превратностям и нищете» (Рикардо. «Начала», стр. 57).

Рикардо был глубоко убежден, что заработная плата, которая поднимается при увеличении требований, пред'являемых рабочими к жизни, и при введении действительно хорошей и либеральной системы, не только будет достаточной для удовлетворения материальных и культурных потребностей, но и позволит рабочему делать маленькие сбережения, которые послужат ему помощью во время нужды (Diehl, ibid., стр. 4. Письмо Рикардо Троуэру).

Этой вере в благодетельное значение экономической свободы и индивидуальной самопомощи рабочих следует приписать то обстоятельство, что Рикардо в своем главном труде совершенно не рассматривает вопроса о свободе коалиций и о рабочих коалициях. Нужно еще отметить, что он в этом вопросе, как многие другие выдающиеся люди, находился под влиянием реальных потребностей новой формы производства и господствующих идей данной эпохи, содержание которых заключалось в освобождении от всякой экономической опеки и всяких стеснений. Однако, под влиянием все более развертывающейся пролетарской классовой борьбы и в виду того факта, что законы о коалициях времени Рикардо приводили к обратным результатам, он в своих письмах и в парламенте выступал в защиту свободы союзов. Так, 4-го декабря 1820 года он пишет о свободе коалиций в письме к Мак-Куллоху: «Я никогда не уделял особенного внимания законам о коалициях. По тому немногому, что я о них знаю, они мне кажутся несправедливыми и жестокими по отношению к рабочему классу и приносящими мало действительной пользы работодателям. Вопреки этим законам, многие работодатели часто бывают запуганы и вынуждены подчиниться несправедливым

требованиям их рабочих. Правильное отношение к коалициям—это полная свобода для обеих сторон и надлежащая защита против насилия и эксцессов. Заработная плата должна быть результатом свободного соглашения и договаривающиеся стороны должны быть защищены законом от насилия с той и с другой стороны» (Diehl, ibid, т. III, ч. II, стр. 22).

В качестве члена парламента он развил сильную агитацию в пользу отмены закона против коалиций. Когда радикал Джозеф Юм внес предложение об уничтожении запрета коалиций—Рикардо голосовал за это предложение.

Из вышецитированного письма не видно, признавал ли Рикардо право стачек. Это признание явилось бы лишь правильным выводом из его взглядов на право союзов. В самом деле, его ученик Мак-Куллох выступил в пользу права стачек для рабочих.

Переходя к вопросу о безработице нужно отметить, что Рикардо специально не занимается им в своих «Началах». Только на основании разбросанных в разных местах замечаний, относительно безработицы и в особенности относительно кризисов и перепроизводства, возможно установить его взгляд на этот вопрос. В оценке причин безработицы он, несомненно, проявляет оптимизм. Это стоит в тесной связи с его теориями. Он полагает при «хорошей системе» причины безработицы постепенно исчезнут. Эта оптимистическая оценка станет еще более понятной, если мы примем во внимание экономические условия его времени. Они не давали возможности Рикардо понять безработицу и вытекающую из нее резервную армию как постоянное явление и как логическое следствие индивидуалистической формы производства. Правда, он видит, что капиталистическая система время от времени создает «неудобства для известных отраслей народного хозяйства и безработицу среди соответствующих категорий рабочих». Однако, эти нарушения носят временный характер, ибо предприниматели сами заинтересованы в том, чтобы их исправить и приспособить к новым условиям. В этом смысле следует толковать одно место из 19-ой главы «Начал», где Рикардо говорит следующее: «Всякая большая страна с развитой промышленностью особенно подвергается временным затруднениям и осложнениям, вызываемым переходом капитала из одного занятия в другое» (Рикардо. «Начала», стр. 174). В то время как спрос на земледельческие продукты обусловлен необходимостью и «во всякое время и повсюду» однообразен, в случае промышленных товаров приходится считаться с меняющимися потребностями. По этому поводу Рикардо говорит «спрос на различные мануфактурные товары находится в зависимости не только от нужд, но и от вкусов и капризов покупателей» (Рикардо. «Начала», стр. 174, срав. также Диль. Ibid, т. III, ч. II, стр. 417) В отдельных случаях предприниматели могут ошибиться относительно вкусов покупателей или могут просчитаться и выбросить на рынок слишком много продуктов известной категории, которые останутся непроданными. Отсюда может возникнуть частичное перепроизводство и вытекающая из него безработица. Это не может, однако,

иметь место одновременно во всех отраслях народного хозяйства, ибо «продукты всегда покупаются только за продукты или за услуги» [1]). Согласно этому рано или поздно должна наступить гармония между спросом и предложением и снова должна открыться достаточная возможность приложения труда.

Мы видим, таким образом, что Рикардо в общем отрицает перепроизводство как причину безработицы. Он думает напротив, что каждый капитал может быть вложен в производство и что спрос обусловливается исключительно производством всего народного хозяйства в целом.

Вред, происходящий от временного частичного перепроизводства, Рикардо видит, главным образом, в том, что в соответствующие периоды остается без применения значительная часть основного капитала, который, таким образом, часто совершенно пропадает. Это обстоятельство может значительно увеличить безработицу и нужду рабочих. Действие подобных потрясений торгового оборота гораздо сильнее сказывается в богатых странах с большим количеством основного капитала, чем в странах бедных, где, сравнительно, больше оборотного капитала. В первом случае пролетариат будет испытывать гораздо большую временную нужду, чем во втором случае. Однако, по Рикардо, богатый народ должен терпеливо переносить подобное зло ибо «жаловаться на него было бы также резонно, как если бы богатый купец горевал, что его корабль подвергается всем опасностям на море, тогда как лачуга его бедного соседа вполне безопасна от таких случайностей» (Рикардо. «Начала», стр. 176—177).

Сокращение возможности применения труда Рикардо преимущественно усматривает там, где уменьшается накопление капиталов и соответственно уменьшается фонд заработной платы. Уменьшение капитала или фонда заработной платы может проистекать из экономических и из государственно-политических причин. Когда уровень заработной платы повышается, благодаря повышению цен на средства существования, то это приводит неизбежно к уменьшению прибыли и, следовательно, к сокращению накопления капитала. Это должно повлечь за собой безработицу тем более, что предприниматели не будут иметь мотивов к помещению капиталов в производстве, ибо по Рикардо они не в состоянии повысить цены продуктов, чтобы покрыть увеличившиеся издержки производства.

В качестве средства для борьбы с этой причиной уменьшения капиталов и безработицей, Рикардо рекомендует государственные мероприятия, направленные к уменьшению цен туземного хлеба или к развитию ввоза хлеба, равно как полную свободу торговли (Рикардо. «Начала», стр. 212—213).

Что касается тех причин уменьшения капиталов и уменьшения возможностей приложения труда, которые могут возникнуть в силу законодательных политических мероприятий, то сюда относятся, главным

[1]) Рикардо. „Начала“, стр. 193, в этом отношении Рикардо целиком опирается на учение Ж. Б. Сэя.

образом, всевозможные таможенные мероприятия, войны и в особенности всякого рода обложение капитала и заработной платы. Все падающие на капитал налоги, утверждает Рикардо, «касаются фондов, назначенных на содержание труда и, следовательно, уменьшают будущее производство страны», вызывая безработицу. Точно так же, по мнению Рикардо, обложение заработной платы косвенно способствовало бы безработице, ибо этот налог в последнем счете падает на капитал, так как предприниматель должен был бы, путем соответствующего повышения заработной платы, компенсировать налоги, дабы рабочие могли бы продолжать обычный образ жизни.

Опираясь на учение о народонаселении Мальтуса, Рикардо усматривал длительную причину безработицы и нищеты пролетариата в перенаселении. В передовых культурных государствах, по мнению Рикардо, имеется, как правило, больше рабочих рук, чем это нужно для производства. Редко случается, по его мнению, чтобы предложение труда находилось в одинаковом отношении к спросу, ибо с каждым приростом капитала и средств содержания труда, возрастает и предложение труда и при том возрастает в большей степени, чем капитал. «В действительности часто случается, что когда размножению населения дан толчок, действие последнего окажется сильнее, чем это можно было ожидать при условиях данного случая; население может возрасти и обыкновенно возрастает настолько, что несмотря на увеличение спроса на труд, будет по отношению к фондам, предназначенным для содержания рабочих, пропорционально больше, чем до увеличения капитала» (Рикардо. «Начала», стр. 102).

До тех пор пока рабочие не проявляют никакой предусмотрительности при вступлении в брак и при деторождении, на рынке постоянно будет иметься избыток рабочих рук, что вызывает конкуренцию среди рабочих, заставляет падать заработную плату занятых рабочих и тем самым порождать нищету среди пролетариата.

Елизаветинское законодательство о бедных и уже упоминавшуюся систему прибавок к заработной плате Рикардо также рассматривало как существенную причину увеличения нищеты среди рабочих, ибо это законодательство косвенно способствовало росту населения.

В устранении этого законодательства и в самопомощи со стороны рабочих Рикардо думал найти средство к улучшению положения пролетариата. «Довольство и благосостояние бедных не могут быть обеспечены надолго, если вследствие их собственных стараний или некоторых усилий со стороны законодательства, не будет урегулировано увеличение их численности и если не будет уменьшено среди них число ранних и непредусмотрительных браков—это составляет истину, не допускающую сомнения» (Рикардо. «Начала», стр. 61).

Из вышеприведенного места ясно, что Рикардо в вопросе об ограничении ранних браков не останавливается перед тем, чтобы отказаться от своего принципа индивидуальной свободы и апеллировать к государственному вмешательству, если рабочие в деле воздержания не захотят следовать поучениям и собственному разуму.

Усматривая в движении народонаселения главный регулятор рынка труда и в собственной вине рабочего главное основание неблагоприятного положения пролетариата, Рикардо, как и следовало ожидать, отказывает безработному в праве на труд или на поддержку, так как это право вызывает серьезные затруднения для общества и для производства. Так он пишет Троуэру: «Пагубные следствия вытекают из идеи, которая выражена в законах о бедных, а именно что бедные имеют право на пособие... Великой задачей должно стать внушение рабочим классам, что они сами должны заботиться о случайностях, коим они подвержены благодаря временным колебаниям в спросе на определенные мануфактурные товары и что эти случайности не могут быть предметом законодательства» (цитир. по Diehl, ibid, т. III, ч. II, стр. 14).

Это убеждение, что рабочие только путем самопомощи и опираясь на собственные силы должны содержать себя во времена кризиса и безработицы, привело Рикардо к выводу, что на государство не ложится обязанность оказывать поддержку безработным. Как мы уже видели, самопомощь по Рикардо должна состоять с одной стороны, в отказе от ранних и необдуманных браков и деторождений, а с другой стороны—в сбережении.

Он сам не мало способствовал популяризации идеи рабочих сберегательных касс.

Относительно сберегательных касс и недоверия рабочих к ним он пишет Троуэру следующее: «Мы основали по соседству сберегательную кассу, в организации которой я принимал деятельное участие. Я был единственным, кому практически были знакомы подобные учреждения и потому мои заслуги были оценены выше, чем следовало. Мы платим ½ пенса за 13 шиллингов в месяц. За шесть недель мы получили 1100 фунтов стерлингов, что можно рассматривать как хороший результат, но мы понимаем, что среди рабочих против нас существует упорный предрассудок. Они приписывают нам недобрые намерения, как будто мы хотим удерживать заработную плату на низком уровне. Время и добрая воля превозмогут это чувство и люди полные предрассудков убедятся, что богатые не имеют другой личной цели, кроме заинтересованности в хорошем правительстве и общем благосостоянии, которая есть у каждого человека. Успех этих банков был бы громадным, если бы были уничтожены колоссальные злоупотребления законами о бедных [1]).

В вопросе о введении машин и о влиянии их на положение рабочих Рикардо проделал интересную эволюцию. В первых изданиях своего главного труда он лишь бегло говорит в различных главах о машинном производстве Только в третьем издании он занимается детально этой проблемой. Как об'ективный мыслитель и человек любящий истину он не страшится признаться, что он ошибся ранее в оценке значения машинного производства для рабочего класса. Он был того мнения, что пролетариат от введения машин извлечет пользу, подобно дру-

[1]) Цитир. по Дилю „Sozialwissennschaftliche Erläuterungen“ т. III ч. II стр. 21—22.

ким классам общества. Первоначально он не думал, что следствием его может явиться уменьшение заработной платы и сокращение возможности применения труда. Наоборот, он полагал, что рабочие, как потребители, выиграют от распространения машин, так как сократившиеся издержки производства удешевят все товары. Впоследствии же он пришел к убеждению, что если эта выгода и остается в силе для рабочего класса, то, с другой стороны, введение машин в производстве может нанести вред пролетариату, так как валовой и чистый доход страны не возрастают одновременно. В то время как «один фонд, из которого извлекают свой доход землевладельцы и капиталисты, может возрастать... другой—от которого, главным образом, зависит рабочий класс—может уменьшаться. Отсюда следует, если я не ошибаюсь, что та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны, может в то же время вызвать избыток населения и ухудшить положение рабочего» (Рикардо. «Начала», стр. 265).

Несмотря на то, что распространение машин сокращает число занятых в производстве рабочих рук, Рикардо отнюдь не выступает в качестве противника методов экономии труда, полагая что «употребление машин не может быть задержано в государстве без ущерба для него» (Рикардо. «Начала», стр. 272). Он понимал, что для полного развития производительных сил и социального прогресса, равно как для того чтобы сделать английскую индустрию способной к конкуренции на мировом рынке, необходимо распространение машин. Исходя из этого он совершенно не обращал внимания на то, что введение машин может повлечь гибель известных категорий рабочего класса или буржуазии. Запрещение вводить машины,—думал Рикардо,—могло бы стать причиной бегства капитала за границу, что совершенно уничтожило бы спрос на труд, тогда как «при затрате части капитала на механические улучшения» внутри страны, мы имели бы только «уменьшение в возрастании спроса на труд» (Рикардо. «Начала», стр. 272).

Конечно, Рикардо мог бы предложить известные социально-политические мероприятия для борьбы с теми вредными последствиями, которые возникают для рабочего класса вследствие введения машин. Однако, это стояло бы в противоречии с его общими взглядами на задачи государства в экономической жизни и в особенности со всей его теоретической системой. Поэтому мы находим у Рикардо во всей его богатой частной переписке, равно как и в его «Началах» поистине очень мало относящегося к социально-политическим мероприятиям в пользу рабочих. Он не исследует, какое влияние могло бы оказать на рынок труда и на уменьшение нищеты пролетариата сокращение рабочего дня, ограничение женского и детского труда. Для Рикардо, как сказано выше, на первом месте стояли возможности развития производства. Ни частные интересы буржуазии, ни интересы пролетариата, не играли роли в построении его системы. Он хотя и признавал, что рабочий класс его эпохи находится в плачевном материальном и моральном положении, но он думал, что рабочие для улучшения условий жизни должны обратиться к самопомощи, которая состоит, главным образом, в уменьшении числа ранних браков и деторождения. Это, по его мнению, будет

достигнуто тем скорее, чем скорее и основательней рабочим будет привито стремление к лучшим условиям существования и жизненным удобствам. Этим об'ясняется парламентская и практическая деятельность Рикардо в области социальной гигиены? Таково отношение Рикардо к рабочему вопросу. Он не рассматривает его как социальную проблему и поэтому он уделяет мало внимания рабочим, как классу. Их интересы, по его мнению, не противоречат интересам буржуазии, а интересы буржуазии совпадают с интересами всей страны. И тем не менее учение Рикардо косвенно дало очень много в смысле выяснения классовых позиций и классовой борьбы в Англии и в других странах. Раскрыв классовое противоречие между землевладением и промышленной буржуазией, противоречие между прибылью и заработной платой и сделав количество затраченного на производство труда основой меновой ценности, он дал теоретикам, защищавшим дело пролетариата, оружие для борьбы с капиталистическим порядком, противоречия которого Рикардо вскрыл, сам того не желая.

ГЛАВА V.

Ж. Б. СЭЙ.

Ж. Б. Сэй известен в истории политической экономии, как популяризатор и комментатор учения А. Смита. Популяризируя и систематизируя экономические теории великого шотландца, Сэй много способствовал распространению и пониманию этого учения на континенте. В этом состоит главное значение Сэя в истории политической экономии, хотя он, с одной стороны, разводнил учение Смита, с другой, довел его до крайних выводов.

В то время, как Смит пытался правильно разрешить проблему ценности, признавая об'ективным мерилом меновой ценности количество труда, содержащееся в продукте, и не приписывал суб'ективной ценности никакой решающей роли в процессе обмена, Сэй сводит эту большую проблему к потребительной ценности. «Ценность, приписываемая вещам,—говорит Сэй,—имеет свое последнее основание в том употреблении, которое человек может им дать» [1]).

В то время, как мы у Смита видим доброжелательное отношение к рабочим, которое, между прочим, вытекает из его теории ценности, у Сэя мы этого не найдем. Он в своих исследованиях в противоположность Смиту не обращает внимания на человеческий труд, который Смит особенно подчеркивает и выделяет как фактор производства. Сэй рассматривает труд, капитал и силы природы, как равнозначущие элементы процесса производства.

Одинаковая оценка роли труда действительного создателя богатства и других двух элементов процесса производства, обусловливает, с одной стороны, необоснованный оптимизм Сэя относительно положения рабочего класса в капиталистической системе хозяйства и, с другой стороны, взгляд его на интересы пролетариата исключительно с точки зрения их соответствия целям промышленного прогресса. Сэй полагает, что при окончательном уничтожении всех ограничений для труда и капитала и при хорошем правительстве трудолюбивый рабочий всегда заработает необходимое для своего существования. Недостаточность заработной платы того времени в Англии он приписывал отсутствию свободы в английском хозяйстве, вообще, и, в частности, существовавшему там институту вспомоществования бедным. Все, что ограничивает возмож-

[1]) Say. «Traité d'Economie politique» т. I стр. 83—84 цит. по немецкому изданию 1830 г. В „Catechisme d'Economie politique. Сэй говорит следующее: «ценность вещи определяются не издержками производства, а полезностью».

ность развития производства и интересы предпринимателей, уменьшает, по его мнению, и доход рабочего класса.

Поэтому Сэй, в противоположность Смиту, восхваляет предпринимателя, в котором он видит носителя нового экономического порядка. Предприниматель поставлен им в центре его теории распределения, которая стала классической в политической экономии. «Самое значительное влияние на распределение благ,—говорит Сэй,—оказывает деятельность того или другого промышленника-предпринимателя. В одной и той же отрасли индустрии один предприниматель, обладающий силой суждения, энергией, любовью к порядку и знаниями, накопляет себе состояние в то время, как другой предприниматель, не обладающий этими качествами или наталкивающийся на слишком большие затруднения, разоряется».

Случай или хороший расчет дельного предпринимателя являются, по Сэю, главными причинами, увеличивающими богатство и состояние общества.

Рабочий класс, создающий своим трудом прибавочную ценность, которую реализуют и накапливают предприниматели, получает при этом лишь второстепенное значение. Этим об'ясняется, почему Сэй отводит рабочему классу лишь подчиненное место в распределении общественных благ, и ставит его положение в зависимость от процветания или упадка благополучия, предпринимателя. Чем больше в данной стране дельных предпринимателей, чем больше накопленный ими капитал, тем лучше складывается положение рабочего класса.

Рабочий класс, по Сэю, не менее, чем богатый предприниматель, заинтересован в сохранении частно-капиталистического порядка, ибо «рабочий может использовать с выгодой свои силы только при помощи уже сделанных и сохраненных в целости сбережений. Все, что идет в разрез с этими сбережениями, или направлено к их расточению, существенно вредит возможности для него получить заработок; за грабежом и разорением богатых классов всегда следует нищета и вырождение бедных классов». (Say. «Traité...», т. I, стр.189).

Если мы нередко встречаем у Сэя отожествление интересов рабочего класса с интересами предпринимателей, то его учение все же никогда не вырождается в те формы, которые оно приняло у эпигонов типа Бастиа, или в новейшее время у Леруа-Болье, М. Блока и т. д., ибо Сэй никогда не затушевывает окончательно общественные противоречия и не выступает проповедником всеобщей гармонии в духе указанных авторов. Подобно тому, как он отмечает противоречие между производителями и потребителями, он констатирует классовое противоречие и между капиталом и трудом. «Если мы,—говорит Сэй,—обратим внимание на те обстоятельства», которые благоприятны не всем вообще лицам, занятым в промышленности, а определенным классам, как, например, только предпринимателям или только рабочим, то мы найдем такие моменты, которые благоприятны для одних из этих классов и неблагоприятны для других; таким образом, мы встретим противоположность интересов не только между производителями и потребителями и не только между промышленными производителями и «непромышленными», но также и про-

тиворечие, зависящее от того, «в какой мере известные обстоятельства благоприятны классу предпринимателей, но направлены против рабочих». (Say. «Cours complet», т. III, стр. 42, цит. по нем. изд. 1845 г.). Однако, Сэй не делает никаких выводов из установленного им классового противоречия между капиталистами и рабочими в том, что касается положения рабочего класса; напротив того, он думает, что при господстве свободной конкуренции и в случае, если рабочий класс последует советам Мальтуса, классовые противоположности в обществе постепенно сгладится.

Впрочем Сей вообще стремился не столько к тому, чтобы исследовать положение рабочего класса в процессе производства и распределения, сколько к тому, чтобы показать благодетельные стороны нового экономического порядка, по сравнению с предшествующими периодами ремесла и мануфактуры, и также отметить и подчеркнуть роль промышленного предпринимателя в этом новом строе. Все его внимание направлено на эту проблему, хотя он кое-где и бросает несколько слов о неблагоприятном положении рабочих.

Неодинаковое отношение Сэя к предпринимателям и к рабочему классу исторически до некоторой степени понятно, так как предприниматель в то время представлял собой революционный, а рабочий «пассивный» элемент. Крупная промышленность и национальное богатство Франции возросло во время империи и реставрации до небывалых размеров. Хлопчато-бумажная индустрия и другие отрасли промышленности развивались с невиданной до тех пор быстротой. Число фабрик с механическими двигателями определялось тысячами, число занятых в них рабочих поднялось до сотен тысяч.

Подобно многим другим, Сэй был захвачен прогрессом индустриализма. Об'ективные условия, казалось, подтверждали тот взгляд, что развивающаяся индустрия даст работу и хлеб всем, «кто здоров и трудолюбив», тем более, что беспрестанная политическая борьба и Наполеоновские войны уничтожили громадные массы людей.

Нищета рабочих перед революцией, равно, как в эпоху революционных кровавых битв в общем и целом не могла быть отнесена за счет находившегося еще в зародыше индустриализма, ответственность за нее могла быть возложена отчасти на выродившийся кольбертизм, против которого Сэй развил сильную агитацию и, с другой стороны, на общую хозяйственную разруху.

Сильный кризис и последовавшая за ним массовая безработица, после падения Наполеона и снятия континентальной блокады, были использованы защитниками нового способа производства для подтверждения их теорий. Теория Сэя «о путях сбыта» и его знаменитое положение, согласно которому продукты покупаются только за продукты, доказывают это с достаточной ясностью [1]).

---

[1]) Теория о „путях сбыта“ не является собственно оригинальной мыслью Сэя. Эта теория намечена уже у Туккера, Менготи и др. экономистов. Ср. R. de Waha „Die Nationalökonomie in Frankreich“, стр. 14.

Сэй надеялся, что с установлением полной свободы в экономической жизни и с упорядочением отношений внутри государства, улучшится положение рабочего класса. Во всяком случае, общее его отношение к рабочему классу определялось интересами капитала.

Какова же позиция Сэя по отношению к отдельным сторонам рабочего вопроса. Под рабочим Сэй понимает «всякого, кто, будучи нанят, выполняет работу, порученную ему хозяином, применяя при этом известные методы, усвоенные во время ученичества». Это определение «обнимает собой как тех рабочих, которые работают в мастерской или в лавке у своего хозяина, так и тех, которому доверено известное количество сырья для переработки на дому. (Say. «Cours compl.», т. III, стр. 63).

Доход такого рабочего состоит в его сдельной или поденной заработной плате. Для предпринимателя, по мнению Сэя, выгоднее оплачивать труд сдельно, так как при этой системе заработной платы легче контролировать производительность рабочего , чем при поденной. Впрочем, он думает, что предприниматель, собрав известный опыт, может перейти к поденной заработной плате. «Размер этой поденной заработной платы образует предмет спора между хозяином и рабочим». (Сэй, цит. соч., стр. 63).

Вопреки своему взгляду, согласно которому предприниматель занимает более благоприятное место в производстве, чем рабочий, Сэй выступает в пользу свободы рабочего договора в отношении регулирования заработной платы, ибо «принуждение кого бы то ни было оплачивать работу выше той цены, по которой она предлагается, означало бы нарушение права собственности и посягательство на свободу торговли». («Cours comlet...», т. III, стр. 69).

Заработная плата, по мнению Сэя, зависит далее, главным образом, от спроса на труд и предложения его. Спрос на труд определяется спросом потребителей на продукты, изготовленные рабочими. Чем больше спрос на эти продукты, тем больше спрос на труд и тем выше заработная плата. С уменьшением спроса на продукты, уменьшается также спрос на труд и вместе с тем понижается уровень заработной платы.

Эти колебания в спросе на продукты, влияющие на уровень заработной платы, обусловливаются, кроме моды, прихоти покупателей и т. д., капиталом данной страны и, в особенности, покупательной способностью потребителей [1]). Эта последняя, в свою очередь, определяется возможностями развития производительных сил, которые, являются решающим моментом для увеличения рынков сбыта. Этим об'ясняется более суровое, чем у Смита, отношение Сэя, к так называемым непроизводительным потребителям, к их расточительности и непроизводительному накоплению капитала, возникающему в большинстве случаев путем налогового обременения производства.

---

[1]) „Мы рассмотрели мотивы, которые в общем благоприятствуют спросу на продукты производства. Они заключаются в богатстве, в численности потребителей. (Say «Traité», T. II, стр. 184).

«Богатый обладатель синекуры, вскормленный милостями двора, накопляет состояние, которое взято из налоговых поступлений. Налоги же давят на промышленные предприятия и косвенно вызывают уменьшение заработной платы, ибо индустрия может «сохранить свое существование, лишь урезывая заработок рабочих» (Сэй. Цит. соч. т. I, стр. 162).

В том же смысле высказывается он и против расточительности производителей. В своих письмах к Мальтусу он резко выступает против взглядов последнего на непроизводительное потребление, заявляя, что от такого глубокого мыслителя, как Мальтус, надлежит прежде всего требовать, чтобы он не способствовал распространению общей ошибки, будто расточительность выгоднее для производителя, чем бережливость (Письма к Мальтусу. Немецкое издание, стр. 122).

Он не согласен с мнением Смита, что бережливость большинства уничтожает непроизводительное потребление, ибо, по Сэю, эти сбережения происходят за счет неимущего населения [1]).

Из вышесказанного следует, что Сэй считает главной причиной повышенного спроса на труд, дающего возможность повысить заработную плату, увеличение покупательной силы потребителей, которое происходит благодаря накоплению капитала, росту производительных сил и потребления. От наступления этих условий он ожидает полного развития производства, равно как и улучшение положения рабочего класса.

В качестве приверженца закона народонаселения Мальтуса, Сэй придавал также весьма большое значение предложению труда, как фактору, определяющему уровень заработной платы и материального положения рабочего класса. Ибо расширенный спрос на труд, вызывающий улучшение положения рабочих, всякий раз влечет за собою по истечении некоторого времени, повышенное предложение труда, которое сводит заработную плату к ее естественному уровню. «Предложение известного рода труда,—говорит Сэй,—легко возрастает вместе со спросом на него». Этот спрос может отчасти, хотя и весьма незначительно, поднять заработную плату выше того уровня, который необходим для пропитания и размножения рабочих, т. е. выше того размера, который необходим для того, чтобы в каждой рабочей семье могло вырости и достичь зрелости достаточное количество детей, идущих на смену отцу и матери. Если заработная плата поднимается выше этого уровня, то число детей умножается, и вскоре расширенному спросу будет соответствовать возросшее предложение. Если же, напротив, спрос на рабочих отстает от того количества людей, которые предлагают себя для работы, то доходы последних опускаются ниже уровня, необходимого для сохранения прежней численности рабочего класса (Сэй. «Cours complet...», т. III, с.66). В семьях с большим количеством детей скоро начинает сказываться нужда и голод, обрекая эти семьи на вымирание. Предложение труда умень-

---

[1]) „Однако эта умеренность, которую Смит ставит в заслугу частному лицу, является вынужденной у наиболее многочисленного класса (благодаря дефектам государственного строя). Как много народа умирает с голоду даже в самых богатых странах.... сбережения невозможны среди бедняков, ибо тот, кому не хватает средств к жизни, не собирает запасов; наоборот, сбережения делаются за счет бедных классов". (Say. «Traité», т. I, стр. 161—162).

шается и цена его снова начинает подниматься до того момента, пока вышеописанный процесс не начинается снова. Из этого круговорота Сэй делает тот вывод, что заработная плата никогда не может подняться выше уровня, необходимого для содержания известного числа рабочих при данном состоянии производства.

Подобно прочим классикам, Сэй констатирует, что естественно необходимый уровень заработной платы рабочих складывается «в соответствии с нравами страны, в которой они живут».

Выступает ли Сэй в пользу повышения заработной платы. Казалось бы, что на этот вопрос с первого взгляда можно ответить утвердительно. Он соглашается, со Смитом, что плохо оплачиваемый рабочий не принадлежит к числу тех, кто хорошо работает; говоря о рабочем классе, он ставит себе вопрос, действительно-ли «его доля в продуктах находится в точном соответствии с его участием в производстве». Однако, если мы исследуем более внимательно все его учение о заработной плате, то мы должны будем придти к отрицательному результату. В то время, как Смит обращается к предпринимателям с требованием повышения заработной платы, Сэй делает прямо противоположное, указывая предпринимателям, что для них выгоднее нанимать женатых рабочих, чем холостых, именно потому, что они более «привержены к порядку», а также потому, что этим увеличивается конкуренция среди рабочих. С другой стороны, Сэй снова подчеркивает, что «труд только тогда приносит достаточные плоды, если предпринимаются меры против чрезмерного возрастания численности рабочего класса» (Traité, т. III, стр. 340).

Сопоставляя эти и другие противоречия его учения, приходится сделать тот вывод, что заявление Сэя о возможности улучшения материального положения рабочего класса путем уменьшения его численности не были достаточно серьезными и что Сэй в действительности равнодушно относится к интересам пролетариата. «Если он (рабочий),—говорит Сэй,—хочет улучшить свою судьбу и увеличить свою заработную плату, то, благодаря этому, или подымается цена продукта, в производстве которого он участвует, или уменьшается доля остальных производителей в ценности этого продукта» (Traité, т. II, стр. 209).

Из общей постановки проблемы заработной платы у Сэя, равно, как из его выступления в пользу права собственности и свободы рабочего договора, ясно, что Сэя надлежит отнести к числу противников права коалиции и стачек. Правда, из гуманитарных соображений он является сторонником защиты интересов рабочего путем вмешательства со стороны государства, но лишь постольку, поскольку это можно осуществить без нарушения «процесса производства и свободы договоров».

Впрочем, он надеется, что с развитием более свободолюбивой государственной власти, последняя будет все менее и менее вмешиваться в хозяйственную жизнь и частный оборот, «чтобы не увеличить зла, вытекающего из природы вещей, злом, порождаемым деятельностью государства».

К этой его усердной пропаганде laisser aller, laisser faire, следует подходить с исторической точки зрения. С одной стороны, ее можно об'яснить сохранившимися до его времени пережитками кольбертизма, которые искусственно задерживали полное развитие

нового способа производства и его носительницу—буржуазию, с другой стороны, твердой верой Сэя в благодетельность свободного хозяйственного оборота. Так он восклицает с досадой: «почему интересам всех классов общества не предоставлено возможности беспрепятственно идти по пути к установлению всестороннего равновесия».

Поэтому он не может и не хочет признать тот вред, который приносит общественным классам и, особенно, рабочему классу невмешательство государства, хотя он и признает, что предприниматели занимают монопольное положение по отношению к пролетариату.

Те же самые основания, которые побуждали Сэя превозносить капиталистическую форму производства и свободную конкуренцию, определяют его позицию в вопросе о безработице. Наравне с Рикардо он настроен оптимистически в этом вопросе, ибо он отрицает возможность экономических кризисов, которые коренились бы в капиталистической форме производства. Равным образом, он не допускает, согласно своей теории, рынков сбыта, возможности всеобщего перепроизводства. Он признает, что на рынке может иметь место частичное переполнение его тем или другим продуктом. Однако, это происходит, по его мнению, не столько из экономических причин, сколько вследствие торгово-политических и фискальных мероприятий, или вследствие незнакомства отдельных предпринимателей с условиями рынка. (Письма к Мальтусу, стр. 151—156. Нем. изд.).

С отменой всякого рода стеснений в экономической жизни и с установлением свободного международного оборота, думал Сэй, постепенно исчезнет такого рода перепроизводство и проистекающая из него безработица. Однако, он соглашается, что «изменение в ходе торговли, введение новых машин, или методов труда, извлечение капиталов из производительного их помещения... могут оставить без хлеба значительную массу рабочих» (Traité, т. III, стр. 98, т. II, стр. 422).

Сэй не забывает также тех колебаний в спросе на труд, которые имеют свою причину, например, в изменениях моды, от которых так сильно страдает промышленный пролетариат. «Заработная плата рабочего в мануфактуре,—говорит Сэй,—выше, чем заработная плата сельского рабочего; однако, первый подвержен печальной изменчивости судьбы. Война, блокада, внезапно прекращающие спрос на тот продукт, изготовлением которого занят данный рабочий, повергают его в нищету. Одно лишь изменение моды может стать роковым для целых классов» (Traité, т. II, стр. 205).

Однако, этим причинам безработицы он не приписывал значительной роли, так как они казались ему преходящими и второстепенными.

В какой мере соотношение между предложением труда и спросом на него влияет, по Сэю, на возникновение безработицы, мы уже видели, рассматривая вопрос о заработной плате. Теперь, мы должны рассмотреть с его точки зрения, вопрос о введении машин и о влиянии последних на положение рабочего класса.

Во всех своих произведениях он выступает в качестве ревностного сторонника машинного способа производства. Так как введение машин, получивших в его время широкое распространение, вызвало рабочее

волнение и недовольство новым способом производства в известных общественных кругах, то Сэй не переставал выдвигать благодеяния машинного способа производства для общества в целом и для рабочего класса в особенности. Машинное производство умножает количество продуктов, в то время как ценность их падает. Благодаря этому, наступает удешевление промышленных товаров, из которых извлекают пользу как производители, так и потребители. Усовершенствование машинного способа производства выгодно также рабочему классу, поскольку он, в качестве потребителя, покупает дешевле.

Сэй не отрицает того факта, что с введением машин и заменой старых машин новыми, многие рабочие лишаются заработка. Однако, это зло, по его мнению, носит лишь временный характер, ибо машинный способ производства, увеличивая и удешевляя производство товаров, расширяет также их сбыт. Благодаря повышенному спросу на свои продукты, производство, «несмотря на свое упрощение», получает возможность прокармливать большее число рабочих, чем до введения машин.

Кроме того, машиностроение и новые отрасли промышленности, возникшие благодаря новым способам экономии рабочей силы, дают занятия новым категориям рабочих. Тот факт, что машина способствует повышению производительных сил и тем увеличивает капитал, приводит Сэя к тому взгляду, что «если сравнить в общем применение ручного труда и применение машин и даже предположить такой крайний случай, что все без исключения рабочие физического труда заменены машинами, то и тогда мы придем к результату, что численность людей от этого не уменьшилась бы» (Traité, т. I, стр. 426).

Сэй идет даже гораздо дальше в своих утверждениях относительно благодетельного влияния машин на рабочий класс. Он полагает что «машины уменьшат, и даже совсем сведут на нет, тяжелые страдания рабочих во время безработицы, ибо при тех сменах кон'юнктуры, которые приводят к временному застою известные отрасли производства, в этом случае оставались бы без употребления, главным образом, машины, т. е. капиталы, но не рабочие руки—не люди. А ведь машины не умирают с голоду». (Ibidem).

Очевидно, Сэй забывает, что дело идет не о таком общественном строе, где производство и распределение организовано планомерно и где устранена свободная конкуренция, но о таком, который покоится на базисе частной собственности и свободной игры экономических сил.

Отношение Сэя к безработным логически вытекает из его взгляда на причины возникновения и исчезновения безработицы. В принципе он отклоняет всякую помощь безработным, ибо он полагает, «что существуют отрицательные явления, которые вытекают из природы людей и вещей» и могут быть устранены только путем самопомощи и самовоспитания. К таким отрицательным явлениям принадлежит «рост народонаселения, выходящий за пределы средств существования».

Взгляду Сэя, будто перенаселение является причиной безработицы и нищеты рабочего класса, не следует придавать особого значения. Мы отметим лишь следующее. Доктрина Мальтуса о народонаселении была использована Сэем преимущественно для развития своей теоретической системы. Этим он хотел создать возможность отвести за счет закона

природы те обвинения, которые могли бы быть выдвинуты против капиталистического общественного порядка, в связи с возникшей нищетой рабочих; ибо на основании фактических отношений тогдашней Франции он не мог применить эту теорию к вопросу безработицы. И все-таки Сэй исходит из предположения, что закон народонаселения действует одинаково у всех народов и во все времена. «Это зло (перенаселение), говорит Сэй, проявляется относительно с гораздо большей силой в цивилизованном обществе, чем в ордах дикарей. Обвинять за это общественный строй несправедливо. Льстить себя надеждой, что это зло могло бы быть уничтожено, совершенно безрассудно» (Traité, т. II, стр. 213—214).

Поэтому Сэй отвергает в этом отношении всякое государственное вмешательство, направленное к уменьшению нищеты рабочих, ибо последнее, по его мнению, способно лишь увеличить зло.

В тех случаях, когда недостаток спроса на труд проистекает из экономических торгово-политических и т. п. причин, Сэй, однако, выступает в пользу известных мер к поддержанию безработных, руководствуясь соображениями гуманности, или вернее, соображениями оппортунизма [1]). Однако, он ограничивает и эти мероприятия, рекомендуя сугубую осторожность при применении средств помощи. Причины недостаточного спроса на труд должны быть исследованы самым точнейшим образом, чтобы оказываемая помощь не увеличила еще больше нищеты рабочих. В тех случаях, когда уменьшение заработной платы или безработица проистекают от длительных причин, например, от введения новых машин или новых методов труда в производстве, от увеличения ввоза из-за границы товаров или от эмиграции «значительного числа потребителей», временное пособие не может улучшить положение рабочего; оказываемая помощь лишь «отодвигает несколько дальше момент гибели». В подобных случаях, по мнению Сэя, безработным может быть предоставлено длительное занятие только путем поощрения новых отраслей промышленности, путем основания предприятий в отдаленных местностях, путем устройства новых колоний и т. д.

Однако, Сэй не указывает точно, кто должен заняться проведением подобных мероприятий. На основании его системы в целом и его взглядов на задачи государства, в особенности, можно, однако, заключить, что он желал бы доверить проведение этих мероприятий, главным образом, частной инициативе.

Если же уменьшение заработной платы или безработицы обусловлены причинами преходящего характера, например, неурожаем и т. п., по мнению Сэя, уместно «предоставить временную поддержку тем несчастным, которые страдают от этих колебаний».

Таковы мероприятия, которые Сэй считал возможным осуществить для борьбы с безработицей в интересах рабочего класса. Право на труд, которое впервые было обосновано во Франции Фурье, Сэй отвергает самым недвусмысленным образом. Его отрицательное отношение к этому праву видно яснее всего из его критики предложений Сисмонди, которые представляются ему не только неосуществимыми, но прямо таки опасными для самого существования частно-хозяйственного строя, ибо

[1]) Безработица и в особенности введение машин, часто служили во Франции также, как и в Англии, причиной рабочих беспорядков.

они посягают на святая святых частной собственности. Сэй говорит по этому поводу так: «обременять одну часть общества, возлагая на нее содержание другого класса, и принуждать ее к уплате заработной платы, которая не возмещается продуктом, значило бы отбросить всякое уважение к частной собственности» (Traité, т. II, стр. 213).

Положение рабочего класса может быть улучшено, по мнению Сэя, не путем провозглашения права на труд и не путем государственной поддержки: оно может быть улучшено при условии сохранения частной собственности только путем полного развития производительных сил и хозяйственной свободы. Точно также он думает, что положение рабочих может быть значительно улучшено при помощи сберегательных касс и касс взаимопомощи, за учреждение которых Сэй ратует и которые, по его мысли, должны создаваться на взносы самих рабочих. По мнению Сэя, эти кассы могут обеспечить рабочему классу «необходимые средства существования в тот момент, когда старость или непредвиденная болезнь лишат его возможности содержать себя своим трудом» Traité, II, стр. 210—211).

Сэй вообще не занимается исследованием вопроса, в какой мере сокращение рабочего дня и ограничение женского труда могло бы поднять материальный и моральный уровень рабочего класса. В том месте своего сочинения, где он говорит о женском труде, он пытается дать об'яснение низкого уровня заработной платы женщины. Он, однако, не выступает против эксплоатации женского труда.

Он почти не затрагивает проблемы охраны труда. Единственная уступка, которую он делает рабочему классу в этой области, состоит в одобрении им английского законодательства, касающегося ограничения на фабриках труда детей, «моложе известного возраста».

Наравне со Смитом, Сэй выступает в пользу элементарного образования рабочих. Обучение должно быть бесплатным и состоять в чтении, письме и счете. Это образование, по мнению Сэя, с одной стороны, будет смягчать моральный и духовный вред, который наносит рабочему классу разделение труда, а, с другой стороны, будет развивать у рабочих чувство уважения к частной собственности и тем способствовать благу общества.

В общем и целом отношение Сэя к рабочему классу должно быть охарактеризовано, как индиферентное. Его занимало не положение рабочего класса в процессе производства и распределения и не способы улучшить это положение, а об'ективная возможность развития производства и заботы об экономическом и политическом под'еме буржуазии [1]). Конечно, при этом он был того мнения, что одновременно улучшится и положение пролетариата.

---

[1]) Allix в своей статье „Say et les origines de l'industrialisme. Revue d'Economie politike", (1910 г. стр. 303—313 и 341—363), приходит к выводу, что Сэя можно рассматривать, как предшественника социализма. Этот вывод получается, главным образом, путем сравнения избранных мест из Traité с сочинениями Сен-Симона. По нашему мнению выводы Allix'а в основе своей неверны, ибо Сэя скорее следует рассматривать, как предшественника манчестерства, чем как предшественника социализма.

ГЛАВА VI.

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ.

Период, на который падает теоретическая и политическая деятельность Джона Стюарта Милля характеризуется двумя особенностями: 1) высоко развитым капитализмом и 2) мощным политическим и экономическим движением английского рабочего класса.

В то время, когда Смит писал свой основной труд, капитализм находился еще в стадии возникновения, а в ту эпоху, когда Рикардо формировал свои теории, капитализм только что вылезал из детских башмачков. Классовая борьба между капиталом и трудом не выступала еще достаточно отчетливо во времена Смита, а в эпоху Рикардо она отступала еще на задний план перед экономическими и политическими битвами между аристократией и буржуазией, выступавшей в качестве вождя народных масс. Кризисом 1825 г. открывается характерная для капитализма смена периодических циклов и вместе с тем начинается современная классовая борьба, ибо с этого момента рабочий класс должен был все более и более проникаться сознанием, что улучшение его положения может наступить только с уничтожением частной собственности и полным устранением классового господства.

Пролетариат должен был тем более склоняться к этому взгляду, что его надежда на избирательную и парламентскую реформу потерпела крушение.

Достигнув власти, буржуазия, как класс, прежде всего поспешила использовать политическую власть против все возрастающих притязаний рабочего класса. Хотя буржуазный радикализм и выступал в пользу всеобщего избирательного права и социальной реформы, однако, он это делал более из экономических и политических расчетов, чем из чистой приверженности к реформам или из симпатий к пролетариату [1]). Однако, и эти стремления радикальных представителей средних слоев не имели успеха, так как господствующие классы упорно цеплялись за свои привиллегии. Они потерпели крушение и потому, что пролетариат постепенно потерял веру в буржуазный радикализм и не хотел более служить ему опорой. Экономическая и политическая борьба рабочего класса бушевала во время Милля во всю. Пролетариат вырос до степени крупного общественного фактора и буржуазия—хотела она этого или нет,—должна была считаться с этим новым социальным элементом. Она должна была, хотя бы против воли, до некоторой степени пойти

[1]) M. Beer, Geschichte etc. Стр. 376.

навстречу рабочему классу в его требованиях, если она не хотела потерять все.

Парламентские документы и сочинения, трактующие эту общественную эпоху в Англии, достаточно ясно это показывают.

Политическая экономия в Англии, как указывает Маркс в послесловии ко II-му изданию 1-го тома «Капитала»—не создала со времени Рикардо ничего нового. Хотя литературная деятельность в этой области принимает обширные размеры, однако, она ограничивается, большей частью, комментированием и вульгаризацией идей великих теоретиков, или же имеет отличительной чертой стремление оправдать существующие социально-экономические отношения.

С выступлением Джона Стюарта Милля в области теоретического исследования экономических и социальных вопросов наступает изменение. Он пытается продолжать научную разработку экономических и социальных проблем в духе старых учителей, стремится развивать далее их теории, возводя из них законченную систему и модифицируя их в согласии с идеями и требованиями нового времени.

В задачу настоящей работы не входит исследование, насколько эта попытка удалась нашему автору. Во всяком случае, Милль, благодаря своим громадным познаниям, своему литературному таланту и своей необыкновенной способности воспринимать и усваивать чужие мысли, был наиболее подходящим человеком для выполнения подобной задачи. Но поскольку он ввел в классическую и политическую экономию новые элементы, он мог только способствовать ее разложению, ибо она, как законченная система, в общем и целом находилась в противоречии к новым теориям.

Классическая политическая экономия могла развиваться далее, как наука, только на почве историко-материалистического понимания экономических и социальных явлений, только на почве полного отрицания капиталистической системы и открытия об'ективных законов ее развития в новую систему—социалистическую.

Эти возможности были закрыты для Милля по об'ективному состоянию данной эпохи. В общем он, отнюдь не отрицает капиталистической системы, хотя он и ищет средства приспособить ее к новым требованиям жизни. Поэтому экономические и социально-философские теории Милля не отличаются последовательностью. Они отражают, однако, дух его эпохи, которая «шла навстречу новым идеалам».

Эти «новые идеалы» состояли, коротко говоря, с одной стороны в стремлениях буржуазии достичь завершения экономической свободы, с другой стороны, в требованиях части радикальной интеллигенции, проповедывавшей государственное вмешательство в определенных областях экономического и социального порядка. По мнению этой части интеллигенции практика государственного невмешательства, как показал опыт, дала плохие результаты. Эта позиция демократической интеллигенции обусловливалась не только их симпатиями к рабочим, но главным образом, фактом классовой пролетарской борьбы.

Милль, выступив посредником между этими двумя противоположными воззрениями, пытался эклектически об'единить их. «Он был»,—говоря словами Беера—«политико-эконом и философ переходного времени от laisser faire к государственной социальной реформе, от взгляда на рабочий класс, как на средство производства к оценке его роли, как общественного фактора, от либерализма к социализму, от утилитаризма к идее эволюции (Beer. Цит. соч. стр. 437).

Для того, чтобы лучше понять, почему Милль мог стать политико-экономом, каким его характеризует Беер, чтобы далее нам были понятны изменения в его воззрениях по рабочему вопросу, мы должны бросить взгляд на среду, в которой он жил, получил воспитание и приобрел свои знания. Об этом мы знаем из его автобиографии.

Его отец Джемс, который ввел его в мир идей, был радикалом, последователем Рикардо и Бентама. Это обозначает мировоззрение и целую программу. В доме Джемса Милля вращались не только лучшие представители этого научного и политического направления, но и сами его творцы; с ними-то и находился в соприкосновении молодой Милль.

Воспитанный в кругу идей этих теоретиков, Джон Стюарт Милль в первый период своей публицистической и общественной деятельности принимал их учения за непререкаемую истину и проповедывал их с пламенным усердием прозелита. Также, как и тесный круг его друзей, он ожидал разрешения социальной проблемы и, в частности, рабочего вопроса, от введения честного парламентского правительства и от повышения морального и интеллектуального уровня рабочих путем предоставления полной свободы слова, а также от добровольного ограничения в приросте рабочего класса. В законе народонаселения и в намеченных Мальтусом средствах борьбы с его последствиями, Милль видел тогда лучшее средство разрешить социальный вопрос; при этом он думал скорее всего достичь этого выдвиганием на первый план и подчеркиванием сознательного человеческого поведения. «Принцип народонаселения Мальтуса,—говорит Милль,—был для нас не больше не меньше, как знамя и об'единяющее начало подобно какому-либо воззрению Бентама. Это великое учение, которое первоначально выдвигалось, как аргумент против безграничной способности к улучшению условий человеческой жизни, мы восприняли с пламенным усердием в противоположном смысле, как указание на единственное средство реализовать способность к улучшению, обеспечить всех трудящихся в полной мере работой путем добровольного ограничения прироста населения» (Милль. Автобиография. По нем. изд. 1874 г., стр. 87).

Во всех позднейших превращениях, которые проделал Милль, в своем отношении к социальной проблеме и рабочему вопросу, постоянно повторяется одна и таже основная мысль, а именно, что улучшение положения рабочего класса в процессе производства и распределения, главным образом, стоит в связи с разрешением проблемы народонаселения.

Во втором периоде своей научной и политической деятельности Милль находился под влиянием произведений Конта и Сен-Симона и в особенности под впечатлением пролетарской классовой борьбы, а равно

революции в некоторых странах европейского континента. Эти революции заставили все буржуазные партии и группы Англии, от консервативных до самых радикальных, заговорить «о социальной реформе». Милль предлагал позитивные реформы и средства к улучшению положения рабочих, но он ставил эти реформы и все будущее пролетариата в зависимость от разумного решения проблемы народонаселения и от под'ема морального и интеллектуального уровня рабочего класса. Так, в своей «Политической экономии», в знаменитой главе «о вероятной будущности рабочих классов», он говорит следующее: «Мне кажется невозможным, чтобы увеличение умственного развития, образования и любви к независимости в рабочих классах не сопровождалось соответственным ростом здравого смысла, который обнаруживается в предусмотрительных привычках, и чтобы вследствие этого не уменьшалась постепенно пропорция населения к капиталу и количеству занятий» (Милль. «Политическая экономия». Перев. под редакцией проф. О. Н. Остроградского, стр. 667).

Тем не менее он не упускал при этом из виду другие возможности социальной реформы. С этой целью он подвергает жестокой критике экономические законы, установленные старыми классиками, и приходит к выводу, что они ошибались, думая найти всеобщие и неизменные экономические законы» общественного производства и распределения. Под влиянием идей утопического социализма [1]). Милль изменяет это воззрение прежних политико-экономов в том смысле, что он проводит принципиальное различие между законами производства богатств, которые являются истинными законами природы и вытекают из сущности вещей и способом распределения, который зависит от известных условий и от человеческой воли (Милль. «Автобиография», стр. 205).

Это проводимое Миллем различие между «неизбежными» законами производства и «подверженными изменениями» законами распределения приводит его к сравнению существующей системы частной собственности с общественными системами, которые рисовали в своих теориях тогдашние коммунистические и социалистические писатели Луи Блан, Фурье и Сен-Симон.

При этом он открыто признает, что эти умозрительные системы, при всех их недостатках превосходят систему частной собственности в смысле достижения всеобщего благосостояния. «Если бы нужно было выбирать»—говорит Милль—«между коммунизмом со всеми его шансами и современным общественным состоянием со всеми его страданиями и несправедливостями; если бы институт частной собственности имел неизбежным следствием такое распределение продуктов труда, какое мы видим теперь, когда продукт распределяется почти в обратном отношении к труду, и когда наибольшие части продукта выпадают на долю тех, которые совсем не работают, следующие по величине на долю тех, работа которых почти лишь номинальна и так далее, причем вознаграждение сокращается в той же мере, в какой работа становится труднее и

---

[1]) Милль в этом отношении приписывает значительную роль также своей жене. См. „Автобиографил"—стр. 206.

неприятнее, пока, наконец, человек, занимающийся самым утомительным и изнурительным физическим трудом не может с уверенностью рассчитывать даже на удовлетворение насущнейших жизненных потребностей; если, скажем далее, перед нами стояла бы альтернатива: такое состояние или коммунизм, то все сомнения, которые вызывает коммунизм, как большие, так и малые, не имели бы ровно никакого веса в наших глазах» [1]).

Однако, думает Милль, в действительности дело обстоит иначе. Если существующий социальный строй и причиняет много страданий и несправедливостей большинству человечества и в частности рабочему классу, то эти страдания не связаны безусловно с институтом частной собственности, но проистекают от традиционных и искусственно созданных социальных учреждений. «Принцип частной собственности до сих пор не мог еще вполне развиться ни в одной стране... Социальный порядок ведет свое происхождение от распределения собственности, которое явилось результатом не справедливого раздела или присвоения путем промышленной деятельности, но результатом завоевания и насилий» (Милль. «Политическая экономия»).

На протяжении столетий социальное законодательство действовало не в согласии с правом и справедливостью, оно неизменно и намеренно благоприятствовало неравенству и этим помешало тому, чтобы все классы общества в их соревновании располагали равными возможностями.

С такого рода законодательством,—полагает Милль,—должно быть покончено. Вместо того, чтобы способствовать концентрации имуществ, законодательство должно стремиться к тому, «чтобы побуждать к разделу крупных имуществ»—тем уменьшать неимущую массу и увеличивать класс людей, владеющих частной собственностью. От подобного рода законодательных мер Милль ожидал уменьшения страданий рабочего класса и постепенного исчезновения социального неравенства.

Коренное преобразование отношений производства и распределения, как его представляли себе в то время социалисты и коммунисты, Милль отвергает, ибо он говорит: «На современной ступени человеческого прогресса... нужно, очевидно, стремиться не к уничтожению системы промышленной собственности, но к ее улучшению и к тому, чтобы каждый член общества мог пользоваться ее благами».

Хотя Милль, таким образом рассматривает частную собственность, как историческую категорию, однако, он думает, что благодаря улучшениям, предлагаемым им и другими социал-реформаторами и воспринятыми обществом, частная собственность просуществует неизмеримо долгое время, чтобы затем постепенно преобразоваться в новую форму, например, в форму производительных товариществ.

Опираясь на теорию ренты Рикардо и на тот принцип, что частная собственность черпает право на существование только из труда настоящего или прошедшего, он выступил в пользу реформы землевла-

[1]) Цитировано по Neurath „Lesebuch der Volkswirtschaftslehre“, стр. 178.

дения и наследственного права. Он не возражает даже против того, что бы рента конфисковывалась в пользу государства.

В качестве дальнейшего средства к улучшению социальных условий, Милль предлагает массовую колонизацию, систему участия в прибылях, кооперативы, законодательную охрану труда и, как одно из самых важных мероприятий, общее воспитание и образование, а также соответствующие меры к ограничению прироста населения. «Если бы оба последние условия были исполнены, то и при современных социальных институтах не было бы места нищете» (Neurath Lesebuch, ч. II, стр. 178).

Развивая выше намеченный план реформ и выступая в его защиту не только в своих сочинениях, но также на политической и общественной арене, Милль надеялся с помощью этого плана разрешить социальный и рабочий вопрос.

Опираясь на эти общие замечания перейдем теперь к взглядам Милля на отдельные стороны рабочего вопроса и, в частности, прежде всего—к проблеме заработной платы. В этом вопросе Милль до появления книги Торнтона «Труд» защищает тот взгляд, что цена труда определяется величиной фонда заработной платы и численностью рабочего населения. Под фондом заработной платы он понимает ту часть капитала [1]), которая «расходуется на прямую покупку труда», другими словами оборотный или циркулирующий капитал. К этой части капитала, которая служит исключительно для содержания производительного труда следует прибавить «жалованье солдат, домашней прислуги и прочих непроизводительных рабочих» (Милль. ibid, стр. 304). Сумма циркулирующего капитала и выше названных фондов, «которые, не образуя собой части капитала, уплачиваются взамен за труд», образуют вместе общий фонд, предназначенный для распределения среди трудящихся классов, как вознаграждение за проданную рабочую силу.

Средняя заработная плата может по Миллю «повышаться только или вследствие увеличения всего фонда, затрачиваемого на наем рабочих, или вследствие уменьшения числа лиц, соперничающих в предложении труда; а падение ее происходит только или от уменьшения фонда, предназначенного на уплату за труд, или от увеличения числа рабочих, получающих плату» (Милль. ibid, стр. 304).

Средняя заработная плата есть, таким образом, по Миллю постоянная величина, она обусловливается исключительно отношением той части капитала, которая в данный момент предназначена для покупки рабочей силы, к числу рабочих. Всякое иное представление, относительно условий колебания заработной платы, он считает совершенно ошибоч-

---

[1]) Под капиталом Милль понимает: „Запас, предварительно, накопленный из продуктов прежнего труда“. Задача капитала заключается „в доставлении зданий, защиты, орудий и материалов, необходимых для работы, а также в прокормлении и другой поддержке рабочих во время процесса производства“. Милль. „Политич. экономия“, стр. 52—53. Относительно накопления капитала Милль говорит следующим образом: „Капитал поддерживается из года в год не сбережением, а беспрерывным воспроизведением“. Милль, Ibidem, стр. 72.

ным. Широко распространенное мнение, будто высокие цены товаров увеличивают заработную плату, не разделяется Миллем, хотя он соглашается, что повышение цен в какой-либо отрасли производства, может на известное время повысить заработную плату в этой последней. Однако, это, по его мнению, совершается всегда за счет заработной платы в других отраслях промышленности, ибо: «если предприниматели, получая более высокие цены, имеют возможность делать большие сбережения, или, другими словами, могут увеличивать свою покупку труда, то у всего остального народа, переплачивающего на товарах, средства к сбережению ими для покупки труда будут уменьшаться в одинаковой мере» (Милль ibid, стр. 306). Польза, которую получает весь рабочий класс в целом от повышения товарных цен, может состоять только в том, что «вызванное им увеличение капитала» способствует в дальнейшем возрастанию спроса на труд, ибо фонд заработной платы, равно как и совокупный капитал образуются, по мнению Милля, из предшествующего труда и добровольного воздержания капиталистов.

Точно также Милль в противоположность Рикардо думает, что колебания цен на средства существования не имеют большого влияния на заработную плату, в частности, денежную заработную плату, поскольку «последняя не будет, с помощью законодательной регламентации или с помощью благотворительности, искусственно приноровлена к обстоятельствам» (Милль «Полит. экономия», стр. 306). Как во времена вздорожания средств существования, так и во времена их удешевления происходит приспособление рабочего класса к изменившимся условиям. Это приводит большинство к тому взгляду, что цены средств существования влияют на высоту заработной платы, хотя последняя исключительно зависит от закона, выражающего данное соотношение между фондом заработной платы и трудом.

Далее Милль считает совершенно ошибочными заявления тех экономистов, которые «высказывают взгляд, будто бы лицо, покупающее товары, создает спрос на труд столь же непосредственно и в том же смысле, как если бы оно покупало самый труд, уплачивая заработную плату» (Милль. ibid, стр. 78). «Производительный труд получает занятие и содержится капиталом, расходуемым на применение его в производстве, а не спросом покупателей на законченный продукт труда»; ибо спрос на продукты труда и спрос на рабочую силу не одно и то же.

Первый определяет только, в какой специальной области индустрии должны быть применены рабочие силы и капитал; он определяет далее направление общественного производства, т. е. «на какую отдельную отрасль производства будет употреблен труд и капитал; он определяет только направление труда, но не определяет большего или меньшего количества самого труда и его содержания или платы за него». Напротив, спрос на труд зависит от размеров капитала или «других запасов, непосредственно предназначенных на содержание и вознаграждение труда». (Милль, ibid, стр. 77).

Фонд заработной платы является, таким образом, единственным и преимущественным источником заработной платы. Не об'ясняя, какие

причины определяют его высоту [1]), Милль считает этот фонд постоянной и заранее установленной для каждого периода производства величиной. Только эта часть капитала— не большая и не меньшая—может быть распределена в течение одного производственного периода среди имеющихся налицо рабочих.

Конкуренция среди рабочих не оказывает, по Миллю, никакого влияния на величину фонда заработной платы. Единственное следствие, которое может породить конкуренцию среди рабочих, выражается в том, что высота заработной платы может быть понижена до известного уровня. «Когда есть какие-нибудь незанятые рабочие»,—говорит Милль,—«и если они не содержатся за счет благотворительности, то они вступают в соперничество из-за найма, и заработная плата падает; но когда все свободные рабочие найдут себе занятие, то заработная плата не будет падать, даже при самой свободной системе соперничества», ибо высота заработной платы регулируется тем же законом, что высота цены продуктов производства (Милль «Политич. экономия», стр. 321). Точно также, как цены товаров могут быть «благодаря конкуренции, понижены только до того предела, при котором они привлекут достаточно покупателей и будут все распроданы,—заработная плата может понижаться вследствие соперничества, пока не появится возможность принять всех рабочих для участия в распределении фонда заработной платы». Если заработная плата опустится еще ниже, то часть капитала останется незанятой, по недостатку рабочих; «тогда начнется противоположное соперничество между капиталистами и вознаграждение рабочих повысится. (Милль. «Политич. экономия», стр. 322).

Милль рассматривает достигнутый, таким образом, (т. е. путем свободной конкуренции) средний размер заработной платы, как самый естественный и самый выгодный для всего рабочего класса. Он полагает далее, что вмешательство государственной власти или «общественного мнения в смысле повышения заработной платы бесцельно и даже вредно для пролетариата, ибо оно влечет за собою не что иное, как уменьшение возможности приложения труда.

Согласно этому фонд заработной платы—если оставить в стороне временные и преходящие колебания, о которых Милль также упоминает,—всегда ограничен. Хотя фонд заработной платы и может повышаться, вследствие увеличения капитала, но он никогда не будет достаточен для того, чтобы оплатить в должной мере каждого рабочего, если при этом одновременно не сокращается предложение труда или, по крайней мере, не остается неизменным отношение между спросом и предложением. Только в этом случае может повышаться заработная

---

[1]) Милль в этом отношении говорит лишь, что если бы имелось достаточно способных к труду людей и пищи для их пропитания, оборотный капитал мог бы увеличиваться до бесконечности, при чем для этих людей всегда возможно будет найти занятие (Милль. Стр. 64—65). Во всяком случае он ограничивает содержание этого заявления указанием на зависимость величины фонда заработной платы от доброй воли предпринимателя. Он не указывает лишь, какие причины влияют в этом отношении на предпринимательскую волю.

плата, и вместе с ней улучшаться положение пролетариата. Все другие средства не ведут к цели. «Если заработная плата в известное время и в известном месте бывает выше, чем в другое время или в другом месте, если средства к существованию и благосостояние рабочего класса возрастают, то это—говорит Милль—происходит ни от какой иной причины, кроме той, что отношение капитала к населению увеличивается» (Милль. «Полит. экономия», стр. 310).

Если повышение абсолютных размеров накопления капитала, размеров производства и фонда заработной платы имеют большое значение и для рабочего класса, то эти моменты в вопросе о возможном улучшении положения последнего, все же не являются самыми главными, так как более полное удовлетворение интересов рабочих зависит исключительно только от соотношения между фондом заработной платы и «числом рабочих, между которыми он распределяется». «Положение рабочего класса может быть улучшено только с помощью изменения в его пользу этой пропорции, и каждый проект улучшения быта рабочих, не основанный на этой зависимости, будет лишь обманчивой мечтой, которая не приведет к постоянной пользе» (Милль, ibid, стр. 310).

На основании принятой им теории ренты, в особенности, теории убывающего плодородия почвы. Милль должен был прийти к выводу, что главным средством увеличения заработной платы и улучшения положения пролетариата в целом является упомянутое изменение соотношения между капиталом и численностью населения путем сокращения этого последнего [1]). Ибо, согласно сказанному и в соответствии с законом народонаселения, ясно, что если капитал и фонд заработной платы и могут возрастать в странах старой культуры, то это возрастание совершается гораздо медленней, чем прирост населения.

Итак, по Миллю, повышение заработной платы может иметь место лишь в том случае, если рабочие приспособят свои привычки к наличному или ожидаемому запасу капитала путем добровольного ограничения деторождения [2]).

Если отрицательное отношение к размножению найдет себе такое широкое распространение, что большинство добровольно признает его

---

[1]) Рост населения, как указывалось выше, безусловно влияет, по Миллю, на падение заработной платы „Она будет падать до тех пор, пока не достигнет, наконец, размера, который своим нравственным и физическим воздействием станет сдерживать рост населения" (Милль. „Полит. экономия". Стр. 312).

[2]) Что Милль, однако, в противоположность выдвинутой им теории и исходя из соображений гуманности, требовал повышения заработной платы, доказывает следующее место: «Можно усомниться, существовало ли когда-либо до сих пор в каком-нибудь общественном классе, кроме самого бедного . . . . . искренное и сильное желание, чтобы заработная плата была высока. Многие добивались понижения налога в пользу бедных; но когда это было достигнуто, высшие классы сильно желали, чтобы рабочие оставались в плохом положении. Почти все люди, которые сами не принадлежат к рабочему классу, являются работодателями и не станут печалиться, если получают труд рабочего по дешевой цене (Милль. „Полит. экономия". Стр. 335).

одним из начал общественной морали, то Милль не возражал бы, чтобы правительство закрепило его соответствующим законом.

Наиболее соответствующим средством для поднятия морального уровня и нравственной выдержанности рабочих, Милль, как уже упомянуто выше, считал рациональное народное воспитание, которое, как он надеялся, создаст новое рабочее поколение, требовательное к жизни и независимое. Кроме того, он полагал, что государственная колонизация, предпринятая в большом масштабе, и раздел свободной общинной земли среди безработных много способствовали бы повышению заработной платы и, следовательно, улучшению положения пролетариата. Новое поколение рабочих, воспитанное путем таких мероприятий, приложит, по мнению Милля, все усилия к тому, чтобы не впасть в плачевное положение предшествовавших поколений. Оно поймет, что лучшим средством закрепить новое положение является воздержание от вступления в брак и рождение меньшего количества детей.

Хотя Милль при всех рекомендуемых им мерах разрешения социальной проблемы и рабочего вопроса неизменно приходит к мальтузианству, однако, он все же был искренним другом рабочих и принимая близко к сердцу положение пролетариата. Поэтому он был очень смущен теми следствиями, которые вытекали из разработанной им классической теории заработной платы и осуждали на бессилие весь рабочий класс в его экономической борьбе.

«Коалиции рабочих и стачки,—думал он в то время,—не в состоянии вызвать повышения заработной платы, так как на высоту ее уровня не может влиять ни воля работодателя, ни воля рабочего. Если бы рабочий класс имел возможность при помощи коалиций поднять заработную плату или воспрепятствовать ее падению», «то едва ли нужно говорить, что это было бы таким явлением, за которое не только не следовало бы наказывать, но которое следовало-бы приветствовать и одобрять» (Милль, ibid, стр. 825).

Но рабочие союзы, по мнению Милля, не могут иметь подобного влияния. Ибо если бы рабочие захотели при помощи коалиций или стачек вынудить у работодателей заработную плату «выше того размера, какой установлен спросом и предложением—размера, при котором весь оборотный капитал страны распределяется между всем рабочим населением,—то это могло бы быть достигнуто только лишением работы некоторой части рабочих». (Милль, ibid, стр. 825).

Рабочие не могут достигнуть повышения заработной платы при помощи коалиций не только в силу вышеприведенных оснований, но также потому, думает Милль, что число их слишком велико и что они слишком широко рассеяны по всей стране. Если бы не было этих препятствий, то рабочим легко бы удалось «уменьшить число рабочих часов и получать ту же плату за меньшую работу» (Милль, ibid, стр. 825).

Если Милль, по вышеуказанным основаниям, и не приписывает союзам никакого значения в борьбе рабочего класса за улучшение его морального и материального положения в процессе производства и распределения, то он все же выступает против запрета коалиций по сообра-

жениям гуманности и свободы. Он считает, что законы против рабочих союзов изданы правящими для подавления пролетариата и что там, где они еще существуют, «обнаруживаются дьявольские инстинкты рабовладельчества в то время, когда сделалось уже невозможным удерживать рабочие классы в открытом рабстве» (Милль, ibid, стр. 825).

Позднее, когда Милль модифицировал свою теорию заработной платы под влиянием фактических завоеваний тред-юнионов и вышеупомянутого сочинения Торнтона, он изменил и свои взгляды на значение коалиций в экономической борьбе рабочего класса. Он открыто сознается, что он ошибался в этом вопросе, так же как и в теории заработной платы. Так как эволюция идей Милля имеет весьма важное историческое значение для политической экономии и, в особенности, ясно освещает его отношение к рабочему вопросу, дадим слово ему самому: «Учение, которого до сих пор придерживались все, или большинство экономистов (включая меня) и которое утверждало невозможность повышения заработной платы при помощи коалиций, или ограничивало их значение в этом смысле такими повышениями заработной платы, которые сами по себе должны были бы наступить, вследствие рыночной конкуренции, это учение»,—говорит Милль, разбирая книгу Торнтона,— «потеряло всякое научное основание и должно быть отброшено в сторону Правы или неправы профессиональные союзы в своих выступлениях— это вопрос разума и социального чувства долга, но он не принадлежит к числу вопросов, решаемых безапелляционно, непреклонной силой экономических законов» [1]).

Рабочие, получив возможность, благодаря об'единению в союзы и их финансовой поддержке, прекращать работу и выдерживать эту борьбу, могут не только помешать предпринятому или предполагаемому сокращению заработной платы, но в известных случаях достигнуть и повышения заработной платы, «которое без этого не наступило бы так рано, или, быть может, вовсе не имело бы места» (Милль. «Arbeiterfrage», стр. 126—129).

Миль подтверждает, таким образом, что «пролетариат в целом может обеспечить себе при помощи союзов и стачек абсолютно и относительно большую долю результатов производства». Вопрос о том, получит ли каждый отдельный рабочий увеличенную долю, Милль ставит в зависимость от разумного разрешения в пользу рабочего проблемы предложения труда. Иначе все завоевания рабочих, достигнутые путем союзов, стачек и т. п. средств, окажутся в общем и целом иллюзорными.

Милль видит также главнейшую причину безработицы в перенаселении; в мерах борьбы с последним, он усматривает естественное средство борьбы с сокращением возможности применения труда. Нам кажется, что мы достаточно ясно показали это при изложении его теории заработной платы.

Ближайшую естественную причину безработицы Милль, в согласии с Мальтусом, усматривает в относительной убыли плодородия почвы по отношению к приросту населения в странах старой культуры. «Скупость природы, а не общественная несправедливость, составляет при-

[1]) Милль. „Arbeiterfrage" (нем. изд.). Gesam. Werke, т. XII стр. 128—129.

чину бедствий, связанных с чрезмерным увеличением населения... Напрасно говорят, что всякий рот, появляющийся на свет при увеличении населения, приносит с собой и новые руки. Новый рот требует столько же пищи, сколько каждый из старых, а новые руки уже не производят такого количества пищи» (Милль. «Полит. экономия», стр. 182).

Он сомневается в том, что ввоз сельско-хозяйственных продуктов из аграрных стран в состоянии сгладить несоответствие между фондом средств существования и численностью населения, ибо этот ввоз представляется ему ненадежным по соображениям торгово-политического характера или в виду экономической отсталости вышеупоминаемых стран.

Этим об'ясняется, почему Милль придавал такое большое значение развитию отечественного земледелия. Он питал надежду, что с его развитием возрастет фонд средств существования, а, стало быть, и фонд заработной платы, что повлечет за собой постепенное сокращение безработицы.

Милль, равным образом, полагал, что другие моменты, уменьшающие фонд заработной платы и вытекающие из мотивов чисто фискального характера, вроде обложения оборотного или основного капитала и государственные займы [1]), несут с собой сокращение возможности применения труда, так как они сокращают капитал, дающий занятие рабочим.

Сокращение спроса на труд может обусловливаться в этом случае двумя причинами:

1. Предпринимателю необходим больший по величине капитал, чтобы привести в движение известное количество производительного труда.

2. С помщью капитала, сокращенного благодаря налогам, он не может дать занятий такому же числу рабочих, как до введения налога и вследствие этого видит себя вынужденным расчитать соответствующее число рабочих.

Что касается специального налога на доход с капитала, то Милль полагает, что этот налог не только сам по себе уменьшает капитал, но при известных условиях, увеличивает косность, сокращает стремление к накоплению и ведет к отливу капиталов заграницу. Какой бы из вышеуказанных случаев не имел места, рост безработицы, по Миллю, неизбежен.

Исходя из теории фонда заработной платы, Милль видит в каждом увеличении основного капитала, за счет оборотного действие, ухудшающее общее положение рабочего класса и вызывающее частичную безработицу. «Это справедливо не только относительно машин, но и относительно всех улучшений, в которые вкладывается капитал, ко-

---

[1]) „Мы замечаем, если капитал берется в заем с фондов, вложенных в производство или предназначенных для такого употребления, то отвлечение его от этого назначения равносильно из'ятию всей суммы из заработной платы рабочих классов“ (Милль. „Полит. экономия“. Ст. 769. Срав. также стр. 75—76).

торый, таким образом, навсегда становится неспособным служить для вознаграждения труда» (Милль. «Полит. экономия», стр. 91).

Поэтому Милль, в противоположность Сэю, пессимистически оценивает влияние введения машин, на положение пролетариата.

Он называет «неизбежно ложной» и ошибочной всякую аргументацию, которая стремилась бы доказать, что введение машин или «вкладывание капитала в длительные улучшения» не приносит вреда пролетариату. Ибо частое утверждение многих экономистов, «что если занятие отнимается у труда в одной отрасли промышленности, то точно такое же занятие открывается для него в другой; потому что то, что сберегают потребители от удешевления одного товара, дает им возможность увеличить свое потребление в других, и этим увеличить спрос на другие роды труда»,—не отвечает, по его мнению, действительным отношениям производства и распределения.

Если введение машин и влечет за собой удешевление продуктов той или другой отрасли промышленности и, если потребитель, благодаря этому, может сберечь деньги и приобрести другие товары, то отсюда, по Миллю, вовсе не следует, что это будет способствовать расширению производства, ибо для подобного расширения часто отсутствует необходимый предварительный капитал. «Улучшение не освободило никакого капитала, если оно и не потребовало капитала из какой-нибудь другой сферы его применения. Поэтому, в других отраслях промышленности не произойдет предполагаемого увеличения производства и не возрастет применение труда; увеличение же спроса на товары со стороны некоторых потребителей будет уравновешено прекращением спроса со стороны других, а именно, со стороны рабочих, которые оказались излишними вследствие улучшения, и которые теперь, если и будут поддерживать свое существование, то лишь получая с помощью конкуренции или благотворительности часть того, что раньше получали другие» (Милль. «Полит. экономия», стр. 93—94).

Несмотря на это, Милль, с другой стороны, считает, что введение машин в общем и целом не приносит вреда пролетариату. Конечно, когда машины вводятся сразу в большом размере и за счет фонда заработной платы, положение рабочих ухудшается. Однако, по его мнению, введение машин и улучшение производства происходят постепенно и больше за счет сбережений, чем за счет оборотного капитала. Возникающая иногда нужда и безработица, обусловленные введением машин, имеют, с его точки зрения временный характер—так всякий технический прогресс в конечном счете полезен для общества в целом, а, следовательно, для пролетариата.

Однако, если на практике окажется, что введение машин происходит слишком быстро и тем самым уменьшает фонд заработной платы, то «законодательная власть должна принять меры для замедления этого процесса» (Милль. «Полит. экономия», стр. 96).

Самое удивительное в рассуждениях Милля о введении машин и об их влиянии на безработицу это то, что он не рассматривает всесторонне фактического процесса технического переворота в индустрии и создавшегося, благодаря этому, нового положения рабочего класса. Если

бы он это сделал, то он, может быть, пришел бы к совсем иному результату. Вероятно, он пришел бы к убеждению, что в обществе, построенном на частной собственности, введение машинного производства способствует увеличению армии безработных и тем самым становится бедствием для пролетариата [1]).

Не исторически и не на основании об'ективно конкретных данных развития капитализма рассматривает он и другие явления экономической жизни. В общем и целом противоречия частно-хозяйственной системы и ее об'ективный ход развития остались скрытыми от Милля. Так, он, например, отрицает, что из самого существа производства может вытекать общее перепроизводство или кризис, хотя английская индустрия уже в его время переживала неоднократно подобные периоды.

Он принимает в этом отношении целиком руководящие принципы Сэя-Рикардо и думает, что теории общего перепроизводства и кризисов представляют собой иррациональные учения. Правда, он не отрицает возможности торговых кризисов. Но он видит их происхождение не в сфере производства, а в меновом обращении. Торговый кризис, по Миллю, возникает благодаря тому, что на рынке имеется избыток продуктов, т. е., что в данный момент существует чрезмерное предложение денег. «Было бы, однако,—думает он,—значительной ошибкой... предполагать, что торговый кризис есть следствие общего перенапряжения производства, он является лишь следствием чрезмерного количества спекулятивных покупок. Торговый кризис не есть постепенное приближение к более низким ценам, но внезапный скачок вниз от чрезмерно высоких цен» [2]).

Таким образом, торговый кризис возникает не благодаря перепроизводству, но благодаря чрезмерной спекуляции. Что каждый кризис, какими бы причинами он не вызывался, должен повлечь за собой сокращение спроса на труд—это также подчеркивается Миллем.

Если мы теперь сведем воедино взгляды Милля относительно причин безработицы, то мы придем к тому выводу, что они в общем и целом не отличаются от взглядов других представителей классической политической экономии. Подобно этим последним, он видит главный источник безработицы не в существе капиталистической системы, но в моментах, лежащих на периферии и независимых от производства. Правда, он не проходит равнодушно мимо темных сторон индивидуалистической системы, но полагает, что не в них основной источник социальной нищеты.

Корни и причины безработицы, равно как и большинство страданий пролетариата, лежат, по Миллю, в несоответствии между спросом и предложением труда и, в особенности, в беспрестанном росте последнего. Поэтому он видит в уменьшении числа рабочих рук самое под-

---

[1]) Срв. Lipowski,—Die Frage der Arbeitslosigkeit in der klassischen Nationalökonomie стр. 50—52, о причинах и значении улучшений машинной техники и ее применении в английской индустрии, Шульце Геверниц. „Крупное производство".

[2]) Цитировано по Neurath „Lesebuch", 2 часть. Стр. 193.

ходящее средство для уменьшения безработицы, которому он, вообще, приписывает способность повышать уровень заработной платы.

Как социальный реформатор, Милль имеет в виду также и другие мероприятия для разрешения проблемы безработицы и рабочего вопроса, а именно, упомянутую колонизацию, эмиграцию и производительные товарищества. Он видит, однако, во всех этих средствах только паллиативы, поскольку со стороны самих рабочих и со стороны общества и государства ничего не будет предпринято для урегулирования роста населения. Главное внимание при этом должно быть обращено на соответствующее образование и воспитание, которое создало бы новое, более требовательное к жизни поколение рабочих.

В этих взглядах Милля следует искать об'яснения отрицательного отношения его к праву на труд и к организации помощи безработным. Против «Права на труд», как его понимало временное правительство, по мнению Милля, не могут быть выдвинуты обычные возражения, которые выдвигаются против законодательства о бедных, но за то против него можно выдвинуть те наиболее основательные возражения, которые базируются на законе народонаселения. За исключением этого последнего принципа праву на труд, как наиболее ясной из всех моральных истин и наиболее связующему из всех политических обязательств, ничего не может быть противопоставлено [1]).

Отношение Милля к охране труда, к женскому и детскому труду, к продолжительности рабочего дня точно также испытало на себе влияние теории народонаселения. Он с одной стороны, является приверженцем законодательства по охране труда, но, с другой стороны, придерживается того мнения, что без разрешения проблемы народонаселения защита интересов рабочих не может дать должного эффекта в смысле улучшения их положения. Если же он тем не менее и выступает в пользу этого законодательства, то он делает это потому, что он во втором периоде своей деятельности пришел к убеждению, что самопомощь рабочих и свободная конкуренция, которые проповедывались старыми классиками, недостаточны для улучшения положения пролетариата.

Он признал, что для спасения пролетариата должно быть что то сделано и притом немедленно. С другой стороны, он думает, что упомянутые государственные мероприятия улучшат положение рабочего класса лишь в том случае, если сами рабочие поймут, что без ограничения инстинкта размножения всякое вмешательство государства в их пользу остается безрезультатным.

После всего того, что мы сказали в этой главе об отношении Милля к рабочему вопросу, мы можем подвести следующие итоги:

1. Милль признает, что в современном обществе существует рабочий вопрос, и что должны быть предприняты меры для его решения.

2. Решение рабочего вопроса может быть произведено в рамках индивидуалистической системы,—правда, видоизмененной реформами.

---

[1]) Mill. Собрание соч. нем. изд. т. II. Rechtfertigung der französischen Fewruarrevolution. Стр. 230.

3. Это решение будет действительным только при планомерной воспитательной и образовательной работе среди пролетариата, проводимой как средствами государтсва, так и в порядке индивидуальной помощи, и при одновременном ограничении числа рабочих.

Приэтом не следует упускать из виду, что Милль, в противоположность старым классикам, считал так называемое «стационарное состояние» наиболее благоприятным для улучшения социальных отношений и для решения рабочего вопроса.

ГЛАВА VII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В нашем исследовании мы изложили взгляды отдельных представителей классической политической экономии на рабочий вопрос; теперь мы переходим к подведению итогов и к общим выводам. Прежде всего возникает вопрос, существует ли вообще единая точка зрения классической политической экономии на рабочий вопрос.

На первый взгляд, на этот вопрос можно было бы ответить отрицательно. Однако, при более глубоком исследовании мы должны притти к заключению, что, в общем и целом, в классической политической экономии существует единое отношение к названной проблеме.

Внешним признаком единства взглядов ее представителей, если оставить в стороне Милля, является нечто негативное, а именно то обстоятельство, что для всех классиков не существует рабочего вопроса в современном смысле слова. Для них, как, например, для Смита и Сэя, рабочие существуют, как отдельные личности, но не как класс. Рабочие занимают определенное место в процессе производства и распределения. Их положение зависит от строения и развития хозяйственной жизни. По мнению названных авторов, все, что способствует развитию производства, благоприятно отражается на положении рабочих и наоборот. Правда, у Сэя этот взгляд до некоторой степени ограничивается его воззрениями на закон народонаселения и на влияние последнего на регулирование заработной платы и распространение безработицы. Остальные классики, как, например, Мальтус и Рикардо, рассматривают рабочий вопрос, как проблему заработной платы, бедности и народонаселения, и связывают его решение с урегулированием или с смягчением этих проблем.

Игнорирование рабочего вопроса, как самостоятельной общественной проблемы упомянутыми выше классиками обусловлено, с одной стороны, их взглядом, по которому государство играет лишь весьма скромную роль в хозяйственной и социальной жизни и, с другой стороны, состоянием производства того времени, в особенности состоянием рабочего движения.

Экономисты-классики уделяют главное внимание исследованию и об'яснению об'ективного хода производства; освещение же вновь созданных социальных отношений, положения рабочего класса и его отношения к двум высшим общественным классам занимают их лишь во вторую очередь. Правда, они рассматривают и общественный процесс распределения; так, например, Мальтус и особенно Рикардо ис-

следуют распределение общественного дохода. Однако, для классиков дело идет, главным образом, о распределении между двумя высшими классами населения. В этом отношении Смит и Милль (последний только во второй период своей научной деятельности) занимают позицию, несколько отличающую их от других классиков, так как они выступают в защиту увеличения доли пролетариата в процессе распределения. Несмотря на это, Смит и Милль, особенно первый, рассматривают, подобно всем другим представителям классической политической экономии, свободную конкуренцию, как лучшее и самое естественное средство для улучшения тяжелого положения пролетариата.

Для Смита, Мальтуса, Сэя и Рикардо, рабочий вопрос не существовал еще и потому, что в их время пролетариат не был еще политически и экономически организован и редко выступал в социальной борьбе, как самостоятельный класс. Для политической экономии рабочий вопрос возник лишь тогда, когда пролетариат, как класс, сплоченно и организованно обратился со своими требованиями к обществу, т.-е. к правящему классу. Это последовало только ко времени Милля. Отсюда его отступление от некоторых теорий старой классической школы, отсюда его стремление выдвигать и подчеркивать рабочий вопрос, как социальную проблему, которую он пытается разрешить в своих социально-политических трудах; но так как Милль остался на почве классической политической экономии и не выступал за полное уничтожение частно-хозяйственной системы, то его усилия, направленные к окончательному разрешению рабочего вопроса, остались по существу безрезультатными.

Несмотря на некоторые расхождения между экономистами-классиками [1]), об'ясняемые тем, что их труды были написаны в различное время, их взгляды по рабочему вопросу внутренне связаны между собой и отличаются большим единством.

Все, от Смита до Милля, ищут причину и источник страданий рабочего класса не в существе капиталистической системы, а преимущественно во внешних, не зависящих от производства, условиях. Недостатки общества происходят, таким образом, или от искусственных учреждений, или покоятся на законах природы.

Те страдания рабочего класса, которые возникли, благодаря искусственным ограничениям, могут исчезнуть и действительно исчезнут с полным устранением последних; те же, которые проистекают из природы человека, неизбежны; они могут быть лишь смягчены путем перевоспитания человеческой воли и характера, одним словом, путем самопомощи и самовоспитания. Если рабочие хотят улучшить свое положение, они должны, с одной стороны, бороться вместе с буржуазией против стесняющих свободную хозяйственную жизнь институтов, с другой стороны,—стараться смягчить естественные законы путем образования, воспитания и повышения своего уровня жиз-

[1]) Как, например, различие в оценке влияния машинного производства внешней и внутренней торговли и т. д., на положение рабочего класса.

ни. Вот, по нашему мнению, основные положения социальной философии классической политической экономии, на которых она построила свое отношение к рабочему вопросу.

Все классики, но особенно Смит и Сэй, настойчиво указывают, что источник тяжелого положения рабочего класса заключается в пережитках меркантилизма и полицейского государства, и что при установлении полной свободы конкуренции это положение будет постепенно улучшаться.

Мальтус, Рикардо и Милль находят, что источником отчаянного положения пролетариата, наряду с указанными причинами, является перенаселение, т.-е. прирост рабочего населения, обгоняющий увеличение фонда, необходимого для его содержания. Все трое думают, что индивидуальное самовоспитание рабочих поведет к уменьшению их числа и вместе с тем к улучшению их положения.

Разница между Мальтусом и Рикардо, с одной стороны, и Миллем, с другой, состоит не во взгляде на перенаселение, как на причину нищеты рабочего класса, а в рекомендуемых ими средствах устранения этого зла. Мальтус и Рикардо не признают других средств, кроме самодеятельности рабочих, тогда как Милль требует кроме того еще вмешательства государства, хотя, впрочем, и он придает большое значение индивидуальной самопомощи рабочих.

Большое сходство в теоретических взглядах экономистов-классиков мы находим также в их отношении к отдельным сторонам рабочего вопроса. Так в проблеме заработной платы все классики исходят из предположения, что цена труда определяется спросом и предложением. Заработная плата, по их мнению, регулируется, так сказать, естественным образом. Все они убеждены, что, если этот способ регулирования и не есть самый лучший, то все же остается наиболее выгодным для общего положения рабочего класса. Ибо искусственное повышение заработной платы должно, по их мнению, непременно ухудшить положение рабочих.

Таким образом, разница между учениями классиков о заработной плате состоит не в предпосылках, но в различном понимании причин, влияющих на уровень и, в частности, на повышение заработной платы.

Смит и Сэй придерживаются того мнения, что спрос на труд и увеличение капиталов являются решающими моментами в определении заработной платы. Отсюда их взгляд, что положение рабочего класса складывается наилучшим образом при возрастании производительных сил и капитала. В противоположность этому взгляду, Мальтус и Милль, не отрицая значения накопления капитала, думают, что предложение труда является важнейшим и доминирующим моментом в регулировании заработной платы. На этом основании понятно, почему Милль особенно подчеркивает, так называемое, «стационарное» состояние. Он считает его наиболее благоприятным для общественного прогресса, и в особенности для улучшения положения пролетариата. Здесь следует также искать источник того взгляда, что если рабочие

хотят улучшить свое положение, они должны заботиться об уменьшении предложения труда. Рикардо занимает в этом отношении среднюю позицию, хотя он стоит ближе к взгляду Смита и Сэя, чем к Мальтусу и Миллю.

Взгляд классиков на причины, регулирующие заработную плату, дает нам возможность понять их отношение к праву коалиций и стачек. Принципиально они противники этого права, так как оно, по их мнению, мало может помочь рабочим. Если тот или другой классик выступает в пользу этого права, то он делает это, исходя из соображений гуманности или по мотивам оппортунистического характера. Мальтус и Сэй открыто и недвусмысленно высказались против права союзов и стачек, тогда как Милль выступил его сторонником во второй половине своей научной деятельности. Рикардо не затрагивает совсем этого вопроса в своем основном труде. Только в частной переписке он по оппортунистическим соображениям выступает в пользу права коалиций. Смит, напротив, нигде не высказывался открыто за право союзов и стачек. Однако, в виду общего его отношения к рабочему классу, его нельзя рассматривать как противника этого права, хотя он не приписывал ему никакого значения для улучшения положения пролетариата.

По вопросу о безработице мы также находим у классиков по существу сходные взгляды. В общем и целом они рассматривали безработицу, как преходящее явление. Они были того мнения, что каждый, желающий работать, может получить занятие. Так же мало расходились они во взгляде на причины безработицы и на средства борьбы с ней. Прежде всего, следует отметить, что все они усматривали главную причину безработицы вне социальных и экономических факторов. Общей причиной несоответствия между спросом и предложением труда они считали пережитки старого экономического порядка. С устранением последних должно наступить улучшение, а вместе с этим, по их мнению, нарушения правильного хода хозяйственной жизни и связанная с этим безработица должны упасть до минимума. Это особенно подчеркивается Смитом и Сэем, тогда как Мальтус, Рикардо и Милль настроены менее оптимистично в отношении вышеуказанной проблемы. Все классики, за исключением Смита, считают ближайшей —хотя и не связанной с производством—причиной безработицы закон народонаселения. От разумного его регулирования они ожидают не только уменьшения безработицы, но и, как указывалось, решения рабочего вопроса.

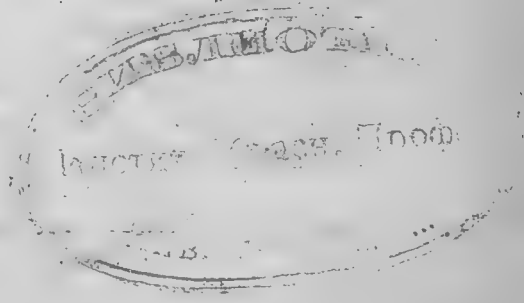
Все классики высказываются в пользу введения машин, так как последние увеличивают капитал и производительные силы. Все они убеждены, что благодаря машинам рабочий класс улучшит свое положение, как потребитель. Различную позицию занимают они лишь в вопросе о том, насколько введение механического способа производства влияет на безработицу. Смит мало исследовал проблему машинного производства и социальные последствия новых методов экономии труда для рабочего класса. Он был того мнения, что машинное производство не влияет на распространение безработицы. Этот взгляд осо-

бенно защищал Сэй, отрицая какое бы то ни было влияние машинного способа производства на рост безработицы. Мальтус ставит влияние введения машин на безработицу в зависимость от увеличения рынков сбыта, в то время как Милль был того мнения, что если машины вводятся за счет оборотного капитала и притом быстро одна за другой, то они вредят интересам рабочего класса. Но это, по его мнению, бывает редко. Единственно у Рикардо мы находим пессимистическое суждение относительно влияния машинного производства на пролетариат. Но и он не борется против введения машин, так как запрещение их может породить еще большее зло для рабочего класса.

Классики в своих исследованиях почти не затрагивают вопроса, в какой мере быстро распространяющийся женский и детский труд влиял на рост безработицы и на ухудшение материального и морального положения рабочего класса. Также мало внимания уделено ими вопросам охраны труда, которые занимают выдающееся место в современной политической экономии. Достойное внимания исключение составляют до некоторой степени Смит и, в особенности, Милль.

Р. Шюллер, в противоположность исторической школе, которая ставит в упрек классикам пренебрежение к интересам рабочих, следующим образом характеризует позицию классической политической экономии в этом вопросе: «В действительности мы находим у классиков горячее желание улучшить положение народных масс и широкую, направленную к этой цели инициативу, какую мы теперь можем наблюдать только у социалистов» (R. Schüller. «Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner». Стр. 64).

Мы думаем, что ни взгляд исторической школы, ни взгляд Шюллера не соответствуют действительному отношению классиков к рабочему вопросу. Мы полагаем, что мы показали это в нашем исследовании. Независимо от персональных симпатий или антипатий того или другого представителя этой школы к рабочему классу, их труды представляют собой теоретическое выражение их эпохи, т.-е. тех экономических и социальных отношений, которые были тогда господствующими. Эти экономические и социальные отношения наложили также свой отпечаток на позицию, занятую классической политической экономией в рабочем вопросе.



УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

Allix, Edgard: J. Say et les origines de l'industralisme Revue d'Economie politique. 24. Jahrg. Paris 1910.

Beer M.: Geschichte des Sozialismus in England. Stuttgart 1913.

Brentano, Lujo: Die klassische Nationalökonomie. Leipzig 1888.

Brentano, Lujo: Die Lehre von den Lohnsteigerungen mit besonderer Rücksicht auf die englische Wirtschaftslehre. Jahrb. f. Nationalökonomie u. Statistik. hrg. v. Bruno Hildebrand. B. XVI, Jena 1871.

Blanqui, A.: Historie de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours. Paris 1860.

Buret, Eug.: De la misère des classès labourieuses en Angleterre et en France Bruxelles 1843.

Block, Maurice: Les progrès de la science économique depuis Adam Smith. Révisions des doctrines économiques. Paris 1897.

Diehl, Karl: Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu David Ricardos Grundgesetzen der Volkswirtschaft u. Besteuerung. Leipz. 1905.

Ergang, Karl: Untersuchungen zum Maschinenproblem in der Volkswirtschaftslehre. Rückblick und Ausblick. Eine dogmengeschichtliche Studie. mit besonderer Berücksichtigung der klassischen Schule. Freiburg. Volkswirtsch. Abhandl. I. B. 2. Ergänzungsheft. Karlsruhe. B. 1911

Engels, Friedrich: Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipz. 1845. (есть русский перевод).

Gehrig, M. Die Begründung des Prinzips der Sozialreform. Eine literarhistorische Untersuchung über Manchestertum und Kathedersozialismus. Jena 1914.

Gide, Ch. & Rist. Ch.: Geschichte der volkswirtschaftlichen Lehrmeinungen: deutsch v. R. W. Horn; hrg. v. Oppenheimer. Jena 1913. (Есть русский перевод).

Hasbach, W.: Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner. Schmollers Jahrbüchern: neue Folge. XX. Jahrg. 3. Heft. Leipzig 1896.

Herkner, H. Die Arbeiterfrage. Berlin 1916. (Есть русский перевод).

Held, Adolf. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. Leipzig 1881.

Leser, Eman.: Der Begriff des Reichtums bei A. Smith. 1874.

Levasseur, E.: Histoire des classes ouvrières en France depuis la conquête de Jules César jusdu'à la révolution. Paris 1859.

Lange, Fr. Alb.: Die Arbeiterfrage. Ihre Bedeutung für Gegenwart und Zukunft. Winterthur 1875. (Есть русский перевод).

Lange, Fr. Ald.: J. St. Mills Ansichten über soziale Frage. Duisburg 1886.

Lipowski, J.: Die Frage der Arbeitslosigkeit in der klassischen Nationalökonomie. Berner Dissertation. Tübingen 1912.

Marx, Karl: Theorien über den Mehrwert. Hrg. von Karl Kautsky. Stuttgart 1905. (Часть переведена на русский язык).

Marx Karl: Das Kapital. Stuttgart 1914. (Есть русский перевод).

Malthus, Thomas Robert: Eine Abhandlung über das Bevölkerungsgesetz. Deutsch von Valentin Dorn und eingeleitet von H. Waentig, Jena 1905.

Malthus, Thomas Robert: Principes d'Economie politique, considérés sous le rapport de leur application pratique suivis des définitions en économie politique; traduit par Maurice Monjeau. Paris 1846.

Malthus & Say: Ueber die Ursachen der jetzigen Handelsstockung. (Briefwechsel). Hrg. v. Karl Heinr. Rau. Hamburg 1821.

Милль, Джон Стюарт. Политическая экономия. Пер. под ред. проф. Остроградского, есть перевод Н. Г. Чернышевского.

Mill, John Stuart: Selbstbiographie. Deutsch von D. Kolb. Stuttgart 1874.

Mill, John Stuart: Die Arbeiterfrage. Deutsch von S. Freund. Ges. Werke, B. XII. Leipzig. 1880.

Mill, John Stuart: Der Sozialismus. Deutsch von S. Freund. Ges. Werke, B. XII. Lepzig 1880.

Mill, John Stuart: Die Rechtfertigun der französischen Februarrevolution. Ges. Werke. B. XI. Leipzig 1875.

Neurath, Wilhelm: Gemeinverständliche nationalökonomische Vorträge. Geschichtliche und letzte eigene Forschung. Braunschweig 1902.

Neurath, A. & O.: Lesebuch der Volkswirtschaftslehre. Leipzig 1910.

Nostitz, H. v.: Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England 1900.

Oncken, Aug.: Geschichte der Nationalökonomie. 1. Teil. Die Zeit vor A. Smith. Leipzig 1902.

Рикардо, Давид. Начала политической экономии.

Reichesberg N.: Die Arbeiterfrage einst und jetzt.

Reichesberg, N.: Entwicklung der volkswirtschaftlichen Anschauungen im Rahmen des modernen Kapitalismus. Zürich 1917.

Reichesberg, N.: Wesen und Bedeutung des Malthusianismus. Bern 1915.

Смит, Адам: Богатство народов.

Say, J. B.: Traité d'économie politique. Deutsch von Carl Eduard Morstadt. Heidelberg 1830.

Say, J. B.: Cours d'économie politique. Deutsch von Max Stirner. Leipzig 1845.

Stein, Lorenz: Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Leipzig 1848.

Schüller. R.: Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner. Zur Geschichte der Nationalökonomie und Sozialpolitik seit A. Smith. Berlin 1895.

Schulze-Gävernitz, Gerh. v.: Der Großbetrieb, ein wirtschaftlicher und sozialer Fortschritt. Leipzig 1892. (Есть русский перевод.).

Thornton, William Thomas:. Die Arbeit: ihre unberechtigten Ansprüche und ihre berechtigten Forderungen, ihre wirkliche Gegenwart und ihre mögliche Zukunft. Deutsch von Hugo Schramm. Leipzig 1870.

Waha Raymond de: Die Nationalökonomie in Frankreich. Stuttgart 1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие к русскому изданию 3

Введение 5

Глава I. Развитие крупной промышленности и положение рабочего класса в Англии во 2-ой половине XVIII и 1-ой половине XIX столетия. 7

Глава II. Адам Смит 22

Глава III. Томас Роберт Мальтус. 37

Глава IV. Давид Рикардо. 52

Глава V. Ж. Б. Сэй. 71

Глава VI. Джон Стюарт Милль 81

Глава VII. Заключение 97

Указатель литературы 102